

СМЕНА

№ 24 ДЕКАБРЬ 1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

**«БУДЬТЕ
ВСЕГДА ДОСТОЙНЫМИ
ВЫСОКОГО ЗВАНИЯ
МОЛОДЫХ СТРОИТЕЛЕЙ
КОММУНИЗМА»
Л.И. БРЕЖНЕВ**

19 ДЕКАБРЯ 1976 ГОДА
ИСПОЛНЯЕТСЯ 70 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ТОВАРИЩА ЛЕОНИДА ИЛЬИЧА БРЕЖНЕВА.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ
СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС
ТОВАРИЩ Л. И. БРЕЖНЕВ
О КОМСОМОЛЕ
И МОЛОДЕЖИ

ИЗ ДОКЛАДА НА ТОРЖЕСТВЕННОМ
ЗАСЕДАНИИ В КРЕМЛЕВСКОМ ДВОРЦЕ
СЪЕЗДОВ:

Гордость нашего народа—советская молодежь, для воспитания и образования которой мы не жалеем сил и средств. Она активно участвует в строительстве коммунизма.

6 ноября 1964 года

ИЗ ДОКЛАДА НА СОВМЕСТНОМ
ТОРЖЕСТВЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ЦК КПСС,
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
И ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР:

Будущее Страны Советов станет таким, каким его сделают сегодняшние октябрята, пионеры и комсомольцы. И партия твердо уверена, что это будущее будет прекрасным, что наши дети и внуки с честью будут нести вперед великое знамя Октябрьской революции!

3 ноября 1967 года

ИЗ РЕЧИ НА XIX МОСКОВСКОЙ
ГОРОДСКОЙ ПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ:

В наши дни во все области жизни все более властно вторгается наука. Теперь уже почти нет отраслей промышленности, развитие которых можно было бы представить себе без участия электроники и кибернетики, без использования достижений биохимии и квантовой физики и многих других вершин современного научного знания.

ВЫСТУПЛЕНИЕ В ХЕЛЬСИНКИ НА
СОВЕЩАНИИ ПО БЕЗОПАСНОСТИ
И СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЕВРОПЕ.

Л.И. БРЕЖНЕВ: „БУДУЩЕЕ СТРАНЫ В ХОРОШИХ РУКАХ“

ВСТРЕЧА С РАБОЧИМИ АВТОЗАВОДА
ЗИЛ.

Этими вершинами должна овладевать наша молодежь. Проявляя повседневную заботу о марксистско-ленинском воспитании советской молодежи, мы должны заботиться и о том, чтобы полученные знания были обращены ею на решение практических задач коммунистического строительства, чтобы все достижения современной науки использовались на благо советских людей.

29 марта 1968 года

ИЗ РЕЧИ НА ТОРЖЕСТВЕННОМ
ПЛЕНУМЕ ЦК ВЛКСМ:

Страна наша, великий наш народ строят коммунизм. Входить в его светлое здание, утверждать между людьми новые отношения, о которых тысячами мечтала лучшие умы человечества, во имя которых отдавали жизнь многие поколения революционеров,—предстоит вам, сегодняшним комсомольцам Советской страны. Но чтобы достойно выполнить эту историческую миссию, нужно к ней хорошо подготовиться, нужно учиться коммунизму.

Что это значит в нынешних условиях?

Учиться коммунизму—это значит всегда стремиться быть активным участником коммунистического строительства, чтобы твой труд—источник удовлетворения и радости жизни для самого тебя—сливался с трудом твоих товарищей на общее благо. Это значит всегда ставить перед собой цель—стать еще более квалифицированным работником, овладевать все новыми научными и техническими знаниями. Это значит всегда искать новые, еще более эффективные пути в производстве.

Учиться коммунизму—это значит неустанно изучать теорию марксизма-ленинизма, вырабатывая в себе ясное понимание великого исторического дела, за которое борются наша партия и наш народ, твердую идейную убежденность в правоте этой борьбы. Это значит

постоянно развивать в себе классовое самосознание, воспитывать себя на революционных традициях Коммунистической партии и рабочего класса в духе непримиримости к классовым врагам и их идеологии. Это значит учиться распознавать классового врага, какой бы личиной он ни прикрывался.

Учиться коммунизму—это значит активно участвовать в общественной жизни, привыкать к управлению общественными делами, всегда и во всем отстаивать интересы нашего общества, нашего народа, нашего государства.

Учиться коммунизму—это значит словом и делом, своим личным примером утверждать нормы коммунистической морали и нравственности. Это значит постоянно повышать свой культурный уровень, расширять свой кругозор, обогащать ум все новыми и новыми знани-

ями из сокровищницы человеческой культуры.

Учиться коммунизму—это значит воспитывать себя в духе беззаветного советского патриотизма. Это значит стремиться всеми силами содействовать укреплению могущества и процветанию нашей великой Родины. Это значит как зеницу ока беречь морально-политическое единство нашего общества, крепить дружбу народов нашей страны, быть непримиримым к любым проявлениям национализма. Это значит всегда быть готовым отдать все свои силы, а если потребуется, и жизнь за дело защиты своей социалистической Родины, за счастье своего народа, за дело коммунизма.

Учиться коммунизму—это значит воспитывать себя в духе пролетарского, социалистического интернационализма,

НА XVII СЪЕЗДЕ ВЛКСМ.

в духе братской дружбы с народами социалистических стран, боевого союза со всеми борцами за дело мира и свободы народов, в духе классовой солидарности с трудящимися всего мира.

25 октября 1968 года

**ИЗ РЕЧИ НА СОВМЕСТНОМ
ТОРЖЕСТВЕННОМ ЗАСЕДАНИИ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ УКРАИНЫ
И ВЕРХОВНОГО СОВЕТА УКРАИНСКОЙ
ССР, ПОСВЯЩЕННОМ ВРУЧЕНИЮ
УКРАИНСКОЙ ССР ОРДЕНА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ:**

Но каким именно станет наше завтра, в немалой степени будет зависеть от того, что сумеют создать и построить те граждане Советского Союза, которых

мы сегодня называем молодежью! Им наша партия, наше социалистическое общество уделяют максимум внимания, щедро обеспечивают все возможности для их дальнейшего духовного и физического развития, для их гражданской, политической активности. И надо признать, что наша молодежь отвечает на эту заботу о ней славными трудовыми делами на заводах и на полях, в научных лабораториях, в аудиториях вузов, в воинских частях, охраняющих мирный труд народа.

Очень хорошо, что советская молодежь наших дней по инициативе комсомола создала такие новые традиции, как походы по местам революционной, боевой и трудовой славы, соревнования за переходящие знамена героев первых пятилеток, движение наставничества, когда ветераны труда руководят молодежными бригадами, слеты трудовых династий и многое, многое другое. Все это помогает молодым людям как бы расширить рамки своего жизненного опыта, лучше понять и оценить то, что сделано в нашей стране, что достигнуто десятилетиями борьбы партии и народа...

...мы, люди старшего возраста, имеем возможность по собственному опыту сравнить прошлое и настоящее. Молодежь лишена такой возможности. О контрастах между прошлым и настоящим она знает только из книг и кинокартин, с трудом представляет себе ту нищету и бедность, свидетелями которых были мы. Поэтому важно воспитывать нашу молодежь так, чтобы она глубоко поняла и прочувствовала все, что довелось видеть и пережить нам, старшим,—тяжкую жизнь трудящихся при царизме, нелегкие, но полные энтузиазма годы первых пятилеток, бедствия и беззаветный героизм военных лет. Обо всем этом молодежь должна знать от ветеранов, от героев труда и героев войны...

Молодежь Советской страны, ее вождь—многомиллионный комсомол, надежный резерв нашей партии, с честью оправдывают надежды партии и народа. Мы, люди старшего поколения, говорим с уверенностью: будущее страны в хороших руках, а это значит, что мы работали и боролись не напрасно.

26 июля 1973 года

ИЗ РЕЧИ НА XVII СЪЕЗДЕ ВЛКСМ:

Доверять молодым, опираться на свойственные молодежи энтузиазм и благородное стремление трудиться на общую пользу и вместе с тем помогать правильно ориентироваться в жизни, вооружать молодежь знаниями и опытом старших поколений—всегда было в традициях коммунистов. Партия будет и впредь укреплять эти традиции, развивать активность молодежи, еще шире привлекать ее к участию в управлении делами социалистического общества.

Родина, партия верят в молодое поколение, и жизнь показала: в любом деле на комсомол можно смело положиться!

23 апреля 1974 года

КОМСОМОЛЬЦАМ ГОРОДА МОСКВЫ— ПОБЕДИТЕЛЯМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ:

Мы, люди старшего поколения, видим в молодежи нашей страны замечательные черты советского человека, которые характерны для ваших отцов и матерей, беспредельную преданность партии, Родине, самоотверженность в труде, героизм в штурме передовых рубежей пятилетки...

Партия высоко ценит трудовой энтузиазм советской молодежи, видит в Ленинском комсомоле свой боевой резерв и надежную смену...

Нас, фронтовиков, в решающие моменты всегда вдохновлял боевой призыв: «Коммунисты и комсомольцы—вперед!»

Будьте всегда достойны подвига старших поколений, упорно овладевайте знаниями, вместе со всем народом подвигайте участвуйте в борьбе за успеш-

ное выполнение заданий пятилетки, за построение коммунизма в нашей стране.

14 января 1975 года

УЧАСТНИКАМ III ВСЕСОЮЗНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ИЗУЧЕНИЕ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ ЖИЗНИ, ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА, ДОКУМЕНТОВ КПСС»:

Обращаясь к бессмертным ленинским трудам, документам нашей партии, молодежь воспринимает их как руководство к научному познанию мира, личному участию в созидательном труде на благо народа. Почетная обязанность партийных организаций, педагогических коллективов, комсомола—всемерно поддерживать стремление молодежи к ленинскому слову, к постижению жизненного подвига вождя, исторического опыта КПСС. Очень важно, чтобы выполнение ленинского завета «учиться коммунизму» стало для каждого молодого человека глубокой внутренней потребностью.

8 октября 1975 года

ИЗ ОТЧЕТА ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС XXV СЪЕЗДУ КПСС:

35-миллионная армия комсомольцев—надежный помощник партии, ее непосредственный боевой резерв. Какие бы задачи ни ставила партия, комсомол с энтузиазмом молодости борется за их решение.

Сколько хороших инициатив выдвинул комсомол за истекшую пятилетку, сколько доблестных дел он осуществил! Строительство Байкало-Амурской магистрали, ударные комсомольские стройки; их в пятилетке было 670, здесь работало более полумиллиона юношей и девушек. Комсомол шефствует над сооружением 1200 объектов мелиоративного и сельского строительства Нечерноземной зоны Российской Федерации. А студенческие строительные отряды! Все мы знаем, как тянется в них молодежь. И ведь эти отряды делают огромное дело. За девятую пятилетку они выполнили объем работ примерно на 5 миллиардов рублей. Невозможно переоценить их значение и как школы трудового воспитания.

Трудовая слава комсомола—это прочно завоеванная им позиция. Но, товарищи, надо понимать, что сама жизнь предъявляет к комсомолу все более и более высокие требования. Ведь именно в комсомоле молодые люди активно приобщаются к сознательному участию в коммунистическом строительстве. Воспитывать такую сознательность не так просто, особенно учитывая, что имеешь дело с людьми молодыми, с еще неустоявшимися характерами. Они готовы искренне, горячо откликнуться на любые хорошие начинания. Но столкновение с формализмом, с бюрократическим подходом к воспитательной работе гасит огонь сердец. А ведь наша задача не только сохранять, но и раздувать этот огонь. Мы хотим, чтобы энтузиазм, живость ума, молодая энергия оставались у наших людей на всю жизнь. Этому должен способствовать комсомол, это должно быть его важной заботой.

24 февраля 1976 года

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ВСТРЕЧЕ С РАБОЧИМИ АВТОЗАВОДА ЗИЛ:

Ярким и убедительным доказательством верности молодого поколения заводу идеалам коммунизма, заветам Ленина, делу Коммунистической партии явилась новая инициатива комсомольцев и молодежи ЗИЛА под девизом: «Пятилетке эффективности и качества—энтузиазм и творчество молодых!» Она вышла далеко за пределы заводских корпусов, превратилась в массовое патриотическое движение и подхвачена сейчас молодежью всей страны.

30 апреля 1976 года

Фото Юрия АБРАМОЧКИНА, Алексея ГОСТЕВА и ТАСС

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 24 (1190) ДЕКАБРЬ 1976

Наша обложка: Леонид Ильич БРЕЖНЕВ среди молодежи на торжествах, посвященных 50-летию образования Молдавской ССР.

Фото Юрия АБРАМОЧКИНА

- 1 К 70-летию со дня рождения Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева.
- 4 Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ. «ДОРОГОЙ ДРУЖБЫ И МИРА».
- 5 Стихи молодых поэтов Азии и Африки.
- 6 Анатолий АНАНЬЕВ. «СЕМЕЙНАЯ ССОРА».
- 9 ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНИ»—БАМ.
- 10 УРОКИ ЖИЗНИ. Диалог бетонщика Владимира КРИВОБЛОЦКОГО и секретаря Верхнебуреинского райкома КПСС Владимира Евгеньевича ЧЕРЕНКОВА.
- 12 «ДАВАН». Фотоочерк Анатолия БАРАНОВА и Альберта ЛЕХМУСА.
- 14 «МОЯ ОЛОНКА». Очерк Ивана ВАСИЛАКИ.
- 18 ЧЕМПИОНЫ О СЕБЕ. Мария ИСАКОВА. «СПОРТ НАЧИНАЕТСЯ С ЛЮБВИ».
- 20 МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ. Фотоочерк о вокально-инструментальном ансамбле «Песняры».
- 23 КОНКУРС ЧИТАТЕЛЬСКИХ ПИСЕМ.
- 24 ДАЛЕКОЕ—БЛИЗКОЕ. Нина МОЛЕВА. «ЗАБЫТОЕ ИМЯ ПОЭТА».
- 26 Роман Андрея ЛЕВИНА «ЖЕЛТЫЙ ДРАКОН ЦЗЮ».
- 30 ДЕКАБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. Обзор зарубежной печати.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ
РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, С. А. Абрамов, А. П. Кулешов, В. В. Луцкий (заместитель главного редактора), Г. Л. Немченко, В. Г. Победоносцев (ответственный секретарь), Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, В. А. Саюшев, Г. В. Семенов, А. П. Середа, Г. С. Терзибашьянц (главный художник), Б. А. Фаин, Д. Н. Филиппов, О. Н. Шестинский.

Художник С. П. Тюнин. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда». «Смена», 1976 г.

ДОРОГОЙ ДРУЖБЫ И МИРА

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ,
секретарь правления
Союза писателей СССР

В октябре в столице Узбекистана Ташкенте состоялась встреча молодых писателей стран Азии и Африки. Посланцы этих стран собрались, чтобы обсудить самые важные, самые животрепещущие проблемы развития национальных литератур. С высокой трибуны ташкентского форума молодых прозвучали речи в защиту мира во всем мире, участники встречи выступили как непримиримые противники геноцида.

Встреча молодых писателей стран Азии и Африки стала еще одной важной вехой на дороге к свободе и прогрессивному развитию двух континентов.

Сегодня мы представляем читателям нашего журнала нескольких участников ташкентского форума молодых писателей.

Я не люблю хвастунов. Очень не люблю.

Но сейчас я хочу хвастать. Я не могу не хвастать! Я буду хвастать!

Я хвастаю своей страной — огромной, бескрайней, многоязыкой и единой.

Я хвастаю ею не так, как хвастают раем или божьей благодатью.

Я хвастаю трудной и гордой судьбой моей Державы, спасшей мир от фашизма, хвастаю ее многовековой древностью и ее молодой Революцией, на знаменах которой с самого первого часа было написано звенящее слово: Интернационализм!

Говоря о писательском труде, я хвастаю нашим великим читателем. Литература у нас в стране создается на 76 языках, на стольких же языках выходят книги. И не зря наша страна признана самой читающей в мире.

Я хвастаю тиражами наших книг. Пусть простят меня прозаики, но я пишу стихи и поэтому начну с примеров, связанных с изданием поэтических сборников.

Так вот: тираж книги стихов некоторых поэтов в 50, 100 и даже 200 тысяч экземпляров сейчас ни у кого из нас не вызывает удивления. Наоборот, читатели говорят: мало! И впрямь мало — сборники расходятся практически за несколько часов.

Мы очень трепетно относимся к многообразному наследию национальных культур всех советских народов, знаем и любим свою классику. Тиражи классического наследия исчисляются у нас десятками и сотнями миллионов экземпляров.

Но мы далеки от того, чтобы замыкаться в рамках наших литературных границ, в рамках только наших культур.

Я горжусь и хвастаю тем, что со дня основания Советского государства у нас на всех 76 языках издавались и издаются классические произведения мировой литературы.

Приведу пример: три года назад в Москве был издан большой том «Поэзия Африки». Его тираж — 300 тысяч экземпляров. Но книги этой вы сейчас не найдете. Она была распродана тогда же — три года тому назад.

Ну, а если говорить о классиках

западной литературы, то, например, общий тираж книг Чарльза Диккенса, вышедших у нас в стране, равен 24 миллионам, Виктор Гюго издан тиражом в 25 миллионов, Марк Твен — в 21 миллион. В общем, могу даже сообщить вам по секрету, что у нас, в Советском Союзе, перечисленные и не перечисленные мною писатели изданы большими тиражами, чем у себя на родине — в Англии, Франции и США.

Привел я эти цифры только для того, чтобы вы поняли, что стоят разговоры о так называемой «закрытости» нашего мира, о пресловутом «железном занавесе»...

Для писателя да и вообще для всякого человека самая страшная жизнь — это жизнь без ответа, без эха. Не зря люди так любят протяжно кричать в горах, в тех местах, где есть эхо.

«Эге-ге-гей!» — кричат они. И радостно слушают ответ — гигантский ответ гор.

Большинство писателей не может пожаловаться на «безответную» жизнь.

Каждый молодой литератор представляет не только себя, но и молодых читателей своих стран. В этой связи чрезвычайно важно, чтобы каждый писатель владел не только профессиональным литературным мастерством, но и мастерством общественным.

Все дороги мира — от лесных проселков до широких автострад, от маленьких пыльных тропинок до космических трасс — должны проходить через писательское сердце. Наша профессия не терпит равнодушных.

На мой взгляд, это касается всех, и особенно молодежи. Ведь писательская молодежь — это не предисловие к будущей книге. Это сама книга. Ее первые страницы. Может быть, самые лучшие. Поэтому важно с самого начала отвечать за каждую строку, за каждую букву. Преступно думать: «А, успею еще... Научусь!»

Когда и чему? Таланту? Требовательности к себе? Работоспособности? И то, и другое, и третье начинается с самого первого шага.

Молодая бездарность с течением времени может стать только пожилой бездарностью! Иных превращений я

не видел. В этом смысле в жизни чудес не бывает. Даже в эпоху научно-технической революции.

Кстати, несколько слов об этом феномене нашего века.

Случилось так, что двадцатый век раз и навсегда вырос из привычных важно-повествовательных словосочетаний типа: «Шло время...»

Сказать сейчас: «Время идет...» — значит ничего не сказать.

Время давно уже не идет — оно летит, мелькает, мчится, несется, задыхается, подгоняет, подминает под себя!

Конвейерное производство вкусов, похожесть новых домов, стандарт причесок, платьев, книг, улыбок, танцев, песен, кинокумиров...

Нет на свете двух людей с одинаковыми отпечатками пальцев. Появилась масса людей с одинаковыми отпечатками душ.

Раздаются крики: «Остановитесь! Так дальше нельзя!»

Ищут виновников. Вздыхают о тех старых добрых временах, когда на земле не было ни радио, ни телевидения.

Но разве виноваты сами по себе эти и другие научные открытия Человечества?

Разве виноват изобретатель колеса в том, что через много тысяч лет после его изобретения кто-то из людей придумал пытку колесованием?

Разве виновата азбука в том, что буквы, выстраиваясь в слова, выражали и выражают порою самое немыслимое мракобесие, самые убогодичные теории о превосходстве одного народа над другим?

Разве она — азбука — виновата в том, что, к сожалению, пишутся и издаются книги, после прочтения которых начинаешь дико завидовать неграмотным?

Разве виноваты сами по себе нынешние средства массовой информации? Ведь сами по себе они благо. И огромная сила!

Дальше уже начинаются вопросы: кому служит эта сила? В чьих руках она находится? О чем и как информирует? К чему призывает?

Эти вопросы время от времени задает себе и каждый человек и все Человечество...

И еще об одной проблеме, которая касается всех писателей — и молодых, и старых, и нынешних, и будущих. Впрочем, в такой же мере она касается и всех читателей. Я имею в виду проблему обеспечения мира и безопасности всех народов Земли.

Мне рассказали, что у нас в Сибири, в районе озера Байкал, есть скала с выбитыми на ней древними рисунками. Скорее всего около этой скалы много тысяч лет тому назад наши предки совершали какие-то ритуальные действия, и каждое такое действие первобытный художник отмечал очередной символической картинкой.

Рисунки идут горизонтально — длинной ровной лентой. И у каждого рисунка один простой и понятный сюжет: человек преследует зверя.

Итак: человек преследует зверя...

И снова и еще раз: человек преследует зверя...

Этот сюжет повторяется на всех рисунках, кроме самого последнего. А на последнем: человек преследует человека!..

И все. Дальше — скала. Голая, безжизненная скала.

Мы можем только гадать, что произошло с первобытным художником. Может быть, началась война племени и ему стало не до рисования. Может быть, он просто погиб в первом же бою, так и не успев продолжить свои художественные опыты. Этого мы никогда не узнаем.

Но мне почему-то кажется, что доисторический художник нарочно оборвал повествование, и вся эта длинная цепочка рисунков — письмо нам с вами.

Письмо из невероятно далекого и наивного века.

Письмо-предупреждение...

Несколько лет назад кто-то из журналистов сложил военные бюджеты и подсчитал, что земной шар тратит на свое вооружение 30 миллионов долларов в один час!

Я не пацифист. Нашей стране с самого первого дня ее существования пришлось столько раз сражаться с врагами, столько раз отстаивать свою независимость, что мы хорошо научились заприщипывать свой дом, свою землю, свое прошлое и будущее. Мы убедились на собственном опыте: колонизаторы сами добровольно ниоткуда не уходят! Еще и поэтому мы поддерживаем справедливость освободительных войн!..

Но подумайте: 30 миллионов долларов в один час. На вооружение.

А сотни тысяч детей на земном шаре умирают от голода. Умирают, не став инженерами, поэтами, крестьянами, учеными. Умирают, не узнав, что такое любовь. Умирают, не прочитав ни одной книги...

30 миллионов долларов в час. На вооружение.

А во многих странах мира не хватает школ, не хватает учителей, врачей, нет самого необходимого. И вся жизнь многих сотен тысяч людей превращается в долгий, бесконечный поиск куска хлеба.

Когда археологи — люди, одержимые мечтой, устремленной в прошлое, — продравшись сквозь тысячелетний пласт земли, доходят в своих раскопках до золы, в которой попадаются черепки грубой посуды и затвердевшие головешки, они — археологи — вздрагивают от волнения и радости. У археологов такая зола называ-

Банг ВИЕТ
(Вьетнам)

Начало века

Мутная вода таежной Шуши.
Осенних ночей промозглая тьма.
Река, бегущая все глуше и глуше
Перед ледоставом. И вновь зима.
Ильич (он тогда еще Лениным не был)
Смотрел на расстилавшиеся за рекой луга...
Метели с воем заслоняли небо.
В полный рост вставали снега.
Река и луга за долгие три года
Стали друзьями ильичевых дум.
Могучей мысли свершилась работа
В глуши, под ветра унылого шум.
А еще он дружил с шушенскими бедняками,
Помогал, втолковывал не спеша,
Говорил с охотниками и рыбаками,
Сидя в сумерках у шалаша.
Холодна весенняя ночь... Мастерили
Кучу хвороста. Тлеющий трут
Осторожно к листьям сухим подносили
И смотрели, как бойко по веткам бегут
Язычки огня, и вот уже вся гряда
Хвороста огненной стеной

К небу взлетала... Так вот откуда
Начинается пламя—с искры одной!
Он вернулся домой.
Было сонно в мире.
Стынь и мрак.
Реке подо льдом невмочь.
И только ветер гуляет в небесной шире
В ночь весеннюю, в новогоднюю ночь!
...Как много решил он ночью этой,
Как мысли свои далеко простер:
Над всей эпохой, над всей планетой—
Живые, пламенные, как костер!
...Он встал, накинул пальто и вышел.
На дворе было почти светло.
Багровое зарево, разливаясь все выше,
По небу ветреному текло.
Вот сейчас Земля качнется, как зыбка,
И новорожденный век закричит!..
Ленин, сощуря глаза улыбкой,
В небо распахнутое глядит...

Перевел Григорий КРУЖКОВ.

Кеорапетсе КГОЦИТСИЛЕ
(ЮАР)

Возрождение придет неизбежно,
И после него
Только боль за погибших,
Боль одиночества
Останется с нами,
Безмолвная, словно глубокое озеро.
Быстрые реки надежды,
Струясь из бессмертных ключей,
Промоют прямую дорогу
Сквозь лабиринты
Колониальных веков,
Рождая героев,
Чьи сильные руки
Оружье поднимут...
Возрождение придет неизбежно.

* Кеорапетсе Кгоцитсиле живет в Танзании как политэмигрант.

Перевел Феликс БУРТАШОВ.

ется «культурным слоем». Название это совершенно справедливо.

Но я не хочу, чтобы когда-нибудь на нашей с вами планете возник новый археологический «культурный слой». Слой, состоящий из спекшихся камней, расплавленного стекла и искореженного металла.

Такой «культурный слой» будет свидетельствовать только о том, что Человечество, создав великолепную мировую культуру, в конце концов предало и ее и себя. Правда, раскапывать этот страшный «культурный слой» скорее всего будет некому.

Я говорю на такую тему потому, что она самым тесным образом связана с темой нашей встречи: «Место молодого писателя в строительстве национальной культуры». Нельзя построить национальную культуру в отрыве от главной и решающей проблемы земного шара!..

В заключение я хочу сказать вот что.

Когда-то давно—мальчишкой—я жил с родителями в крохотной комнате. А в городе, где я жил, был музей с большими, просторными залами.

Помню, когда родители привели меня туда, я долго пытался выяснить у матери: кто живет в таких огромных и таких красивых комнатах?

Сначала мать смеялась и ничего не отвечала. А потом сказала: «Здесь живет наше прошлое. Оно очень большое. Очень! Поэтому люди и построили для него такой большой дом...»

Только выйдя из музея, я окончательно поверил материнскому объяснению. Дело в том, что около здания стояли большие бронзовые львы. И я подумал: если уж таким старым и таким красивым львам не хватило места в музее, значит, нашего прошлого действительно очень много!

А потом я поверил в то, что лес огромен оттого, что в нем живет множество зверей и сказок, а небо огромно потому, что в нем живет бесчисленное количество птиц и звезд, и что в большом океане живет большой ветер и большая мечта, и что люди строят огромные здания библиотек потому, что невероятно огромна мудрость людей...

Но в каждом из нас бьется сердце. Обыкновенное человеческое сердце. Маленький комочек работающих мышц.

Оно—это сердце—по размеру гораздо меньше и музеев, и дворцов, и библиотек. И, уж конечно, сердце это меньше океана и меньше неба.

Но получается так, что в нем—маленьком человеческом сердце—живет и прошлое, и настоящее, и будущее нашей с вами планеты.

А еще в нем живет большая ответственность за судьбу наших национальных культур.

Ответственность за то, что каждый из нас напишет завтра.

Зу Махараву
РАЦИФАНДРИХАМАНАНА
(Мадагаскар)

Хлопайте все!..

Хлопайте,
хлопайте все...
Все восемнадцать племен,
собирайтесь в единый круг—
круг единства и радости.
Многие пытались
разомкнуть наши пальцы,
согретые теплом рукопожатия,
многие пытались
разобщить нас.
Мы сразу же узнавали
чужие голоса.
Народ не обманешь.
Только в борьбе
обретем мы свободу.
Мы скажем решительно «нет»
противникам нашим,
тем, кто пытается счастье свое
построить на несчастье других,
тем кошкам полночным,
которые подкрадываются
к нашим кладовкам
в поисках рыбы.
Народ не обманешь.
Хлопайте,
хлопайте все...

Перевел Анатолий ГОРЮШКИН.

Гауссу ДИАВАРА
(Мали)

Вместе!

Лес—
огромная хижина.
Тусклая лампа луны.
Переплетенья лиан.
Полный кувшин тишины.
Люди в лесу—
африканцы,
братья мои,
дети единой семьи.
Толстые губы,
крылатый смеющийся нос,
зубы слепящие,
шапка упругих волос...
Пахари и пастухи,
уроженцы пустынь и саванн,
думы мои

и стихи
посвящаются вам!
Вместе мы бросим
вызов невзгодам и бедам!
Руки протянем
черные—белым!
Люди разных племен,
городов и селений,
мы пришли в этот мир,
обновленный, весенний,
чтобы трудиться и мыслить,
любить и мечтать,
и не быть одиночками,
и свободными стать!

Перевел Михаил КУРГАНЦЕВ.

Рисунок Владимира ДЕЛБЫ

Анатолий АНАНЬЕВ

СЕМЕЙНАЯ ОСОБОРА

XIV

Из всех живших в Тюмени родственников (тех самых сестер Анны Юрьевны, о которых она так охотно рассказывала в этот вечер Дементию) Евгения была для Виталины не только любимой тетей, но и крестной матерью, и, может быть, именно потому между ними с давних лет установились те дружеские отношения, когда Виталина с малейшей радостью или горем непременно забегала к тете Жене, зная, что всегда найдет у нее понимание своим чувствам и будет обласкана и утешена ею.

Ей все нравилось у тетки, все представлялось ухоженным, отупоженным и отдавало, несмотря на старческий вид самой хозяйки, какую-то будто постоянно поддерживавшуюся свежестью; Виталина словно попадала в тот всегда недостающий ей мир тишины и благоразумия, какого не было у нее ни дома, ни на работе и какой здесь, у тетки, чувствовался как будто во всем — в вещах, в словах, в движениях, в том, как старая и степенная Евгения вносила кипящий электрический самовар и приглашала к столу — чай и пироги всегда были неизменным угощением крестной. Она сначала разливала по чашечкам заварку, потом кипяток, и худая и так же, как у матери Виталины (до того года, пока Анна Юрьевна не взялась воспитывать внуков), не знавшая тяжелой работы рука ее, обхватывая у запястья тонким позолоченным браслетом, выдавала какую-то будто родовую (и будто в противоположность той, что была у матери Виталины) интеллигентность. Позолоченный браслет ее, задевая то о блюдце, то о чашечку, издавал негромкий фарфоровый звон, и звон этот, как подголосок, приятно сопровождал чаепитие. В манерах и одежде Евгении и еще более в том, как она угощала пирогами и чаем, было что-то из прошлого и давно забытого всеми арсенала еще не ставших барами, но уже мнивших себя таковыми разбогатевших городских мешан, но так как Виталина не могла вполне оценить, что именно было из того забытого всеми арсенала и что не из того, и от любви к тете не в силах была ни в чем осудить ее, то находила только, что в доме Евгении все было как будто пропитано русской благородной стариной, размытой теперь во многих других семьях, и изумлялась характером тетки.

— А я не могу, — говорила она иногда о себе. — У меня все по-другому, все на какой-то общий, интернациональный манер.

Она уходила от тетки успокоенной, словно какое-то умиротворение вливалось в нее, и ей начинало казаться (как и Евгении), что все, что происходит на земле, неизбежно и естественно, что любая радость или горе есть только одна сторона целого и что стоит лишь усвоить это, как ничто на свете уже не будет представляться ни сложным, ни обременительным: череда дней, череда лет, череда чувств — все приходит и уходит и, самое главное, не становится поперек дороги жизни. Разумеется, речь шла обычно о человеческих отношениях, и когда Евгения говорила — может быть, именно оттого, что в голосе ее звучала та будто неподдельная искренность, не уловить и не почувствовать которую было нельзя, — Виталине все представлялось настолько убедительным, что она долго потом недоумевала, как можно воспринимать мир иначе, чем воспринимает его старая и гостеприимная Евгения. «Оттого и живет легко и все ей в радость», — думала она, зная лишь эту привлекательную половину теткиной жизни.

Но сама Виталина, как ни подлаживалась под теткин философию, как ни старалась всякое событие представить в естественном потоке жизни, не могла не возмущаться, когда что-то казалось ей возмутительным, и не могла не радоваться, когда выпадало ей что-то особенно приятное. Из поликлиники, где каждый день она встречалась с самыми разными людьми, она часто приходила расстроенной, но и дома, где не все было так, как ей хотелось, еще более не могла оставаться спокойной, и из этих всех как будто будничных мелочей в ней

постепенно накапливалась тяжесть жизни, которую надо было сбросить, и тогда Виталина вспоминала, что есть тетка Евгения, и, выбрав время, шла к ней.

Измучившая себя нехорошими думами о муже, Виталина сидела теперь, после обхода больных, у крестной, не притрагиваясь ни к рыбному пирогу, ни к чаю, и по тому, как бледно выглядело ее лицо, было видно, как тяжело переживала она случившееся. Ей казалось, что она уже не могла вернуться домой, потому что, во-первых, было упущено время, было поздно и она не знала, что сказать Дементию, и, во-вторых, возвращение ее, она чувствовала, будет возвращением ко всей той прежней жизни (к положению нелюбимой жены), что более всего не устраивало и возмущало Виталину. То, с чем она мирилась раньше и старалась не замечать, было усилием ее воображения собрано сейчас вместе и представлялось настолько оскорбительным, что она не находила, как можно было выразить словами, что так болезненно угнетало ее.

— Сказать кому, не поверят, — говорила она, поднимая грустные, расстроенные глаза на тетку. — И дом, и муж, и дети, а жизни нет... Нет жизни!

— Изводишь ты себя, вот что я тебе скажу, — словно и в самом деле ничего особенного с племянницей не произошло, отвечала Евгения.

Она давно заметила, что с Виталиной как будто бы повторялось то, что в свое время пережило было самой Евгенией, когда по всем естественным человеческим понятиям, для чего рождаются люди, она ждала от замужества и семьи, что все будет в радость ей, тогда как жизнь не только не дала желаемой радости и удовлетворения (мужа, как колчаковского поручика, расстреляли под Красноярском, и на нее легла тень белой офицерской вдовы), но постоянно сталкивала лишь с несправедливостью, как ей казалось, и с унижениями. Но на все она теперь смотрела со смирением, как всякий состарившийся человек смотрит на мир. Усвоившая из своего житейского опыта, что так или иначе, но все люди с годами приходят именно к смирению и что ничего другого и лучшего человечество за всю историю не выработало для себя (и что Виталину не обойдет эта же участь), она хотела только одного: чтобы племянница поняла, что ничего в жизни изменить нельзя, как нельзя остановить уходящее за горизонт солнце, и чем раньше Виталина усвоит это, тем лучше будет для нее. Перестанет терзаться и успеет еще познать в свое удовольствие. «Я мучилась, ладно, некому было подсказать, посоветовать, но она-то... ей-то, господи!» — думала Евгения.

— Да есть ли хоть одна счастливая семья на свете? — вместе с тем продолжала она говорить племяннице. — Нет такой семьи. Между мужем и женой всегда какая-нибудь червоточина да найдется, взгляды ли косой, забывчивость ли, да и привычки у каждого свои. Ты соизмеряй с другими, что у кого, а у тебя... тебе ли не жить! И у самой в руках дело, и Дементий — умный человек, когда что не так, ему и простить можно. Он мужчина, ему нужен разворот в жизни, иначе какой же он мужчина?

— Эгоист он. В высшей степени эгоист, — еще более бледнее оттого, что позволяла себе так отзываться о муже (и что, главное, отрезала этим, в сущности, всякую возможность примирения с ним), проговорила Виталина. — Наверное, уже дома, — затем добавила она. — Ничего, пусть посидит, пусть поволнуется.

Но она и теперь не была убеждена, что поступила правильно, уйдя из дому, и, заметив, как тетка неодобрительно покачала головой, больше ни о чем уже не стала рассказывать; в груди Виталины как будто повернулся тот холодный ключик, которым она запирала все свои душевные переживания, и только что живое, игрившее чувством лицо ее сейчас же от этого сделалось статичным и некрасивым; она положила себе на тарелку кусок рыбного пирога и принялась сухо и безвкусно жевать его, чтобы только не обижать крестную, и точно так же будто, как во все предыдущие вечера, молчаливо слушать неторопливые, подчиненные все одной и той же мысли, что нельзя ничему противостоять в жизни, рассуждения тетки. Но разговор, как это часто бывало между ними, вскоре незаметно переключился на другое. Евгения, несмотря на возраст, любившая, как все женщины, поговорить о нарядах, достала купленный ею недавно отрез плотного светло-коричневого кримплена, что было еще чрезвычайной редкостью в Тюмени, и, развернув, начала показывать Виталине. Она собиралась сшить из него легкое летнее пальто и, прикладывая материал к сухой и плоской груди, то и дело спрашивала, к лицу ли, не мрачно ли и какой (разумеется, чтобы попоше) следует выбрать покрой, как делать, приталенным или свободным, и на угловатой и словно еще сильнее за последнее время, пока Виталина не была у нее, высохшей руке тетки, то скатываясь к локтю под широкий рукав однотонного байкового халата, когда она поднимала перед собой отрез, то вновь появляясь у запястья, как только рука вместе с отрезом опускалась к столу, тонкой жылкой поблескивал позолоченный браслет.

Но Виталина в этот вечер не могла воспринимать теткин разговор так, как воспринимала всегда; мысль о том, что Дементий ждет ее, что он достаточно уже наказан и что наказание уже переросло в нечто другое, чего она не хотела допустить, но что случилось и продолжалось, как трещина с расходящимися краями, разрастаться, усложняя все, мысль эта, что уже ничего как будто невозможно было поправить и что то, что всегда скрывалось за рамкой семейного благополучия, теперь непременно должно было взорваться и выплеснуться на общее обозрение, — мысль эта приводила ее в ужас. Она представляла, как все будет принято на работе и что скажет мать, перед которой особенно неловко было Виталине за свою несложившуюся семейную жизнь, и не знала, куда деть руки, выдававшие волнение. Она думала и о детях, которые останутся теперь без отца, и, жалея их, вся замирала оттого, что ничего уже не могла изменить. «Пусть сироты, пусть», — мысленно говорила она. Но, как она ни старалась скрыть от тетки свои переживания, вся как будто увлеченная разговором, Евгения видела, что с племянницей творилось что-то совсем иное, чем то, что бывало всегда, когда та, приходи, жаловалась на Дементия.

— Да что с тобой сегодня? — наконец, не выдержав и прямо глядя в лицо племяннице, спросила Евгения. — Что-нибудь случилось?

— Нет, ничего, собственно, не случилось.

— Ты скажи, я всегда пойму.

— Что сказать? Нечего сказать. Просто тошно на душе, и все. Устала я, наверное.

— А ты отдохни. Брось все и отдохни, — предложила Евгения так буднично спокойно, будто все только в том и заключалось, что Виталине надо было отдохнуть. — Люди теперь все так замотаны, так замотаны. — И она высказала то давно распространенное среди людей мнение, как трудно приходится в наше время (она особо выделяла слова «в наше время») женщинам, что все домашние дела, как они были прежде, так и остались на них, но что ко всему — они еще вынуждены трудиться на производстве. — Да тут хоть лошадиное здоровье имей. А кто нам виноват? Сами поставили себя рядом с мужчинами. А вот раньше... — И та излюбленная тема, как было раньше, когда она жила за первым своим мужем, поручиком Усольским (и когда после смерти отца и обнищания сестер и братьев из милости взяла младшую, Анну, к себе в прислугу), — эта излюбленная тема, только без упоминаний об Анне, матери Виталины, точно так же, как во все предыдущие вечера, сейчас же будто захватила Евгению. В молодости она успела

Окончание. Начало в № 23.

лишь прикоснуться к той показавшейся ей привлекательной барской жизни, какую жили Усольские, но с годами любила представить все так, словно всегда (от роду) принадлежала к тому высшему обществу, где были совсем иные отношения между людьми, чем теперь, и где считалось непостижимым даже просто взглядом обидеть женщину. И когда она рассказывала о той своей во многом уже придуманной жизни, вся ее манера подавать чай, выражение лица, глаз и рука с браслетом—все обретало будто особый смысл, было будто подтверждением того, о чем она говорила. Она не смолкала долго, и в словах, в тоне ее голоса звучало столько естественности, что часто она сама начинала верить, что все именно так и было, как излагала она; но сегодня, она чувствовала, разговор не вполне получался у нее; ее поминутно одолевало беспокойство, и она, поглядывая на мрачную, готовую вот-вот заплакать Виталину, думала: что же в конце концов случилось с племянницей? Было уже поздно, Виталине пора было уходить, но она не уходила, и это тоже настораживало Евгению.

Когда же племянница, вставая, проговорила, что засиделась и что, пожалуй, идти будет страшно, Евгения сейчас же предложила:

— А ты оставайся.
— Да я уж и так думаю.
— Ничего с твоим Дементием не случится, а и пришел бы за тобой, не отсохли бы ноги.

— Да разве он придет?
— Куда денется, еще как прибежит, ты просто никогда не ставила его в такое положение,—сказала крестная и, видя, что Виталина хотя еще и колеблется, но более склонна остаться, еще решительнее заявила:—Да я и не отпущу тебя в такую темь!

XV

О замужестве крестницы Евгения имела свое определенное мнение, какое, впрочем, было всего лишь тем общим взглядом пожилых людей на супружество, когда на передний план выдвигаются порядочность и достаток, а на второй—все остальные желания жизни. Дементий по всем соображениям тетки не только подходил под эту признававшуюся ею категорию мужей, но был, как ей казалось, той партией для Виталины, когда большого счастья и желать уже нечего. Она видела Дементия в минуты, когда тот на черной блестящей «Волге» подъезжал к дому и выходил из нее («Как все большое начальство»,—думала она), и присматривалась к нему потом, разговаривая с ним, и каждый раз у нее оставалось одно и то же впечатление: что он человек не только основательный, но умный и знает, чего может добиться в жизни. «В отца, наверное»,—и вслух и про себя говорила она о нем. Мелочи супружеских отношений, в какие Виталина редко когда посвящала тетку, но какие как раз и создавали то тягостное настроение, с чем она иногда приходила к ней в дом, именно потому, что были мелочами, не воспринимались Евгенией; ей всегда важно было сознать только, что в главном, что составляет основу жизни, все у племянницы прочно.

Она и теперь, как ни была обеспокоена переживаниями племянницы, заснула сразу же, едва только добралась до постели; но потом проснулась и долго не могла сомкнуть глаз. Она думала о Виталине, о Дементии и об Анне, матери Виталины, отчего они не могли ужиться в такой, по существу, маленькой и обеспеченной семье; но так как воображение ее не в состоянии было двинуться дальше той крестьянской философии смирения, какую она однажды (после расстрела мужа) и навсегда усвоила от людей,—она все соизмеряла лишь со своими представлениями, как поступила бы сама на месте племянницы, Анны или Дементия. Она поочередно осуждала каждого из них все за одно и то же, что они не умели подняться над мелочами жизни; ей казалось, что причина всех их несчастий была не где-то на стороне, а заключалась в них самих, и она готова была, как ни тяжело представлялось идти к сестре и объясниться с ней, завтра же пойти и основательно поговорить с Анной. Несколько раз Евгения заглядывала в комнату, где лежала Виталина, но не заметив ничего, что бы насторожило ее, в конце концов, решив, что все равно все уладится, успокоилась и снова заснула.

Но Виталина не могла спать. В теткиной ночной рубашке, холодившей ее тело, к середине ночи она уже не лежала, а сидела на диване, обняв руками голые от колен и лишь чуть по низу прикрытые одеялом ноги, и округлыми сухими глазами смотрела перед собой в темноту. Она не то, чтобы не различала всех тех предметов—стола, стульев, кресла, комода и занавесок на окнах,—какими была обставлена теткина комната, но просто не могла воспринимать ничего, что не было связано с мучившим ее вопросом, какой, несмотря на то, что она как будто знала, что с Дементием у нее все уже кончено, то и дело вставал перед ней. Она пыталась собрать вместе все, против чего всегда протестовала ее душа (и что должно было вразумить теперь мужа), но с изумлением чувствовала, что не могла сформулировать словами, что всегда прежде было так ясно ей. «Да что же, собственно, произошло?»—спрашивала она себя. Она искала причину, какой можно было бы оправдать ее теперешнее положение, и минутами ей казалось, что мать права и что у Дементия наверняка есть другая женщина. Но в то время как она думала о той другой женщине, что Дементий мог быть близок с ней, и что после нее она принимала его, в ней поднималось чувство, что все не так, и что неслаженность ее семейных отношений происходит от каких-то иных начал, от жизненной гонки, в какую добровольно и незаметно включились давно уже все люди. Она вспоминала отрывки разговоров о разных нравственных переменах, будто бы неизбежно происходивших в обществе, о равнодушии к ближнему, какое рождается от чрезмерного и повседневно поощрения человеческих устремлений отдаваться целиком делу, но точно так же, как свет, попав в густую полосу тумана, сейчас же растворяется в нем и теряет силу,—все это, что могло объяснить ей поведение Дементия, упиралось в толщу мелких бытовых наслоений, сквозь которую невозможно было ничего разглядеть. Она точно знала только одно—что жить по-прежнему она не сможет и не будет, и что, как бы ни были хороши объяснения, суть всегда остается сущью; и та краска смущения и стыда, что был пережит ею в управлении, когда она приходила узнать о Дементии, вновь заливала ее никому не видное теперь в темноте комнаты мрачное, озабоченное лицо.

В третьем часу утра кто-то вдруг постучал со двора в окно. Виталина, не поняв в первую секунду, откуда доносился звук, вздрогнула и откатнулась к стенке дивана, но затем увидела силуэт прильнувшей к стеклу головы и узнала Дементия. Она не думала, чтобы он мог прийти за ней, и не ждала его, но она так обрадовалась его появлению, что сейчас же все, что мучительно волновало ее, было на мгновение забыто, и она в теткиной ночной рубашке, путавшейся в ногах, подбежала к окну и отдернула занавеску. На улице было луноно, и Дементий весь со спины был освещен этим лунным светом. Он был без фуражки, в свитере, как он в спешке выскочил из дому, и вся его костлявость и худоба, не так заметные, когда он бывал в костюме, сразу же бросились в глаза Виталине. Он показался ей забытым, жалким и не ухоженным ею, и она, прижав к груди руки (более оттого, что надо было стянуть широкий вырез рубашки), смотрела на

Дементия с тем чувством, будто не она, а он был несчастным и нуждался в сочувствии и ласке. Он что-то жестикулировал и говорил ей, но Виталина, оглушенная этим своим новым порывом к нему, понимала только, что он просит открыть дверь и впустить его; но ей так страшно было нарушить эту минуту радости, что она, лишь повторяя: «Сейчас, милый, сейчас, сейчас»,—продолжала стоять и смотреть на него.

— Господи,—проговорила она затем, отойдя от окна, одеваясь и не вполне осознавая, для чего надо было так торопиться, и что радостного было в том, что Дементий пришел за ней, но продолжая, однако, торопиться и радоваться именно тому, что он пришел и стоит сейчас у крыльца и ждет, пока она выйдет к нему.—Господи, что со мной!

Она не включала света и в темноте брала не те вещи, какие прежде нужно было надеть ей, руки ее наткались на стул, и от всей этой возни и шума проснулась Евгения. Не понимая спросонья, что случилось, она зажгла бра над изголовьем кровати и, выйдя к Виталине, остановилась в полосе света, хлынувшего сквозь открытую дверь из спальни в комнату.

— Ты что? Что тут у тебя?—испуганно спросила она.
Она была точно в такой же ночной рубашке, какую надела на ночь Виталина, и в полосе света сквозь эту рубашку ясно просвечивала сейчас вся ее усохшая старческая фигура. Сейчас она не только не производила того обычного впечатления хорошо сохранившейся пожилой женщины (чем всегда восхищала Виталину, и что для самой Евгении было непреложной основой жизни), но все то некрасивое, что вместе со старостью приходит к людям и затем тщательно скрывается ими под одеждою, было теперь обнажено и выставлено под рубашкою в пронизывающей полосе белого света. Но крестная не замечала, как она выглядела, и только непонимающе оглядывала племянницу, видя, что та одета и готовится куда-то уйти.

— Куда? Зачем?—все так же испуганно повторила она.
— Дементий пришел.
— Ну, вот, ну, видишь... Ах, горе ты мое, иди открой, иди, я сейчас.—И она, всплеснув руками и продолжая произносить уже для себя:—Ах ты, боже мой, ах, горе ты мое,—пошла в спальню за халатом, чтобы встретить Дементия.

XVI

— Ты бы хоть позвонила,—сказал Дементий, едва только Виталина открыла ему дверь.

Он весь вечер (после того, как были уложены дети) просидел с Кравчуком и Луганским, которые зашли, чтобы поговорить с ним перед его отлетом в Москву. Их волновала проблема тундрового покрова. Тягачи и трубоукладчики во время строительства обычно разрушали его гусеницами, покров восстанавливался трудно, и вдоль трассы Пунга—Серов, над которой не так давно вторично пролетал на вертолете Кравчук, кое-где были уже видны черные, непроходимые для оленей овраги. Кроме того, овраги вызывали угрожающее провисание труб. Избежать этого можно было только путем возведения вдоль всей будущей трассы дорогостоящей дороги для тягачей и трубоукладчиков и монтажом еще более дорогостоящих холодильных установок, которыми поддерживался бы режим вечной мерзлоты. Однако все, что было связано с дополнительными и к тому же крупными расходами, было неприемлемо для строительства. Дементий более чем кто-либо другой в проектной группе знал об этом, и потому он решительно отклонял предлагавшиеся Кравчуком и Луганским побочные разработки к проекту. Разговор был настолько оживленным, что все трое иногда забывали, что они не в конторе, курили и спорили так громко, что Анна Юрьевна, недовольная всей этой непривычной для нее суетой, несколько раз выходила к ним и просила, чтобы вели себя потише и не будили детей.

— Нет вам другого места,—ворчливо говорила она.
— Все, все,—тут же отвечал Дементий,—заканчиваем.

Он, казалось, еще сильнее, чем Кравчук и Луганский, был возбужден и поглощен обсуждением вопроса; но когда теща входила в комнату и он оглядывался на нее, на какое-то мгновение мысли его как бы останавливались, он вспоминал о Виталине, что до сих пор еще не видел ее, и с тем сейчас же вспыхивавшим в нем тревожным чувством стремительно выходил за Анной Юрьевой и, упираясь ладонями в косяки и подавшись вперед, спрашивал:

— Что, Лина еще не приходила?
— Нет, Нет,—сердито звучал голос Анны Юрьевны.

Он пожимал плечами и возвращался в комнату с намерением что-либо сделать, позвонить куда-то, но тут же незаметно втягивался в новый разговор с Кравчуком и Луганским.

Только когда, не привыкший в спорах уступать никому, он все же согласился взять с собой в Москву на всякий случай дополнительные разработки к проекту, касавшиеся сохранения тундрового покрова, Кравчук и Луганский попрощались и ушли от него.

— Ну, Кравчук, ну, говорю,—уже мысленно продолжал Дементий, проводив сослуживцев и прощаясь с одним по комнате.—Кто ж нам утвердит ваши дорогостоящие разработки! Куда вы направляетесь творческое острей? Надо найти способ сохранять мерзлоту, чтобы земля не оттаивала глубже того, насколько ей положено оттаивать, вот в чем суть. Надо найти только способ,—продолжал уточнять он. Он думал об этом и раньше, но так отчетливо мысль эта пришла ему только теперь, и он сейчас же посмотрел вокруг себя, чтобы высказать ее кому-то; но, не увидев никого в пустой комнате, вспомнил, что все еще не видел Виталину, и пошел к Анне Юрьевне, чтобы еще раз выяснить, что же в конце концов творится сегодня в его доме.

— Скажите наконец, что с Линой?—войдя к теще, которая еще не спала, и хмуро глядя на нее, произнес он.

— Ты у меня спрашиваешь? Это я у тебя должна спросить.—ответила Анна Юрьевна, опуская на колени перед собою детскую вельветовую курточку, к которой пришивала пуговицы. Ни в словах, ни в выражении глаз ее уже не было того доброго расположения, с каким она еще несколько часов назад, за чаем, рассказывала о своих сестрах и братьях. Перед Дементием сидела совсем другая женщина, с жесткими чертами лица и тяжелым, обвинительным взглядом, как она, прервав работу, посмотрела на него; при свете люстры красивые от воды, мыла и порошков руки ее были так выдвинуты вперед, что на них нельзя было не обратить внимания и нельзя было не понять, для чего они выставлены.—Ты бы еще полгода не писал, а потом приехал,—добавила она с тем же отчуждением, как она начала разговор.

— Она что, обиделась?—изумленно проговорил Дементий, опять невольно обращая внимание на тещины руки, которые о чем-то будто должны были напомнить ему.—Я же был занят. Пустяки. Какие пустяки.

— Вот ты ей и скажи.
— Так она что, в самом деле обиделась?
— А ты как думал?
— Это же глупо!

Но хотя то, что говорила Анна Юрьевна, и казалось Дементию неожиданным и глупым, на самом деле он давно предчувствовал, что это должно было случиться в доме, и только не мог теперь согласиться, что случилось все именно сегодня, когда его вызывали в Москву и ему надо было сосредоточиться на этой своей поездке: он был изумлен нелепостью, как если бы дорога, по которой он каждый день ездил на работу, вдруг кем-то и для чего-то была перегороджена стеной и надо было ему теперь перелазить через эту стену.

— Вы с ума сошли, мне же завтра лететь в Москву! — сказал он, глядя на тещу так, будто та была виновата во всем.

— Вот ты Виталине и выложь.

— Вы с ума сошли!

Поджав тонкие сухие губы, как он делал всегда, когда что-либо раздражало его, он сейчас же, чтобы не наговорить лишнего, вышел в большую комнату и еще энергичнее, чем только что, принялся ходить от окна к двери и обратно, задевая за стулья и с шумом отстраняя их; ему казалось, что он давно уже заметил за Виталиной, что она позволяла себе делать совсем не то, что положено делать женщине в доме, и вместо того, чтобы жить и радоваться жизни, как поступал он и поступали сотни других людей вокруг, лишь отыскивала причину для неприятного разговора. Ему так очевидна была разница между ее претензиями и той работой, какую он выполнял для общества, — той государственной работой, как он мысленно называл ее, — что он искренне недоумевал, как можно было не понимать этого, мешать ему и требовать от него того, на что ему, в сущности, бессмысленно и преступно было отвлекаться. Продолжая энергично прохаживаться по комнате, он вдруг останавливался и разводил руками, разговаривая с собой. Он думал о том, о чем никогда прежде не говорил Виталине, но что накапливалось в его душе; и в сознании его теперь происходил тот обычный для занятых деловых людей процесс самовзвешивания (когда их отрывают от дел), когда мелочи, на которые он всегда смотрел с улыбкою, как звенья в цепи, соединяясь, выстраивались теперь в одну определенную линию всех его отношений с женой. «Письма... какая глупость, какая сентиментальность», — повторял он. Все помыслы его были делать дело и обеспечивать семью, и ему странно было, отчего этих хороших помыслов не хватало Виталине.

Он слышал, как Анна Юрьевна укладывалась спать, и несколько раз подходил к двери, чувствуя, что о чем-то еще надо спросить тещу. Ему нельзя было отложить поездку в Москву, но он не мог уехать, не прояснив отношений с женой, а чтобы прояснить эти отношения, нужно было увидеть ее, и пока Анна Юрьевна еще не спала, в очередной раз подойдя к ее двери, он спросил:

— Да где хоть искать ее?

— У Евгении, где же еще.

И Дементий, как был, в свитере, и еще более раздраженный и недовольный тем, что надо в ночь идти за женой, вышел на улицу.

— Ты не осложняй, — говорил он, стоя перед Виталиной, в то время как она молча смотрела на него, — и Гришку Мелехова из меня не делай, я по соседним бабам не хожу, не мну чужие постели.

Ему казалось, что он говорил ту правду, которую нельзя было опровергнуть. Он хотел вразумить Виталину, открыть ей, в чем она заблуждалась, и подчинить своим представлениям о семейной жизни; но вопреки всей его логике и вопреки убеждению, что после этих слов сейчас же наступит примирение, — Виталина вдруг, не дослушав его, нервно повернулась и пошла назад, к двери.

— Лина! Лина! — Он шагнул, чтобы остановить ее, и вместе с нею вошел в ярко освещенную теткинскую комнату.

К Евгении он относился точно так же, как и ко всем другим родственникам Виталины, у которых мог бывать, мог не бывать в доме; и несмотря на многочисленные рассказы Анны Юрьевны, как и о других родственниках, помнил о Евгении только, что та когда-то будто была замужем за белым офицером. Но он не придавал этому никакого значения, так как тетка не подавала повода, и лишь всякий раз после встречи с ней подшучивала над ее философией смирения, а заодно и над Виталиной, которая сейчас же вступалась за крестную. Он не придавал значения и тому влиянию, какое, он видел, тетка иногда оказывала на Виталину, и точно так же, как не любил вникать ни в какие домашние дела, не вникал и в подробности отношений жены и тетки. Но теперь, присмотревшись и увидев тетку в глубине комнаты, но не в том привычном одеянии — в платье, сережках и с позолоченным браслетом на руке, как она всегда появлялась в его доме, а в халате, который, не успев застегнуть, только запахнула и придерживала неприятно оголившейся до локтя сухой старушечьей рукой, он вдруг подумал, что между тем, что сделала Виталина, и ее близостью с теткой, несомненно, была связь, которую он не мог сейчас же, сию минуту объяснить себе, но чувствовал, что все было именно в этом — в нехорошем влиянии тетки. «Ну да, этого надо было ожидать, как я раньше не подумал!» И он сделал движение, как будто хотел зашпигить Виталину. Все его негодование, искавшее выхода, переключилось теперь на тетку, будто это из-за нее, вместо того чтобы спать, он вынужден был теперь, среди ночи, приходить за женой. «С чего бы Лине быть здесь? Письма? Нет, нет, не письма», — про себя говорил он, продолжая еще оглядывать так невыгодно стоявшую перед ним, непричесанную со сна старую Евгению. Он даже будто вдруг уловил в глазах ее насмешку, словно она хотела сказать ему: «Издевался над моим смирением, а сам чего ищешь? Смирения, мыльный мой, смирения!» И эта воображенная насмешка лишь сильнее обострила в нем неприятное чувство к тетке.

— Лина, пойдем, — сказал он, но уже совсем иным голосом, чем только что говорил с ней, когда стоял на крыльце. — Мать не спит, дети не спят. — Это была неправда, дети спали, но слова были к месту, и он чувствовал, что они сильнее, чем что-либо другое, могли сейчас подействовать на Виталину.

— Пойдем, Лина. — Дементий не слушал тетку и не оборачивался к ней.

Он всматривался в глаза жены, стараясь уловить в них те признаки оживленности, по которым он всегда узнавал, когда она прощала ему; но признаков этих не было видно, и он, чувствуя всю неловкость своего положения и понимая, что нельзя объясняться при тетке, решительно шагнул к Виталине, взял ее под руку и несмотря на то, что она пыталась отстраниться, не выпуская пovel к выходу.

XVII

Пока они шли к дому, они почти ни о чем не говорили; только в середине дороги, когда горбившийся над Турою деревянный мост был пройден ими, Дементий, шагавший все время позади Виталины, вдруг резко догнал ее и спросил:

— Ты можешь по-человечески объяснить, что происходит?

Виталина ничего не ответила ему.

Уже перед самым домом он вторично догнал и остановил ее.

— Нет, ты все-таки скажи, чтобы я знал, в чем дело, — сказал он, из темноты посмотрев на жену тем уничтожающим взглядом (что она доставляла ему это

неудобство жизни), какой она, впрочем, не могла ни уловить, ни почувствовать на себе. — Связалась с теткой, а на кой черт она тебе нужна, что ты зачастила к этой дремучей развалине, которая уже сама не знает, для чего живет!..

— Ее не трогай, она ни при чем.

— А кто при чем? Кто у меня вот здесь, вот! — И он, не наклоняя головы, дважды провел ребром ладони по своей шее.

— Какой же ты дурак, ты ничего не понял, — в ужасе сказала Виталина, отстраняясь от него.

Дверь им открыла Анна Юрьевна. Выспавшаяся днем и оттого не спавшая теперь, пока Дементий ходил за Виталиной, она, сейчас же поняв по их мрачным лицам, что примирения не произошло, шмыгнула к себе, закрылась и выключила свет. Виталина прошла в спальню, а Дементий остался в большой комнате. Он шагнул к окну, за которым было все темно и синие, и принялся бессмысленно смотреть в него. Он не увидел ни реки, ни противоположного пологого берега, где ютились, начинаясь почти у самой воды, старые бревенчатые избы заречной Тюмени и где стояла теткина изба, из которой они только что пришли с Виталиной. Все тихо лежало в ночи, бесформенное и вязкое, слитое в одном мрачном цвете, и точно так же непроглядно и мрачно было на душе у Дементия. Он слышал, как Виталина раздевалась, но это не трогало его; потом слышал, как она ходила в детскую, где спали Ростислав и Сережа, но не оглянулся на звуки мягко прошуршавших за спиною ее шагов; он думал, что то, что происходило сейчас между ним и женой, было нелепо и не имело причин. Но нынешняя размолвка, он чувствовал, не была похожа на все предшествовавшие, какие обычно улыбой или шуткой удавалось легко погасить ему, и он морщился сейчас оттого, что не знал, как было выйти ему из этого положения. «Но так нельзя, так нельзя, это просто невообразимо!» — мысленно восклицал он, в то время как всем ходом своих размышлений старался уяснить, отчего так случилось, что теперь, в сущности, невозможно было примирение без каких-то новых слов, какие он вынужден будет произнести Виталине. «Нет, так нельзя, немыслимо!» — продолжал восклицать он. Как несколько часов назад в споре с Кравчуком и Луганским, он хотя и возражал им, но понимал сослуживцев, точно так теперь было с Виталиной: хотя и был раздражен на нее и знал, что никакого видимого повода для подобного поведения у нее не было, беспокойство, что он все же в чем-то неправ перед ней — да и перед детьми и тещей, — сдерживало его порыв, и он только возмущенно повторял про себя: «Нет, нет, так нельзя, семьи создаются для удобства жизни, а не для выяснения отношений, и на все есть свое время, полубезначали, поворковали друг над другом и хватят и пора жить!»

В спальню Дементий вошел возбужденным и красным.

«Ну вот, теперь успокоилась, теперь лежишь», — сейчас же подумал он, окидывая сощуренным взглядом всю огромную двухспальную кровать, на которой с того края, где она обычно спала, лежала Виталина. У стены, рядом с тумбочкой, горел торшер, лицо ее было освещено и казалось спокойным, будто и в самом деле ей не было никакого дела до того, что происходило в доме. «Ну, теперь довольна, довольна», — смыкая побледневшие злые губы, все так же мысленно продолжал Дементий; но в то время как он произносил эти слова, он уже смотрел на ее не прикрытые одеялом плечи и руки, и то чувство, какое всегда испытывал при виде гладкой белизны ее тела (то предчувствие доступной близости с ней), невольно начало подниматься и заглушать в нем все иные мысли; раздеваясь, он еще несколько раз проговорил про себя: «Как с гуся, как с гуся», — но щеки и шея его теперь краснели уже более от предчувствия возможной близости (и еще от неловких движений и усилия, какое он прилагал, чтобы стянуть с себя свитер).

В пижаме он подошел к Виталине и сел возле нее на кровати.

— Может быть, я в чем-то виноват перед тобой, — начал он еще как будто сухим, недовольным тоном, но уже с тем оттенком, что он готов все забыть и простить ей, — но я хотя бы должен знать: в чем? Давай посмотрим, что случилось, из-за чего вся эта нелепая сцена? Если я сказал грубо, ты прости, — сказал он, устранившись основательнее возле нее и отодвигая мешавшее ему сидеть одеяло; но в то время как он отодвигал одеяло, он чуть приподнял его и сейчас же со смущением будто отвел глаза от мелькнувшей белизны ее голых ног. — Лина, — тут же проговорил он, наклоняясь к ней всем своим бородавчатым и жарким теперь лицом, — зачем все это, для чего? — И, положив ладони на ее гладкие теплые плечи, еще ниже наклонился, ища ее взгляда. Она отвернулась, пытаясь закрыть лицо, но сопротивление было слабым, безвольным, и Дементий, теряя последние обрывки всех своих строгих суждений о ней и уже не сознавая ничего, кроме одного, что он должен сделать, обдавая ее дыханием, шептал ей те самые слова, которые еще несколько минут назад показались бы ему ложными, и тянул руку к выключателю, чтобы убрать свет...

Пока Виталина уходила в ванную, Дементий стоял под открытой форточкой; но как только она вернулась, сейчас же снова подсел к ней и взял ее руку. Он не чувствовал себя виноватым перед ней, так как случившееся было как будто делом обычным и естественным между мужем и женой, но все его движения и то, как он принял ласково гладить ей руку, говорили о другом, словно он просил в чем-то простить его. Он сидел молча и не смотрел на Виталину, ощущая лишь в ладонях мягкую теплоту ее пальцев, но ему казалось, что она вполне понимала, что он бессловесно передавал ей; постепенно все в нем входило в то привычное русло отношений к жене, что он испытывал всегда после близости с ней. Он вновь чувствовал, что жизнь прекрасна и что ничего непреодолимого нет, стоит только решительно взяться за дело; и сознание этой своей удачливости, в последние годы почти во всем сопровождавшей его, и ощущение весны, силы и молодости, какое охватило еще в аэропорту, утром, когда он только сошел с самолета — да и потом, после разговора с Жаворонковым, когда ехал домой, — все с какою-то обновленной силой постепенно возвращалось к нему. Он еще как будто обращен к Виталине: «Ну вот видишь, для чего нужно было заводить эту канитель, разве нам плохо вместе? Или чего-нибудь недостает?», — но уже весь входил в то свое привычное состояние, когда он чувствовал, что все домашнее и недомашнее, все было как бы втянуто в сферу его забот и вращалось вокруг него. То, что он был доволен поездкой по тайге и тундре, и о чем еще не успел сказать Виталине, и то, что еще более был доволен телеграммой и вызовом в Москву, о чем тоже еще ничего не знала Виталина, теперь, когда не испытывал раздражения к ней, чувствовал, что надо было обо всем рассказать ей. «Разве я не стараюсь, разве наши дела не идут в гору?» — думал он, продолжая гладить руку жены.

— Ты хоть бы спросила, как я съездил. Поездка была удачной. Очень удачной. — Он чуть повернул голову и посмотрел на нее. — Есть, правда, мелочи. — Мелочи были для него неприятный вопрос о тундровом покрове. — Но в целом проект одобрен. Ты слышишь, Лина, проект одобрен, — повторил он, — и меня вызывают в Москву. Ты что, Лина, ты что? — наклоняясь, торопливо проговорил он, только теперь заметив, что она плачет; и он опять недовольно поморщился, что надо было снова утешать ее.

«Я- ХОЗЯИН СТРОЙКИ»

«Я — хозяин стройки»

Это движение уже завоевало широкую популярность среди молодых строителей Байкало-Амурской магистрали. Оно направлено на воспитание у молодых рабочих и специалистов чувства гордости и ответственности за участие в строительстве магистрали века, оно учит хозяйскому отношению к автотранспорту, строительным и дорожным техникам, рациональному использованию материалов и конструкции, способствует организации социалистического соревнования за досрочное и качественное выполнение работ, бережное отношение к природе, помогает

создать в комсомольско-молодежных коллективах обстановку требовательности и инициативности.

Бюро ЦК ВЛКСМ одобрило инициативу бамовцев. В начале второго года работы пятилетки во всех комсомольских организациях строительных подразделений страны состоятся открытые комсомольские собрания с повесткой дня «Я — хозяин стройки», на которых молодые строители обсудят итоги работы коллективов в 1976 году, определят конкретное участие комсомольцев и молодежи в выполнении планов второго года пятилетия, достойной встречи 60-летия Великого Октября.

В. КРИВОБЛОЦКИЙ. Готовясь к нашему разговору, специально полистал словарь Даля и не нашел почти ничего, что могло бы определить слово «хозяин» именно в том значении, которое придаем ему мы, включившись в движение «Я—хозяин стройки».

В. ЧЕРЕНКОВ. Другие времена—другие песни. А как бы ты сам определил это слово?

В. КРИВОБЛОЦКИЙ. У того же Даля хозяин—это в первую очередь владелец. Пожалуй, мы тоже владельцы. Только уже в более широком смысле. Мы всем владеем и за все несем ответственность.

В. ЧЕРЕНКОВ. В этом вообще сущность нашего общества. Но, к сожалению, еще некоторые, сознавая, что «все вокруг мое», не научились за все это «мое» отвечать. Или еще

площадку. Но важно, чтобы подобное не повторялось. Ведь сумели в том же Улькане, в Олонке, в Нагорном сохранить целые массивы нетронутой тайги, среди которых и стоят сейчас жилые дома. У вас же деревьям предстоит расти вместе с городом. Ургалу уже два года.

В. КРИВОБЛОЦКИЙ. Да, первый колышек забил здесь 7 ноября 1974 года. В этот день шел снег, вернее, не шел, а падал огромными хлопьями. Все собрались на митинг, посвященный двойному празднику—годовщине Октября и закладке нового города. И комсомолка Нина Лесникова предложила сразу же после митинга пойти на станцию, чтобы разгрузить состав, пришедший в наш адрес. Пошли на разгрузку колонной, как на демонстрацию.

В. ЧЕРЕНКОВ. Мне нравится, как в вашем поезде налажен учет. На счету каждый щит, каждый кубометр раствора, каждый кирпич. К сожалению, еще на многих стройках увидишь разбросанные материалы, оставленные под открытым небом инструменты и технику, рудотворные зверсты из застывшего, не пошедшего в дело раствора.

Однажды Сергей Мионович Киров увидел на стройке беспорядок и спросил: «Сколько стоит кирпич?» «Десять копеек»,—ответили ему. «А если бы всюду валялись гривенники, неужели все так же равнодушно проходили бы мимо?» Я вижу, что у вас научились не только подбирать гривенники, но и не терять их. Несомненно, здесь сказали свое слово и народные контролеры и регулярные рейды «Комсомольского прожектора».

шие перспективы. Тут богатые леса—значит, возникнут леспрохозы, большие залежи каменного угля—появятся новые шахты, есть плодородные земли—вырастут совхозы... Все эти перемены приносит району БАМ. Уже в 1979 году замкнется так называемое восточное кольцо—Известковая—Ургал—Березовый—Комсомольск-на-Амуре—Хабаровск—Известковая. Мы получим прямой выход к океану. Дорога откроет доступ к месторождениям полезных ископаемых, к ценнейшим породам пока нетронутого леса, сконцентрирует силы сразу пяти районов Хабаровского края. Теперь нам нужны люди, хозяева этого огромного района, его постоянные жители и патриоты.

В. КРИВОБЛОЦКИЙ. Будет дело—будут и люди.

ВОСТОЧНОЕ КОЛЫШО

хуже—считают себя хозяевами всего и ни за что не хотят отвечать.

Первоклассник постигает грамоту не по «Капиталу», а по букварю. Так и чувство ответственности надо воспитывать с малого. Прежде чем молодой человек научится нести ответственность за все, чем он владеет, то есть за всю страну, он должен научиться отвечать за себя, за свою учебу, за свой труд.

В. КРИВОБЛОЦКИЙ. И дальше, как круги по воде: круг ответственности становится все шире.

В. ЧЕРЕНКОВ. И глубже.

В. КРИВОБЛОЦКИЙ. Думаю, именно такое чувство ответственности и воспитывает движение «Я—хозяин стройки», зародившееся на БАМе. Начиналось оно как будто тоже с малого. На месте будущей станции Улькан высадились десант молодых строителей, они провели свое первое комсомольское собрание прямо на снегу и сразу же выполнили одно из его решений: обвязали красными ленточками деревья, которые во что бы то ни стало решили спасти. Теперь Улькан—один из лучших поселков на трассе.

В. ЧЕРЕНКОВ. А разве Ургал не начинался на голом месте?

В. КРИВОБЛОЦКИЙ. Действительно, на голом. К нашему приезду была подготовлена площадка, на которой предстояло выстроить новый город. Подготовка ограничилась сплошной рубкой деревьев. А мы, к сожалению, не смогли перенести будущий город на другое место, хотя наш архитектор Саша Лысогор и нашел для него вроде бы прекрасную площадку.

В. ЧЕРЕНКОВ. На Змеиной сопке? Прекрасное место, красивое, сухое, к тому же без вечной мерзлоты, которая значительно удорожает строительство. Но вся беда в том, что площадка там небольшая, а к строительству города надо подходить по-хозяйски, то есть думать и о его будущем. Город Ургал, если бы его заложили на Змеиной сопке, лет через пятнадцать—двадцать не смог бы дальше развиваться.

В. КРИВОБЛОЦКИЙ. Я понимаю. Только горько было видеть огромный пустырь среди тайги. Вот почему мы вместе с первыми домами сразу же заложили скверы, разбили газоны, высадили тысячи берез, елей и лиственниц. И это на месте только что срубленных. Но когда еще наши деревья вырастут!

В. ЧЕРЕНКОВ. Мы наказали тех, кто таким образом подготовил для вас строительную

В. ЧЕРЕНКОВ. Знаю, что почти все приходилось разгружать вручную. А грузов было ни много ни мало 19 тысяч тонн. Вот ты упомянул о первом комсомольском собрании в Улькане. Думаю, и протокол вашего первого комсомольского собрания когда-нибудь займет место в музее. Повестка дня, насколько я помню, была очень точной и краткой: «О разгрузке».

В. КРИВОБЛОЦКИЙ. В решении мы тогда записали: «Не уходить с работы, пока не будет выгружен доверенный бригаде вагон». А в вагонах было все: от бульдозеров до обычных столовых ложек. Мы же все необходимое с собой везли. Даже доски.

В. ЧЕРЕНКОВ. Да, мне тогда кое-кто с недоумением говорил, что в украинском отряде собрались одни чудачки—в тайгу со своим лесом приехали.

В. КРИВОБЛОЦКИЙ. Честно говоря, и многим из наших ребят это казалось странным: из степной Украины везти в таежные края пиломатериалы! Но, как оказалось, это был истинно хозяйский подход к делу. Не будь у нас своих пиломатериалов, мы не смогли бы на другой день после приезда приступить за строительство. Тайга тайгой, а без доски, без бруса строить невозможно. А своей пилорамы у нас еще не было.

В. ЧЕРЕНКОВ. Пилорама—первый ударный объект Ургала. На ее тогда еще не достроенных стенах висел, помнится, самодельный плакат: «Доска—хлеб стройки, пилорама—сердце Ургала».

В. КРИВОБЛОЦКИЙ. Потом таким сердцем стал у нас растворобетонный узел. Когда сердце работает нормально, его не замечают. Мы в последнее время не жалуемся на отсутствие бетона и пиломатериалов. Но лозунг первых дней Ургала «Вся доска—в дело!» по-прежнему живет на стройке. Больше того—в дело идут даже отходы. Наши комсомолцы из таких обрезков, например, в свободное время сделали прекрасные «полы» на волейбольной и баскетбольной площадках, на теннисном корте. В принципе из отходов сделаны и наши тротуары.

Конечно, мы уже давно не везем в Ургал лес с Украины, но еще многие стройматериалы вынуждены получать оттуда. Думаю, это не по-хозяйски. Одно дело—собрать несколько общежитий из «украинских» конструкций, и совсем другое дело—возводить город, для которого все—до последнего гвоздя!—приходится везти через всю страну. Нам надо скорее вводить в эксплуатацию свои, бамовские предприятия строительной индустрии.

В. КРИВОБЛОЦКИЙ. На строительстве той же пилорамы «прожектористы» как-то нашли разбросанные болты (они действительно шли по счету). Шум, должен сказать, они подняли страшный. Виновного искать не пришлось, он сам назвался, понимал, что нельзя прятаться за широкую спину бригады. Или был еще случай: один наш товарищ оставил под дождем электронаждак, и тот пришел в негодность. Мы об этом происшествии начальству, правда, не сообщали, но заставили человека и покраснеть от стыда и покорпеть над ремонтом механизма. Я считаю, что рейды наших «прожектористов» в первую очередь следует оценивать по тому воспитательному эффекту, который они приносят. Однажды к нам (я тогда руководил бригадой отделочников) нагрянули ребята из «Прожектора». Они обнаружили разбросанный инструмент и обрутали, конечно, меня. Все девчонки слышали, как досталось бригадиру, стояли мрачные, а одна даже расплакалась—та, чей инструмент валялся на земле. Утешать мы ее не стали, решили—пусть немного помучается. И вот, представьте, через день она предложила всей бригаде соревноваться за сохранность инструмента и аккуратную эксплуатацию механизмов. Вскоре такое соревнование развернулось по всему поезду.

В. ЧЕРЕНКОВ. И по всему району. Хозяйское отношение к технике, механизмам, стройматериалам и конструкциям, высокоэффективное их использование—это только малая часть движения «Я—хозяин стройки». Сюда входят и инициатива по досрочному вводу объектов в эксплуатацию, причем обязательно с высоким качеством работ, и создание образцовых поселков и строительных подразделений, и хозяйский подход к проектированию и строительству производственных объектов, и охрана природы, и качественно новые отношения между людьми на работе и в быту... Ваши строители, чего таить, всколыхнули наш район основательно. Район у нас огромный, по территории он равен Бельгии и Дании, вместе взятым, а вот населения до начала строительства Байкало-Амурской магистрали у нас было всего 24 тысячи человек, из них 14 тысяч—в Чегдомыне, районном центре. Жили здесь не торопяся. БАМ же нарушил этот замедленный ритм жизни, подстегнул многих. Только за последние два года грузооборот на станции Ургал увеличился в шесть раз, а интенсивность движения автотранспорта возросла почти в сто (!) раз, и мы даже вынуждены были ограничить движение по центральной улице в Чегдомыне. Как в больших городах. В принципе он и будет со временем большим городом. У района хоро-

шие перспективы. Тут богатые леса—значит, возникнут леспрохозы, большие залежи каменного угля—появятся новые шахты, есть плодородные земли—вырастут совхозы... Все эти перемены приносит району БАМ. Уже в 1979 году замкнется так называемое восточное кольцо—Известковая—Ургал—Березовый—Комсомольск-на-Амуре—Хабаровск—Известковая. Мы получим прямой выход к океану. Дорога откроет доступ к месторождениям полезных ископаемых, к ценнейшим породам пока нетронутого леса, сконцентрирует силы сразу пяти районов Хабаровского края. Теперь нам нужны люди, хозяева этого огромного района, его постоянные жители и патриоты.

В. КРИВОБЛОЦКИЙ. Думаю, многие останутся здесь. Тяжело расставаться с тем, во что вложил душу. Я, к примеру, ехал сюда на год, а работаю уже третий. Очень хочется проехать по всей магистрали на поезде. Знаете, Владимир Евгеньевич, в детстве я совсем не думал стать строителем, но после окончания школы наш класс решил в полном составе пойти на стройку. Честно говоря, я пошел только потому, что не мог оторваться от класса, но теперь насколько не жалею об этом. Я боюсь громких фраз, но должен сказать, что именно на стройке я нашел свое призвание.

В. ЧЕРЕНКОВ. И признание. Насколько я знаю, за успехи в девятой пятилетке ты награжден орденом Трудовой славы III степени.

В. КРИВОБЛОЦКИЙ. Девятую пятилетку я заканчивал уже в Ургале, а наградили меня за работу на Харьковском домостроительном комбинате. Помню, получил оттуда поздравительную телеграмму и десятки раз перечитывал ее, радуясь и награде и тому, что на ДСК по-прежнему считаю своим. Хотелось бы, чтобы шефский «энтузиазм» наших земляков не угасал. Это, поймите меня правильно, относится вовсе не к моей персоне. Помнится, в канун 1975 года прибыли к нам представители Донецкой области во главе с секретарем обкома комсомола, они привезли звуковые письма от родных и друзей, специальные выпуски газет, радиозапись концерта мастеров искусства Украины для строителей БАМа. И обещали приезжать к нам регулярно, но этот визит так и остался единственным. Дело вовсе не в количестве посещений. Мне вообще не нравится, что порой шефство земляков принимает форму благотворительности. Думаю, было бы полезнее наладить социалистическое соревнование между нашими бригадами и комсомольско-молодежными коллективами тех предприятий, посланцы которых работают на БАМе. Именно так соревнуются строители, приехавшие из Латвии, Литвы и Эстонии. Мы, к сожалению, таких контактов еще не наладили, хотя у всех рабочих нашего отряда «Харьков» тесные связи с предприятиями и организациями, отправившими их на БАМ. Есть у нас, что называется, «полномочные представители» тракторного и станко-строительного заводов, трамвайно-

Уроки жизни

Владимир Евгеньевич ЧЕРЕНКОВ,
секретарь Верхнебуреинского
райкома КПСС

Владимир КРИВОБЛОЦКИЙ,
бетонщик специального
строительно-монтажного
поезда «Укрстройбам»,
делегат XVII съезда ВЛКСМ

троллейбусного парка и автотранспортных предприятий...

В. ЧЕРЕНКОВ. Есть на БАМе и «представители» прославленного строителя Николая Анатольевича Злобина. Это бригадиры, прошедшие его школу на стройках Зеленограда, перенесшие его метод в наши края. Если их считать «детьми» Злобина, то у Николая Анатольевича здесь уже немало и «внуков». Первой в ССМП «Укрстройбам» взяла подряд бригада Дмитрия Чабана. Сейчас этот коллектив возводит крупнейшее здание в Чегдомыне — административный корпус дирекции восточного участка магистрали. И одновременно является школой, где проходят учебу многие наши строители, готовые перейти на работу по новому методу.

В. КРИВОБЛОЦКИЙ. Злобинский метод хорош в первую очередь тем, что не оставляет людей равнодушными. Правда, рассказывая о нем, чаще всего делают упор на материальную заинтересованность строителей. Но, кроме материальной заинтересованности, этот метод подразумевает и материальную ответственность. А вместе с ней и моральную. Мне, например, понравилось, что известный на БАМе бригадир Владимир Мучицын, сам бывавший у Злобина и принимавший его у себя, долго готовился к тому, чтобы перевести свою бригаду на работу по-новому. А Мучицын торопили, на него нажимали, рассчитывая, наверное, что будет у бригады подряд и все пойдет само собой. Но дома-то строят не метод, строят их хорошо подготовленные люди. Вот Мучицын и готовил свою бригаду к работе по-злобински. Может быть, эта подготовка заняла бы и меньше времени, но строители должны еще учитывать реальные возможности планирования, финансирования, снабжения. Метод Злобина во многом осветил несовершенство в организации строительных работ на многих объектах и в то же время вскрыл немало резервов, показал, как люди в действительности могут работать.

В. ЧЕРЕНКОВ. Первыми на строительстве магистрали, как ни странно, подхватили метод Злобина не строители, а механизаторы.

В. КРИВОБЛОЦКИЙ. Что же здесь странного? Механизаторы не зависят от поставок стройматериалов...

В. ЧЕРЕНКОВ. Но они зависят от исправности автомашин, бульдозеров, экскаваторов, от того же снабжения запасными частями. Штаб ЦК ВЛКСМ на строительстве БАМ широко распространил инициативу молодых водителей Валерия Курочкина, Григория Запорожца и Николая Бороны. Это они еще 2 года

назад обратились ко всем механизаторам Всесоюзной ударной стройки с призывом экономно и высокопроизводительно использовать технику. Уже тысячи механизаторов приняли высокие социалистические обязательства по сверхплановому пробегу машин без капитального ремонта, по экономии горюче-смазочных материалов, авторезины и запчастей. Этот почин нашел и неожиданное продолжение. Комитет комсомола Алтайского моторного завода, узнав о почине бамовцев, предложил комсомольским организациям управления строительства «Бамстройпуть», трестов «Бамстроймеханизация», «Мостострой-10» и «Тындастрой» заключить договор о социалистическом соревновании, направленном на оказание помощи в обеспечении строителей запасными частями, организацию консультаций по эксплуатации и ремонту двигателей и досрочное выполнение строителями заданий на всех видах техники с двигателями моторного завода. И не случайно на Алтайском заводе всегда могут сказать, как сработала та или иная комсомольско-молодежная бригада на... строительстве магистрали. Соревнование и требует в первую очередь гласности, информации.

В. КРИВОБЛОЦКИЙ. И обмена опытом! Вот, например, наша бригада, которую возглавляет Геннадий Дубина, соревнуется с бригадой Александра Шатунова из Шимановска. Саша приезжал в Ургал заключать договор о соревновании и несколько дней провел на наших объектах, показывая, как работают шимановцы, как внедряют научную организацию труда в бригаде. И у нас он обнаружил кое-что полезное для себя.

В. ЧЕРЕНКОВ. Вот в таком взаимном обогащении и заключается главный смысл соцсоревнования. Ты помнишь, как работали ваши водители в первую зиму?

В. КРИВОБЛОЦКИЙ. Еще бы! Они, мне кажется, больше ремонтировали, чем работали. Без конца летели рессоры, рассыпалась резина. Сначала машины загружали только наполовину и ездили на самых малых скоростях. Потом комсорг автобазы Саша Слюсаренко поехал за советом к чегдомынским водителям. Тогда же был заключен договор о соревновании и взаимопомощи между нашей и районной автобазой. Местные шоферы, зная, конечно же, все тонкости эксплуатации автомобилей в таких условиях, здорово помогли нам...

В. ЧЕРЕНКОВ. Именно благодаря обмену опытом водители Ургала первыми в нашем районе начали поход за экономией и бережливостью.

В. КРИВОБЛОЦКИЙ. Должен признаться, что я вначале не верил в эту затею. Посудите сами: о какой экономии горючего могла идти речь, если моторы машин работали круглосуточно? И большей частью на холостом ходу. А что делать? Заглушишь — потом полдня разогревать надо. Или, что еще хуже, заморозишь машину. У нас вот так автокран из строя вышел. И хотя получилось это случайно — ночью заглох мотор, — крановщика хотели отчислить из отряда. И вот в такой ситуации комсомольская организация автобазы объявила поход за экономией и бережливостью. Слюсаренко и другие водители сами спроектировали и сделали установку для искусственного подогрева автомобилей, и сразу же резко снизился расход горючего — отпала нужда круглосуточно гонять моторы машин. Потом организовали учебу водителей (вели ее, как правило, местные шоферы и специалисты), наладили строгий учет. Теперь в личных обязательствах каждого водителя есть строка об экономии топлива, ГСМ и резины.

В. ЧЕРЕНКОВ. Среди бережливых не только шоферы Ургала. Не случайно в день открытия XXV съезда КПСС весь коллектив поезда «Укрстройбам» работал на экономленных материалах. В эти же дни на всех объектах будущего города появился лозунг «Пятилетке качества — стахановский труд!». Инициатором этого почина, насколько мне известно, явился Владимир Кривоблоцкий.

В. КРИВОБЛОЦКИЙ. Не я, а наша бригада. В день открытия партийного съезда во всех бригадах были установлены рекорды производительности труда. Мы и решили сделать эти рекорды комсомольской нормой, работать по-ударному ежедневно и, конечно, при отличном качестве.

В. ЧЕРЕНКОВ. Мне понравилось, как определил понятие «качество» плотник Василий Здоровцев. Он сказал: «Качество — это когда своей работой любоваться хочется».

В. КРИВОБЛОЦКИЙ. Вася действительно работает так, что залюбуешься. И таких рабочих у нас немало. Я, например, люблю наблюдать за работой бульдозериста Михаила Лалоева, крановщицы Ларисы Негрубовой, каменщиков Михаила Хмельницкого и Надежды Сергеев. Надя — наш комсорг. Совесть бригады. Сдавали мы первый в Ургале капитальный жилой дом, наводили там последний блеск. Надя электронаждаком зачищала ступеньки лестницы. Смотрю, они уже сверкают, как зеркальные, и говорю ей: «Хватит. — А потом в шутку добавил: — Стараешь-

ся, словно в собственном доме!» Если бы вы только видели, как она на меня посмотрела! И еще несколько дней разговаривать не хотела. Понимаете, для Надежды каждый построенный ею дом — все равно что собственный. В каждый она вкладывает всю душу.

В. ЧЕРЕНКОВ. И, несомненно, получает удовлетворение от работы. Только обезличенный труд может оставить человека равнодушным. В движении же молодых бамовцев не случайно на первом месте оказалось «я»: я хозяин стройки и каждого дома, поднимающегося в тайге, и каждой машины, здесь работающей. Недавно молодые механизаторы, победители предсезонного социалистического соревнования, получили именную технику для обязательных работ без капитального ремонта на своих бульдозерах, экскаваторах и автомобилях до окончания строительства магистрали. Обязательства они взяли на себя очень серьезные, но мы уверены, что ребята сдержат свое слово. Залогом тому — именно их хозяйское отношение к делу.

В. КРИВОБЛОЦКИЙ. Именная техника — это добрый стимул. Думаю, не мешало бы и дома объявлять именными. Я так и представляю наш первый дом с табличкой на углу, а на ней фамилии Нади и других ребят. Разве такая табличка не будет воспитывать?! В Золотинке, я слышал, давно уже стало правилом: на сданных объектах устанавливается своеобразный «мемориал», где указано, кто и когда здесь строил. Это же не только память о себе, но и себе в память.

В. ЧЕРЕНКОВ. Правильно. Большие стройки в нашей стране всегда были не только объектами индустрии, но и школой воспитания, становления тысяч молодых людей. БАМ в этом отношении может считаться университетом. Я уверен, что многие из нынешних строителей магистрали составят основную часть населения будущих городов и поселков на освоенных территориях Восточной Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока. Они будут работать на самой магистрали, на горнодобывающих предприятиях, на лесопромышленных комплексах.

«Мы хотим, — говорил на XXV съезде КПСС Леонид Ильич Брежнев, — чтобы энтузиазм, живость ума, молодая энергия оставались у наших людей на всю жизнь». Именно эти черты и воспитывает движение «Я — хозяин стройки», успевшее завоевать широкую популярность среди молодых строителей Байкало-Амурской магистрали.

Беседу записал
Анатолий ПЕТРОВ.

На двугорбой сопке, по праву носившей название Верблюжья, уже в начале августа появились белые шапки, а вершина Тоннельной еще радостно зеленела молодой травой и древними обнажениями гранита, покрытого патиной времени.

— Мы хотели назвать эту сопку Московской, — объяснял мне проходчик Владимир Белоусов. — Но харьковчане тоже мечтали увековечить в байкальских скалах имя своего города, и карагандинцы свои претензии высказывали и ленинградцы. И чтобы никому обидно не было — у нас же все тоннельщики, — нарекли мы эту красавицу Тоннельной...

С вершины Тоннельной далеко видно окрест. Внизу спичечными коробками разбросаны домики поселка Даван, его разрезает серебристая змейка Даванки, маленькой речушки, набухавшей в дни летних паводков и угрожавшей работам проходчиков до тех пор, пока люди не проложили для нее новое русло. Во все стороны простираются вершины Байкальского хребта и голубеющая тайга — богатейшие места, живущие ожиданием железной дороги. Уже просматривается полоска просеки, приготовленная для нее. А параллельно просеке желтеет автодорога, убегающая с перевала на запад к Кунерме, Звездному, Усть-Куту и на восток — к Северо-Байкальску и Нижнеангарску. (Таких, как эта, временных автомобильных дорог в зоне Байкало-Амурской магистрали теперь проложено немало, в их строительство вложены огромные деньги, но дороги эти, по существу, ничейные. Все считают, что дорогам нужен единый хозяин, но ни одна организация не собирается принять их на свой баланс.) Дорога приблизит тоннельщиков к базам снабжения, облегчит переброску в Даван сложных горнопроходческих машин и необходимых стройматериалов. Еще недавно от мыса Курлы, где сейчас возводится современный порт, в Даван пробирались только на бульдозерах. И путь в полсотни километров занимал двое-трое суток. Мы проехали это расстояние за два часа, и нам трудно было представить недавнее прошлое тяжело «даванского тракта», о котором рассказывал парторг двенадцатого тоннельного отряда Станислав Елбаев, истоптавший здесь, по собственному выражению, «не одну пару сапог». О тяго-

ЗАПОВЕДНЫЕ МЕСТА СЕВЕРНОГО БАЙКАЛА.

АНЖЕЛИКА КОСТОВА РАБОТАЕТ В МАРКШЕЙДЕРСКОЙ ГРУППЕ БАМ-ТОННЕЛЬСТРОЯ. ОНА, КАК И ИЗЫСКАТЕЛИ, ПРИХОДИТ НА СТРОЙКУ ПЕРВОЙ.

тах пройденного пути напоминала промелькнувшая за окном рейсового автобуса почерневшая доска, прибитая к лиственнице, на которой масляной краской было написано: «Давешь Даван!» Но лозунг не устарел.

«Даван» — по-бурятски «перевал». Здесь, на перевале, и сражаются проходчики с земной твердью. Правда, поселку Даван в отличие от многих пока еще безымянных поселений на трассе БАМа не суждено стать городом. Ему вначале вообще было отказано в праве на существование. Высокогорье, суровый климат, почти постоянные ветры, зарождающиеся среди вершин Байкальского хребта и превращающие перевал в своеобразную азотрубу, заставили тоннельщиков построить для себя новый поселок — Гоуджекит. Там есть и клуб, и школа, и детский сад. Всего двенадцать километров разделяют два поселка, но в Гоуджеките зима начинается на полтора месяца позже, и среднегодовая температура, по утверждению синоптиков, там на десять градусов выше, чем на перевале. Но Даван, уже появившись на свет, так быстро не исчезнет. Он еще долго будет служить тоннельщикам в качестве вахтового поселка.

Судя по проекту, участок Байкало-Амурской магистрали на территории Бурятской АССР самый сложный. На пятисоткилометровой отрезке пути — вековая тайга, бурные реки, горные вершины, вечная мерзлота и мари. Именно на этом участке предстоит пробить два самых больших тоннеля в стране: почти семикилометровый Байкальский и вдвое длиннее — Северо-Муйский.

В тоннельных отрядах работают опытные люди. Многие из них сооружали метро в Москве и Ленинграде, Баку и Харькове, прокладывали железные дороги Абакан — Тайшет и Хребтовая — Усть-Илим. Они-то и составляют костяк рабочего коллектива проходчиков.

Проект проходки тоннелей через Байкальский и Северо-Муйский хребты сде-

Анатолий БАРАНОВ Фото Альберта ЛЕХМУСА
Специальные корреспонденты «Смены»

БАМ

ВЗРЫВ-СОЗИДАТЕЛЬ. ИДУТ РАБОТЫ НА ПРЕДПОРТАЛЬНОЙ ВЫЕМКЕ.

ПЕРВЫЕ МЕТРЫ ПОДХОДНОЙ ШТОЛЬНИ.

лали специалисты института «Ленметропроект». Проектировщикам пришлось изрядно помучиться. Дело в том, что эти хребты сложены из валуногалечных отложений и гранитов, причем гранитов либо максимальной твердости, либо, наоборот, разрушенных до глиноподобной массы. Кроме того, в скальных

СТАЛЬНАЯ МАГИСТРАЛЬ ПРИБЛИЖАЕТСЯ К ОТРОГАМ БАЙКАЛЬСКОГО ХРЕБТА.

МОЯ ОЛОНКА

Иван ВАСИЛАКИ,
плотник,

член комитета комсомола
специального строительного-монтажного
поезда «Молдавстройбам»

В нашем новом Доме культуры «Флуэраш» («Свирель») еще хозяйничали отделочники, сантехники и электрики. До его официального открытия оставался добрый месяц. Но никто не удивился предложению нашего секретаря Леонида Веселовского провести именно там очередное комсомольское собрание. Только Андрей Марару пощупил: «В кино со своим стулом ходил, а на собрание еще не приходилось».

— И не придется. Кресла уже завезли.
— Когда?! — изумился Андрей. — Я едва не каждый день туда заглядываю.
Он почти оправдывался: привык, что все в нашей маленькой Олонке на виду, о любом мало-мальски интересном событии все узнают сразу, и все чувствуют себя хозяевами не только своей комнаты в общежитии, но всего поселка. А что это за хозяин, если не заметил появления новой мебели в своем доме?! В общем, растерянность Андрея я понимал — сам чувствовал себя не лучше.

Над центральным входом в Дом культуры нависает большой козырек, многочисленные лампы образуют на нем сложный узор. Он чем-то напоми-

нает детский kaleйдоскоп: повернешься — по новому видится, завораживает своим многообразием. Придумал его электрослесарь Виктор Гиньковский. Он приехал к нам на месяц по командировке треста «Молдэлектромонтаж», потом остался еще на месяц, еще... И вроде бы уезжать не собирается. Вот и сейчас стоит на стремянке, колдует под козырьком, что-то переделывает.

— Витек, что же ты такую красоту рушишь? — всплеснула руками Софья Яковлевна Ястреба, начальник нашего жэка.

— Лучше будет.
— Разве лучше бывает?!
— Бывает. — Виктор произносит это слово «сибирски» только потому, что держит в зубах одновременно сигарету и какой-то кронштейн, борода его дымится, сам он щурится от дыма, но ловко орудует отверткой, а в кармане его праздничного пиджака (все-таки на собрание человек шел) блестят, как газыри на черкеске, еще штук пять отверток да плоскогубцев.

— На кухне в третьем общежитии что-то с проводкой случилось, — тихо, словно себе говорит Софья Яковлевна. — В темноте люди еще кастрюли перепутают.

— Сделаю, — понимает ее Виктор.
— Когда? — быстро спрашивает наша «сибирячка».

— Сделаю здесь, сделаю там.
«Сибирячкой» нашу Софью Яковлевну прозвали не зря. Она, наверное, единственный человек из всего нашего поезда, который сразу же после приезда из Кишинева чувствовал себя в Олонке как дома. И не случайно. Еще в тридцатых годах она жила и работала в этих краях и носила звание «хетагуровки». Наши девочки о таком звании раньше и не слышали, а теперь собираются по вечерам в комнате «сибирячки», расспрашивают ее о тех далеких годах и, рты раскрыв, слушают. Софья Яковлевна рассказывает долго, со всевозможными подробностями (самой, может быть, вспоминать интересно), а потом спохватится, глянет на часы и гонит девочек спать: «У вас своих воспоминаний для детей и внуков хватит!»

Ястреба работала председателем профсоюзного комитета на крупной кишиневской фабрике. Дети ее давно выросли, обзавелись семьями, разъехались. И к ней незаметно подошли пенсионные годы. Как бы она провела их в Кишиневе, не знаю, да и сама она не представляет себя пенсионеркой. В общем, выпал ей, по собственному признанию, «счастливый билет»: услышала о формировании отряда и убедила работников ЦК комсомола республики в своей необходимости великой стройке. Убеждать ей было, наверное, легко: она же комсомолка в душе, хотя всех жителей поселка считает своими детьми и внуками.

— Ты чего на собрание внука несешь? — спраши-

вает она плотника Леньо Сермана, пришедшего в Дом культуры с сыном.

— Оставить не с кем, Галя на бетонном заводе во вторую смену работает, — обстоятельно объясняет Леньо. — А Виталик у меня смиренный, он без разрешения и слова не попросит.

— Смирный! — подает сверху голос Гиньковский. — А кто у меня все изоляторы растащил?

— Сам, небось, суешь ему вместо игрушки, — заступает Ястреба. — Разбалуете ребенка, потом давай, родители, перевоспитывайте!

Виталику только год, но ходит он по поселку важно, словно хозяин. Впрочем, так оно и есть. Он первый из мужчин, родившихся в Олонке, и хотя бы уже только поэтому всеобщий любимец.

— Вот тебе, Олоненок, подарок. — Ястреба протягивает малышу конфету, а тот отмахивается пухлой ручонкой — закармлили всеобщего баловня: каждый норовит подсушить ему конфету или игрушку, и родители, специально работающие в разных сменах, кое-как спасают сына от возможной золотухи.

Олоненок — это еще одно имя младшего Сермана, хорошо, что неофициальное. Очень хочется Софье Яковлевне, чтобы кто-то из молодых родителей назвал дочку Олонкой. «Звучит как Алленка, только лучше», — убеждает она, но пока еще безрезультатно. Зато другое ее предложение поддержали все молодожены: в день свадьбы они на память и счастье сажают по березке. И в семейной аллее уже поднялось двадцать восемь берез.

К деревьям в нашем поселке отношение особое. Один из первых приказов по поезду был об охране природы. Да и без приказа мы старались так ставить свои дома и вагончики, чтобы не срубить или не сломать лишнего дерева. Помню, строили столовую. А на месте, где по плану надлежало находиться крыльцо, росла хорошая лиственница. Мы и так прикидывали и этак: надо пилить.

— Ну, хлопцы, кто смелый? — спросил бригадир Геннадий Гомозов. Человек он строгий, даже властный порой. Как-то во время киносеанса Гомозов вошел в зал, зажег свет и объявил, что пришли машины с кирпичом и надо срочно разгрузить их. Через несколько минут даже киномеханик взбирался на борт «Урала». Но на этот раз добровольцев у нас не нашлось. Я посмотрел на ребят: одни глаза отводят в сторону, другие занимаются чем-то случайным, точно и не слышали призыва бригадира. Такого у нас в бригаде никогда не было, чтобы за спину товарищей прятаться. А тут как будто всем стыдно перед деревом. «Ладно, попробуем начальство убедить», — сказал бригадир и начал набрасывать в блокноте новый чертежик.

Убеждать он может. Крыльцо мы сдвинули немного в сторону, и теперь рядом с ним поднимается обреченная проектом и спасенная «малодушием» ребят прекрасная лиственница.

Конечно, и рубить деревья приходилось, не без

породах обнаружен большой запас напорных вод (в зоне Северо-Муйского тоннеля к тому же множество термальных источников, вода в которых порой нагрета до кипения), встречаются плывуны. В таких тяжелых условиях никто еще подобных тоннелей не строил и не проектировал.

Строительство любых подземных сооружений — железнодорожных тоннелей, метрополитенов, коллекторов — очень трудоемкий процесс, требующий много времени. Сроки же, отпущенные на сооружение подземных переходов магистралей, весьма жесткие. Поэтому проектировщики и предложили выбрать на трассе Северо-Муйского — самого большого в стране — тоннеля три горизонтальные площадки и построить глубокие вертикальные шахты. По их стволам можно будет опустить вниз людей, машины, механизмы и материалы и повести встречную проходку. Увеличится количество забоев, что даст возможность намного ускорить сроки окончания проходки тоннеля.

Один такой ствол сооружается и в Даване.

— Мы должны до конца года пробить ствол через Байкальский хребет, — говорит проходчик Анатолий Астахов. — А потом перекочем на восток, к Северо-Муйскому тоннелю. Вот и выходит, что Байкальский тоннель для нас только репетиция, разминка.

Ничего себе «разминка»! Бамовскому участку карагандинского управления

«Шахтспецстрой» предстоит пробить в Байкальском хребте «колодець» диаметром в семь с половиной метров и глубиной 186 метров. Планом предусматривалось пройти в этом году только 145 метров, но стволники сначала решили выполнить план к 25 декабря, а потом, взвесив свои возможности, обязались закончить в первом году пятилетки все работы в Даване.

— У нас, как говорится, главное — забуриться, а потом мы хоть до центра Земли дойдем, — смеется Александр Панченко.

Среди ночи он спускается в забой, одаривает всех ослепительной улыбкой, сверкающей под тоненькими усами, которые делают его похожим на молодого Петра Первого, и притворно возмущается:

— Так вы же и на забурник вниз не продвинулись. Спали, что ли?

— А ты почему не спишь? — хмурится звеньевой Роман Закиров. Строгий блюститель порядка и дисциплины, он не любит, когда проходчики в свой выходной, положенный по закону и графику, спускаются в забой. Но и запретить им этого Закиров не может: понимает, что ребята живут работой, заботами всего участка. Им небезразлично, что происходит без них в забое. Выходной выходной, а ствол всего в двух шагах от общежития. Вот и покрутятся тот же Панченко в своей сверкающей чистотой комнате, приготовит бутерброды для всего звена и спешит в забой — там друзья, там работа.

— А мне что-то не спится, — объясняет он звеньевому. — Вышел воздухом подышать, дай, думаю, взгляну.

— А переоделся зачем?

— И правда! — Панченко удивленно смотрит на свою рабочую куртку. — По привычке, наверное. Как вода?

Закиров безнадежно машет рукой. Отвечать на вопрос проходчика действительно бессмысленно: вода прорывается из всех трещин, испещряющих здешние граниты, и насос работает беспрерывно. Саша недовольно оглядывает забой, мрачно поглаживает свои усы — на его верхней губе остается широкая темная полоса: руки у Панченко уже давно в масле — и торопится на помощь своему лучшему другу Толе Астахову. Звеньевой провожает его взглядом, в котором одновременно читается одобрение и осуждение. Сам Закиров в выходной день в забой не спускается. Принципиально. Но находится все-таки рядом со стволом. На всякий случай. «Дежуришь?» — посмеивается в эти дни Панченко. «Да я мимо проходил», — краснеет Роман. Лгать он не умеет. Работает же Закиров, по словам маркшейдера Анатолия Войтенко, «как бог». В свои двадцать шесть лет он один из самых опытных проходчиков участка, и не случайно его комсомольско-молодежное звено почти все время занимает первую строчку на экране социалистического соревнования. Роман первым берется за самую тяжелую работу, сам командует погрузчиком.

Я долго уговаривал Закирова доверить мне погрузчик. Согласился он, только узнав, что мне некогда доводилось работать под землей и с породопрогрузочными машинами я знаком не понаслышке. Но с таким погрузчиком я имел дело впервые, и сразу трудно было рассчитать движение рук. Малейший поворот рукояток — и распахиваются красные лепестки погрузчика, их стальные зубья вгрызаются в гору породы, но захватывают только воздух или же распускаются, не долетев до бады, и гранит, раздробленный недавним взрывом, сыплется снова вниз. Роман стоит рядом, страхует меня, на лице его — ярость и мука. Но оно моментально преображается, едва я, устав от единоборства с непослушным механизмом, передаю ему рукоятки управления. В три приема — красиво работает! — Закиров заполняет бады, дергает за сигнальный шнур, и очередной кубометр породы медленно плывет на-гора. Над нами, словно шторма фотоаппарата, захлопываются ляды, и люстры, свисающие над забоем, кажется, начинают светить ярче. Ляды ложатся на ствол, как крышка на кастрюлю, ограждая проходчиков от всяких неожиданностей. А там, далеко сверху, опрокидывается бады, и даже сквозь ровный стрекот насоса я слышу шуршание породы по скипу.

Почти всю ночь качаем породу, воюем с водой, меняем забурники и штанги, всей тяжестью тела помогаем победителем коронкам преодолеть сопротивле-

этого. Но ни одного мы не свалили «просто так». К тому же в нашем поселке не только молодежны сажают березы. У них только аллея, а у нас целый сквер — Комсомольский. А посреди сквера —obelisk в честь покорителей космоса.

— Когда-нибудь и нам здесь памятник поставят, — сказала в день открытияobeliska шофер Мария Руссу.

— Значит, ты сюда все-таки за славой приехала! — подтрунивая, сказал главный инженер поезда Альберт Александрович Жилко.

Они когда-то вместе работали на стройках Ташкента, и Маша очень рассчитывала на знакомство, когда узнала, что именно Жилко поручили подбирать кадры для «Молдавстройбама». Но Альберт Александрович испугался, что эта маленькая, худенькая девушка не выдержит сибирских морозов, и наотрез отказался взять ее на далекую стройку. Пришлось Маше искать обходные пути — путевку ей вручили в ЦК комсомола. Правда, Жилко определил Машу не в шоферы, а в штукатуры — все же полетче. Но Маша днем работала штукатуром, а поздним вечером бежала в гараж и становилась слесарем на добровольных началах — восстанавливала разбитую машину. Настал день, когда главный инженер вынужден был капитулировать перед упорством этой худенькой девушки. И теперь Мария Руссу лихо носится по тяжелым таежным дорогам, которые молдавским водителям и во сне не снились. Нет, вовсе не за славой приехала на БАМ Мария Руссу. Просто здесь она полнее ощущает свою причастность к большому делу, чувствует себя хозяйкой не только автодорог, на ухабах которых ежедневно трясется ее грузовик, но и всей будущей первоклассной магистрали.

— Ну что, споткнулась ваша бригада? — насмешливо спрашивает Серман. Или мне только слышится насмешка в его голосе? Отвечать все равно не хочется. Конечно, непривычно нашей бригаде, бывшей всегда впереди, вдруг оказаться в обозе соревнующихся, но стоит ли оправдываться? Друг наш Вася Гого опоздал из отпуска на пять дней. Как говорится, «без уважительной причины». Уже стоял вопрос о его увольнении, но бригада решила ограничиться выговором и отработать эти потерянные дни всем вместе. Васиню опоздание стоило нам первого места в соревновании и квартальной премии. Наказал нас Вася, конечно, крепко, но и работал с тех пор за двоих. Перекуры у нас нечастые, но Гого отдохнуть не дозвешся. А если и подойдет, то вместо сигареты берет в руки гнутые гвозди и выпрямляет — у нас каждый гвоздь, каждый шпиг в дело идут.

— Молоко забыл, — вспоминает Леня и передает своего Витальку в руки Андрея Марару. — Я сбегал, а ты понячки пока, если детский сад достроить никак не можете.

Детский сад строит наша бригада. Действительно,

поздно схватились. О нем мы в Кишиневе вообще не думали, хотя старательно готовили щиты для общежитий, магазина, столовой. И здесь, на месте, довольно быстро их собрали. Столовая нам в первую зиму и клубом служила. Зима суровая выпала, каждый день вместо приветствия мы спрашивали друг у друга о градусах по Цельсию и терли синие носы. Новый год встречали в столовой все вместе, и начальник поезда Игорь Александрович Панов произнес очень короткую речь: «Зима покажет, кто здесь истинный хозяин, а кто гость». Хозяевами оказались все, никто морозов не испугался. Даже дети. Они катались на деревянных салазках даже в активированные дни, когда сталь не выдерживала и топоры крошились.

— Скоро будем на настоящей сцене репетировать, — радостно говорит Андрей, обращаясь то ли ко мне, то ли к Виталику. — Надоело уже во вставке толкаться.

Вставки — это пристройки к общежитиям. Их у нас две. В одной кинозал на сотню мест, а в другой — спортивный зал. Сработанные по нужде, они неожиданно придали нашим общежитиям новый облик и даже в какой-то степени украсили поселок. В коридорах, соединяющих общежития, появился зимний сад, а в самих вставках всегда многолюдно по вечерам. Мы даже графики составляли, когда ими пользоваться боксерам или штангистам, певцам или танцорам. На БАМе и я «выбил» в артисты. До этого танцевать на сцене мне не приходилось, но Марару кого хочешь уговорит. Один раз я зашел на репетицию, второй, да так и остался. Теперь меня, наверное, Андрей и силой не выгонит. Во вкус вошел или, как он говорит, славу почувствовал — наш танцевальный ансамбль и в районе лучшим признан и в Хабаровске стал победителем краевого смотра.

— Жалко вставку бросать, — говорю я Андрею.

— А кто их бросать собирается?! У нас там будут шикарные комнаты отдыха. — Андрей вдруг подбрасывает Витальку под самый козырек. — А вот что с садом делать для таких оловцов?

— А что с ним делать-то? Достроим.

— Понимаешь, — Андрей опускается с Виталькой на корточки и щепочкой чертит на земле неровные линии. — Понимаешь, что получается? Зачем в детском саду такой большой тамбур? Мы за его счет увеличим спальни. А эту дверь перенесем чуть правее, так удобнее будет.

— Мы и так с запасом строим.

— Это на сегодня с запасом, а завтра появятся у нас новые Олоненки. Думать надо.

Я знаю, что над своей идеей он будет ломать голову всю ночь, а завтра станет доказывать ее бригадирю. Гомозов тоже подхватится, и вместо очередного перекура вся бригада примется чертить гвоздями на досках проекты нового расположения спален и дверей.

— Вы чего спорите? — возникает рядом Леня Веселовский. Он в белой рубашке с аккуратно повязанным галстуком, от него за версту несет «шипром». А еще час назад стоял рядом с нами и вытирал ветошью руки, измазанные по локоть машинным маслом.

— Веселовский, приходи сегодня на репетицию, — приглашает Андрей.

— Не могу, — отговаривается секретарь. — Хочу после собрания повечеровать немного. Что-то мой бульдозер барахлит.

Только у нас можно услышать такое выражение — «повечеровать пару часиков». Это значит остаться на сверхурочную работу, которая не обязательно попадет в наряды хотя бы потому, что о ней могут не знать мастера и прорабы.

Мы строим станцию Олонка, она недалеко от нашего поселка. Знающие люди утверждают, что поселок Олонка — лучший на всей магистрали. Я с ними полностью согласен и думаю, что и станция тоже будет самой лучшей. Вырастут на краю тайги и многоэтажные дома, и школа, и спортивный комплекс, и красивый вокзал, который обязательно отделают наши художники. И появится молдавская станция на восточном участке Байкало-Амурской магистрали.

— Надолго? — на ходу спрашивает Серман. — Мне надо ужин готовить.

— Успеешь, — морщится Веселовский. — У нас сегодня один вопрос.

— А твой? — поворачивается Серман ко мне.

Я понимаю, о чем он спрашивает. Уже год прошел с тех пор, как на комсомольском собрании был создан наш оперативный отряд, и вроде бы настала пора отчитываться. Но о чем говорить, если мы аккуратно выходили на дежурство и, погуляв, возвращались? Ни одного происшествия! И это, наверное, единственная работа, где отсутствие каких-либо показателей можно с полным правом называть успехом. Но это не мой успех и не успех оперативного отряда. Таков образ жизни одной дружной семьи, которая официально именуется коллективом специального строительного монтажного поезда «Молдавстройбам».

— На повестке дня у нас один вопрос. — Веселовский, как всегда, волнуется перед собранием, хотя сидит в зале все свои, почти сроднившиеся на совместной работе люди, хозяева одной стройки. — Вы уже знаете, что комсомольско-молодежная бригада Геннадия Гомозова выступила инициатором социалистического соревнования в нашем поезде за право подписать рапорт Ленинского комсомола Центральному Комитету нашей партии в честь шестидесятилетия Октября...

— И тут вы первые, — толкает меня в бок Леня Серман.

— Привычка, — улыбаюсь я, хотя знаю, что привычка быть первым достается нелегким трудом.

ние неподатливого гранита и только под утро передаем готовые шпурсы взрывникам и выбираем на поверхность.

Мы сидим, прислонившись к массивным ногам копра, и смотрим, как над черным конусом Тоннельной мерцают крупные, едва не в кулак величиной, желтые звезды. Курят ребята молча, не торопясь, и дрожат сигареты в их усталых пальцах. Но эту усталость замечаешь, только сидя рядом.

С Тоннельной, наверное, в это время наш копер тоже видится конусом. Только золотистым. Его доставили сюда по частям через всю страну. Лед на Байкале прошлой зимой был не слишком надежным, и стальным деталям копра пришлось дожидаться навигации. С мыса Курлы их с трудом притащили в Даван мощные «КраЗы». Проходчики на время стали монтажниками, собирали из стальных балок, труб и блоков могучий организм копра и очень волновались, когда настал день установки многотонной машины на бетонной площадке, окружающей жерло ствола.

Об этой истории мне рассказывал Войтенко. И теперь, сидя рядом с Панченко, я спросил, что его заставило рвануться к копру.

— Глупость, — засмеялся Панченко и растер в руках еще горящую сигарету, из-под пальцев его посыпались искры. — Работа у нас такая — приучает к осторожности. И, прежде чем шаг сделаешь, подумаешь надо, прикинуть что к чему, а я помчался сломя голову. Стоял, наверное, и сам бы на копер полез, если бы другого выхода не нашел. Но он-то

отбежали в сторону. Через мгновение, словно устыдившись минутной слабости, Саша Панченко бросился назад, к замершему неподвижно копру. Астахов успел ухватить его за рукав куртки.

— Жить надоело?!

— Надо отцепить трос, и все пойдет как по маслу.

— По муслам бы тебе! Ладно, стой здесь, — решил Астахов и примирительно добавил: — Ты будешь мной снизу командовать.

— Назад! — крикнул Стоян, поняв намерение проходчиков. — Обойдемся на этот раз без героизма.

Он обошел вокруг накренившегося копра, потом долго говорил с крановщиками, и вот, наконец, среди всеобщего молчания снова взревели моторы. Один из крановщиков опустил стрелу, а второй в то же мгновение подтянул заземленный трос, и через несколько минут копер надежно стоял на своих четырех ногах. А в воздухе традиционно летели шапки.

Об этой истории мне рассказывал Войтенко. И теперь, сидя рядом с Панченко, я спросил, что его заставило рвануться к копру.

— Глупость, — засмеялся Панченко и растер в руках еще горящую сигарету, из-под пальцев его посыпались искры. — Работа у нас такая — приучает к осторожности. И, прежде чем шаг сделаешь, подумаешь надо, прикинуть что к чему, а я помчался сломя голову. Стоял, наверное, и сам бы на копер полез, если бы другого выхода не нашел. Но он-то

нашел. В общем, как в песне: кто ищет, тот всегда найдет. Вы меня простите, но мне даже в горьковском выражении «безумство храбрых» не нравится первое слово. Я в принципе за трезвый расчет в делах, хотя, как видите, не всегда бываю в этом последовательным.

— И Астахов так же думает?

— Конечно. А вы у него самого спросите — вон поднимается.

Но Астахову было не до вопросов: он шел как-то странно, боком, прикрывая рукой глаза.

— Что случилось? — подбежал Панченко.

— Быстрее к докторице! — закричал Закиров.

Фатима Горбатовская, недавняя выпускница Омского медучилища, растерянно залахивала голубой халатик и жалостливо охала. По ее лицу, усеянному веснушками, стекали крупные слезы. Толя Астахов был первым пациентом новоиспеченного фельдшера, и Фатима сейчас ни у кого не могла спросить совета.

— Ты чего вкочешь? — разозлился Панченко. — У человека глаза забило, промыть надо.

Астахов прочищал жатым воздухом от грязи и пыли шпурсы, чтобы туда легко входили круглые красные пакеты, набитые ВВ. Кто-то задел шланг, и он, вырвавшись из Толиных рук, залясал по забою. Проходчик бросился к вентилю, перекрыл его и только тогда схватился за глаза. К счастью, ничего страш-

ного не произошло. Фатима все-таки успокоилась, промыла глаза своему пациенту и была довольна, наверное, не меньше Панченко. А Саша, разряжаясь от волнения, громче всех смеялся несмешному рассказу Астахова о том, как плясал по забою шланг, похожий на страшную змею. И Войтенко, прибежавший в медпункт, услышав этот хохот, довольно заулыбался.

— Зарядили все шпурсы. Сейчас отпалит.

Мы тут же замолчали. Тихо текли медленные секунды ожидания. Потом вздрогнул пол, качнулась земля, и донесся приглушенный толщей породы грохот взрыва.

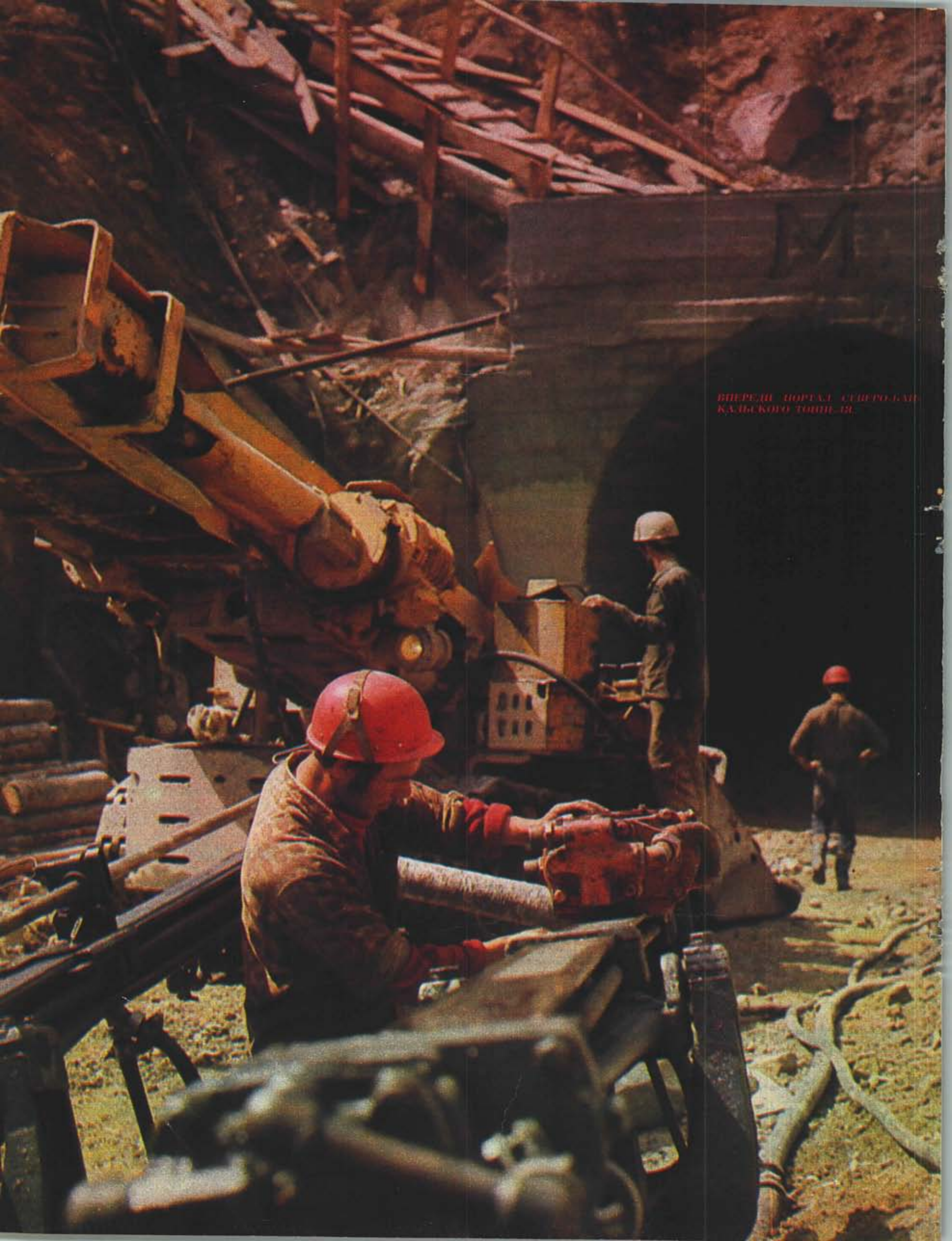
Ствол стал на полтора метра глубже.

— Мы уже закончили подготовительные работы у восточного портала Байкальского тоннеля, — рассказывает: парторг тоннельного отряда № 12 Станислав Елбаев. — Сейчас ведется проходка подходной штольни и вертикального ствола. С их сдачей в эксплуатацию у нашего отряда откроется большой фронт работ по проходке транспортной штольни и основного тоннеля.

— Что пишет Валя? — останавливает парторг Белоусова.

У Белоусова уехала жена. Впрочем, к ее отъезду они готовились долго: решили, что Вале лучше рожать не на БАМе, а в родном городе, чтобы родители были рядом. Потом пришла телеграмма о рождении дочери, и Володя, попросив отпуск за свой счет, сам вынес из роддома голубой сверток, в который

ВПЕРЕДИ ПОРТАЛ СЕРБОВЛАД
КАЛЬСКОГО ТУННЕЛЯ.

ЗНАМЕНИТЫЙ ПЕРЕВАЛ, ДАВШИИ НАЗВАНИЕ ПОСЕЛКУ ДАВАН.

НОВОСЕЛЬЕ. СЕМЬИ ТОННЕЛЬЩИКОВ ПЕРЕЕЗЖАЮТ ИЗ ДАВАНА В БЛАГОУСТРОЕННЫЕ ДОМА ПОСЕЛКА ГОУДЖЕКИТ.

была «упакована» его Елена. Кажется, ничего тяжелее он раньше не носил: потом долго не мог разогнуть затекшие руки. Тогда же они договорились, что Валя месяцев через пять-шесть приедет в Даван с дочерью. Володя даже комнату приготовил и ждал телеграмму о их приезде. Пришло только письмо. С ультиматумом: «Или я с Еленой, или Даван». Выбора не было, но и оставлять начатое дело не хотелось. И он видел только такой выход: Валя, Лена и Даван.

— Стасик, помоги мне взять еще недельку за свой счет. Я ее обязательно уговорю.

— Только не обещай ей золотых гор.

— Горы пообещаю. Серебряные, в снегу. Только вот место ее уже занято — нового фельдшера уже приняли.

— И Валя, если вернется, без работы не останется.

— Приедет, обязательно приедет.

Я тоже поверил, что Володя сможет уговорить жену: трудно, побывав здесь однажды, забыть этот суровый и прекрасный край. Есть места, природой которых хочется не только любоваться. Там хочется жить, хочется работать. Северо-Байкальский район именно такой. Тоннельщики устраиваются здесь по-хозяйски, основательно и надолго. У метростроителей есть добрая традиция: пройти пешком по пробитому своими руками тоннелю.

КАЧЕСТВО ТРАССЫ — ГЛАВНАЯ ЗАБОТА ТРАНСПОРТНЫХ СТРОИТЕЛЕЙ.

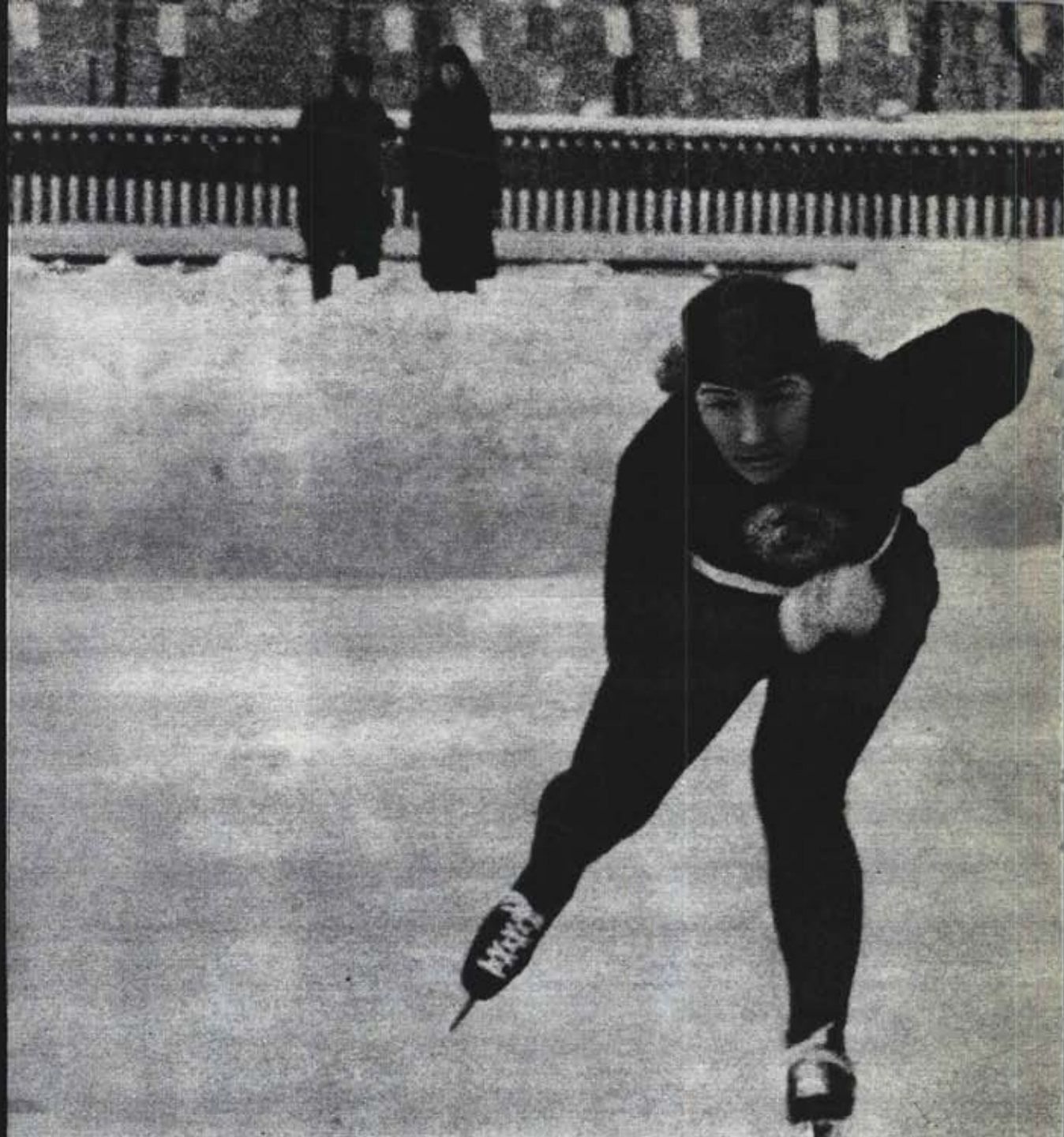
Фото Анатолия БОЧИНИНА

Мария ИСАКОВА,
заслуженный мастер спорта,
трехкратная абсолютная
чемпионка мира
по скоростному бегу
на коньках

Зимой нынешнего года пришла в наш дом большая, радостная для всех победа: на олимпийском льду Инсбрука русские девушки горьковчанка Таня Аверина и ленинградка Галя Степанская вновь подтвердили славу женского конькобежного спорта нашей страны. Славу громкую и прочную, о которой в последнее время мы, к сожалению, стали забывать.

Мне часто, особенно после окончания XII зимних Олимпийских игр, приходилось встречаться с молодежью, беседовать с ней, отвечать на вопросы. И вот с удивлением обнаружила, что многие девушки и парни рассматривают наш успех в Инсбруке 1976 года чуть ли не как случайность.

СПОРТ НАЧИНАЕТСЯ С ЛЮБВИ

Почему? — спрашивала я себя. И отвечала: да потому, что они просто не знают истории.

Конечно, за последние годы скоростной бег на коньках среди женщин получил большое развитие в ряде стран и выдвинул много ярких талантов. Вместе со всеми я преклоняюсь перед мастерством и громкими победами таких выдающихся представительниц нашего вида спорта, как Стин Бас-Кайзер, Атье Кейлен-Деллста, Анне Хеннинг, Диана Холм, Шила Янг, Сильвия Бурка. Но, слушая хвалу в их адрес, я невольно сопоставляю совершенные ими с тем, что внесли в мировой конькобежный спорт советские женщины. И мне очень хочется поделиться своими мыслями по этому поводу с как можно более широкой аудиторией. Вот почему я решила повести разговор о себе и о той поре, когда мы начинали.

С чего начинаются успехи в большом спорте? Мое твердое убеждение — с любви. В пору моего детства и юности всеобщей любовью пользовались коньки. Каждое состязание на ледяных дорожках привлекало десятки тысяч зрителей — не меньше, чем самые интересные футбольные матчи. Сотни катков, залитых еще ранней осенью, привлекали людей самых различных возрастов и профессий. Крупнейшими конькобежными центрами были тогда, как, впрочем, и сейчас, Москва, Ленинград, Горький, Свердловск. В середине тридцатых годов к ним присоединился и мой родной Киров. Здесь стали регулярно проводиться крупнейшие всесоюзные состязания, на которые приезжали все «звезды» той поры: Яков Мельников, Иван Аниканов, Анатолий Капчинский, Николай Лебедев, Александр Люскин, Евгений Летчфорд, Валентина Кузнецова, Зоя Миронова, Серафима Паромова, Марианна Валова, чьи имена и сегодня я произношу с благоговением перед их мастерством и преданностью конькам.

Появление этих выдающихся скороходов у нас в Кирове, их выступления на быстром льду (ведь здесь, на моей родине, была впервые изобретена и опробована горячая заливка льда), рекордные результаты способствовали тому, что молодежь еще сильнее потянулась к конькам, они стали у нас спортивным номером один.

В ту пору была создана в Кирове динамовская детская конькобежная школа, в которую записалась и я. Руководил ею приехавший из Горького хороший конькобежец и опытный тренер Николай Ефимович Челышев.

Очень многим обязана я этому живому, энергичному и веселому человеку, вдумчивому педагогу и настоящему энтузиасту конькобежного спорта. Николай Ефимович не только помог мне освоить технику скоростного бега и выработать свой стиль скольжения, но и, главное, привил любовь к труду на ледяной дорожке. Да, спорт — отдых, развлечение, удовольствие, но он же, особенно тот, который мы называем сегодня «большим», — это прежде всего огромный, постоянный, упорный труд, не признающий снисхождения и жалости к самому себе.

Именно благодаря труду, настойчивому овладению техникой, изучению опыта ведущих мастеров я уже во второй половине тридцатых годов сумела выдвинуться в число известных мастеров скоростного бега. Так, в 1936 году, впервые стартуя на московском стадионе «Динамо», я заняла на чемпионате СССР по многоборью пятое место, вслед за такими знаменитыми бегуньями, как Серафима Паромова, Валентина Кузнецова, Марианна Валова и Мария Захарова, затем два года подряд была четвертой. Выступала я и на катках Ленинграда, Горького, Свердловска, Челябинска, Архангельска, но особенно удачливым был для меня родной лед Кирова. Здесь я не раз оказывалась победительницей крупных состязаний, здесь установила несколько всесоюзных рекордов. Первые из них — все той же памятной зимой 1936 года. Конец сезона ознаменовался большим событием в моей биографии: я получила звание мастера спорта СССР, которым гордилась и горжусь всегда.

И еще одно, не менее важное и волнующее событие произошло в ту пору в моей жизни. Краевая комсомольская организация избрала меня делегатом X съезда ВЛКСМ. И вот я в Кремле, среди сотен юношей и девушек, посланцев Ленинского комсомола. Сколько я увидела тогда здесь людей, известных не только Советской стране — всему миру! Здесь, в одном зале со мной, сидели украин-

ские колхозницы Мария Демченко и Мария Гнатенко, ивановская ткачиха Дуся Виногорова, трактористка Паша Ангелина, один из первых Героев Советского Союза, прославленный летчик Николай Каманин.

Много больших и важных вопросов обсудили мы на съезде, самыми главными из них были вопросы учебы, коммунистического воспитания. Далеко не последнее место заняли в работе съезда вопросы физического воспитания молодых советских патриотов, их подготовки к труду и обороне Родины. Значительные достижения советского физкультурного движения были налицо. О них рапортовала делегация ведущих спортсменов СССР, в составе которой была и я. Но удовлетворяться достигнутым мы не имели права. Партия требовала от комсомола еще шире развернуть физкультурное движение, усилить борьбу ведущих советских спортсменов за обладание мировыми рекордами, за мастерство подлинно международного класса. Обо всем этом говорили в своих выступлениях многие делегаты. И, слушая их, я давала себе слово не пожалеть ни сил, ни труда, ни времени, чтобы внести и свою лепту в дело укрепления международного авторитета советского спорта.

Летом того же года мне довелось участвовать в грандиозном физкультурном параде на Красной площади в Москве. В столицу съехались тогда спортивные делегации со всех краев Советского Союза, физкультурники всех национальностей, населяющих нашу любимую Родину. Я познакомилась с грузинской легкоатлеткой Ниной Думбадзе, со знаменитым снайпом из Армении Серго Амбарцумяном, с футболистами киевского «Динамо».... И все наши разговоры, знакомства, наблюдения подтверждали огромный размах советского физкультурного движения, широко поддерживаемого государством.

Навсегда останутся в памяти волнующие и яркие эпизоды физкультурного парада. Это была яркая, искренняя демонстрация любви и преданности нашей молодежи, наших спортсменов Коммунистической партии и Советскому правительству, это была наша клятва Родине — идти вперед, добиваться все новых и новых успехов.

Между прочим, именно участие в этом грандиозном празднике подвело мне решение посвятить свою жизнь физическому воспитанию молодежи, стать педагогом, тренером. Осенью я перешла из индустриального техникума, где проработала год, в только что открывшееся Кировское физкультурное педагогическое училище. Закончила его осенью сорокового года. А через несколько месяцев началась Великая Отечественная война.

Шла жестокая битва с коварным и сильным врагом. Город Киров находился в глубоком тылу. Он не знал ни тревог, ни затенений, ни треска зениток и воя сирен. Но и здесь все работало для фронта, для победы, все без исключения подчинялось одной цели. И я старалась внести свой скромный вклад в общее дело. Я была тогда депутатом городского Совета и, как представитель Советской власти, много работала на эвакуационных пунктах.

Уже через несколько месяцев после начала войны к нам в Киров прибыло много эвакуированных, главным образом ленинградцев. Приезжали женщины, дети, старики. Были переброшены в Киров и целые заводы, а с ними рабочие и их семьи. Всех надо было принять, разместить, устроить.

С утра до позднего вечера занималась я в ту пору выявлением и учетом излишков жилой площади, направляла на квартиры эвакуированных, помогала им устроиться на работу, получить питание. Моя собственная квартира превратилась тогда в своего рода общежитие для ленинградцев. У меня жили семьи боксера Гудкова, конькобежцев Белова и Андреева.

На эвакуационных пунктах пришлось столкнуться с десятком исковерканных войной человеческих судеб, увидеть много слез. О все новых бедствиях и разрушениях, трагедиях, потерях ежедневно сообщали радио и газеты. И в этих кровавых несчастьях войны, в огромной всенародной трагедии растворилось и мое большое личное горе: умерла младшая моя дочь.

Обо всем, что довелось пережить, не расскажешь. Работала в военном госпитале. Кроме основных обязанностей — библиотекаря, — постоянно занималась с ранеными лечебной физкультурой, помогала им быстрее

вернуться в строй, а главное — приобрести необходимые жизненные силы, поверить в себя!

Дел было много. Коньки, обернутые ветошью, лежали в шкафу.

И вдруг телеграмма из Всесоюзного комитета по физической культуре и спорту: «Выезжайте в Москву для участия в первенстве страны». Поначалу я не поверила, не могла поверить. В мои только наметился «великий перелом» — закончилась битва под Сталинградом, враг был всего в двухстах километрах от столицы — и вдруг... состязания. Да, не верилось. Но в горькие партии, куда я обратилась за советом, мне сказали решительно:

— Надо ехать! Этот чемпионат тоже удар по врагу. Страшные силы удар!

Так я оказалась участницей всесоюзного первенства 1943 года. Кстати, это был первый «военный чемпионат» — конькобежцы опередили представителей всех других видов спорта. Проходил он на малом стадионе «Динамо» 21—22 февраля. Одновременно состязались и мужчины и женщины. Некоторые участники были в военной форме, и среди них офицер Советской Армии, только что прибывший с передовой, патриарх русских конькобежцев, обладатель значка заслуженного мастера спорта № 1 Яков Федорович Мельников.

У кого из нас не дрогнуло сердце, когда был поднят флаг первых за годы войны всесоюзных состязаний. И хотя лично я выступила очень плохо (седьмое место в сумме многоборья), настроение было отличное. Чемпионат утвердил нашу веру в счастливое будущее.

А потом пришла долгожданная Победа. Помню, какая прекрасная весна была у нас в сорок пятом. Казалось, улыбка еще так ярко не светило солнце, не улыбались так счастливо люди. Майским вечером услышали мы о том, что враг окончательно повержен.

И вскоре мы, советские спортсмены, начали получать массу приглашений из-за рубежа. Для советского спорта широко открылось окно в мир. И это накладывало на каждого из нас особые обязанности.

Хорошо помню одно из партийных собраний той поры в нашей московской организации «Динамо» (я к тому времени окончательно переселилась в Москву, но связи с моим родным Кировом не прерываю до сегодняшнего дня). Коммунисты вели разговор о долге советского спортсмена перед Родиной, перед народом.

— Мы должны своими результатами, своими выступлениями на стадионах мира умножить величие Страны Советов, — говорил один из старейших динамовцев, знаменитый в свое время футбольный вратарь Федор Федорович Чулков.

Вот этим сознанием своей большой ответственности перед страной, своего долга бороться за ее спортивную честь и славу жили мы все.

В феврале 1948 года команда советских конькобежцев выехала в финский город Турку, где должен был состояться чемпионат мира. Для норвежек, финок, шведок — очередной, уже шестой по счету, для нас — первый. Мы впервые пробовали свои силы в официальных международных соревнованиях.

Все было изволновано предчувствием напряженной спортивной борьбы и сознанием ответственности, ложившейся на нас. На катке Турку нам предстояло выявить не только свои личные спортивные качества. Мы обязаны были показать всему миру преимуществу советской системы физического воспитания, превосходство, могучую силу советского спорта.

Знали мы, что спор предстоит с сильными и опытными соперницами. Среди них — абсолютная чемпионка мира 1939 и 1947 годов Верне Леше из Финляндии, молодая чемпионка Норвегии Ранди Турвальдсен, финка Зеви Хуттонен и другие. Буржуазная пресса много писала об их отличной форме и, естественно, именно им отдавала пальму первенства. Этим действительно замечательным мастерам противостояла тогда советская команда, в которую входили Зоя Холщеникова, Лидия Селихова, Татьяна Карелина, Мария Исакова, Марианна Валова, Ольга Акифьева, Римма Жукова, Мария Аниканова. Первые четыре — «зачетницы», остальные выступали вне конкурса. Вот каким богатым, каким необычайно щедрым на таланты был в ту пору наш женский конькобежный спорт!

Можно было бы многое рассказать о тех соревнованиях, для этого, вероятно, потребовалась бы целая книга. Ну, а коротко скажу так: дебют прошел на редкость удачно! Я завоевала золотую медаль и лавровый венок абсолютной чемпионки мира, на втором месте — Лидия Селихова, на третьем — Зоя Холщеникова.

Следующие два года подряд я повторяла этот успех, шесть раз на протяжении семи сезонов становилась абсолютной чемпионкой СССР. Но дело не только во мне и в моих личных победах. Я счастлива, что моя спортивная зрелость совпала с золотой эрой советского женского конькобежного спорта. На протяжении полутора десятилетий ему не было равных в мире. Это не красивые слова, а документально подтвержденный факт. Постараюсь обосновать его.

В феврале нынешнего года исполнилось ровно сорок лет с тех пор, как начали проводиться чемпионаты мира по скоростному бегу на коньках среди женщин. Так вот, за этот срок (а ведь мы начали участвовать в них только с 1948 года) призовые места и высшие награды распределились следующим образом. Представительницы Советского Союза завоевали 20 золотых медалей абсолютных чемпионок мира, 21 серебряную и 17 бронзовых; у Норвегии — 2 золотых, 4 серебряных, 7 бронзовых; у Финляндии — 3 золотых, 3 серебряных и 2 бронзовых; у США — 1 золотая, 4 бронзовых; у ГДР и Канады — по одной золотой. Право же, подобной арифметикой мы вправе гордиться!

Советский женский конькобежный спорт выдвинул из своей среды яркие таланты, великих бегуний, которым нет и не было равных ни в одной стране. Инга Артамонова, Лидия Скобликова и другие олицетворяют сегодня покорение самых недоступных высот.

Было ли нам легко? Нет, никогда. Но недаром в одной из наших песен говорится: «Не созданы мы для легких путей!» Спорт научил нас побеждать не только соперниц, но и прежде всего самих себя.

Спорт оставил в моей жизни неизгладимый след и навсегда вошел в нее. Закончив выступать на беговой дорожке, я поступила в институт физической культуры и в 1958 году закончила его. Была рекомендована на должность главного тренера Росспорткомитета. За два года работы, побывав в 28 областях, увидела много поучительного, остро необходимого в педагогической деятельности. Тогда же впервые «открыла» для себя многих будущих чемпионок — Стенину, Скобликову, Колокольцеву.

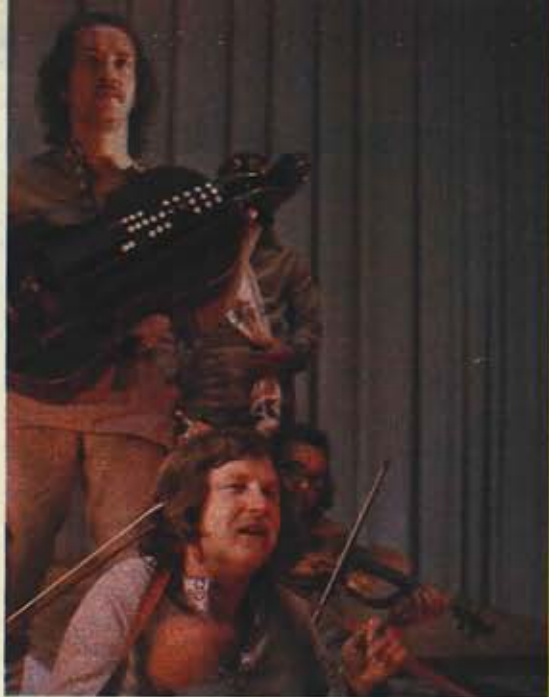
Потом были годы работы в родном «Динамо». Так что всегда была и остаюсь в спорте, живу и дышу им. Прошлой осенью поехала в Свердловск, познакомилась близко с Таней Авериной, пристально наблюдала за ее тренировками. Тогда же написала в одном из наших спортивных изданий: «Она будет олимпийской чемпионкой!» Счастлива безмерно, что мое предсказание сбылось. Уверена, Таня еще многого добьется; у нее есть то, что составляет главную черту больших спортсменов, — воля, целеустремленность, умение терпеть и высшее сознание долга.

Много времени отдаю сейчас общественной деятельности. Член Всесоюзного общества «Знание» (с лекциями о коньках объездила чуть ли не всю Россию), член Олимпийского комитета страны, член президиума Федерации пропаганды физической культуры и спорта РСФСР. В своей партийной группе веду занятия по истории КПСС.

У меня дочь и сын. Дочери уже за тридцать. Она пошла по стопам матери: закончила институт физической культуры, работает тренером. У нее 13-летний сын, так что я, как видите, бабушка. Одним словом, жизнь несется вперед — интересная, многоликая, насыщенная...

Вспоминая о своей жизни, тешу себя надеждой, что рассказ о моей судьбе, о судьбе моих друзей, о пути, пройденном нами, зажжет у молодежи любовь к одному из самых ярких и светлых чудес на земле — конькам. Они несут нам здоровье, неповторимые мгновения общения с природой, ощущение скорости, собственной силы, умения управлять собой и побеждать соперников. А лучшим из лучших они позволяют, прославив себя, прославить свою Родину, неиссякаемость ее молодости, ее боевого задора, ее непобедимости — ни в чем и никогда!

По всему городу мокли огромные афиши — «Песняры». Знакомый сказал: «Зря бумагу переводят. Попробуй достань билет».

Минский Дворец спорта был уже заполнен, а директор ансамбля Знак по-прежнему боялся выйти из кабинета и не подходил к телефону — прятался от знакомых.

«Песняры» бродили по холлу, готовясь к выходу на сцену, а руководитель ансамбля Владимир Мулявин оставался в одиночестве.

— Поверь, я снова стал волноваться, как в первое время. «Долю» показываем. Проба не первая, но всякий раз думаешь: как воспримут на этот раз?..

Один довольно известный певец жаловался: — Работу свою люблю, ничем другим заниматься не смог бы, и все-таки приедается. Случается, пою, а сам о всякой всячине думаю: о билетах в кино, о примерке... Потом слышу аплодисменты. Ага, думаю, песня закончена, пора раскланиваться.

С места звукооператора смотрю на хорошо знакомое, высвеченное юпитерами лицо Мулявина, слышу в его голосе необузданную стихию и не могу, хоть убейте, представить подобное с ним. Лауреат премии Ленинского комсомола композитор Игорь Лученок, один из активнейших авторов «Песняров», говорит: «Мулявин не просто импровизирует. В его голосе, в его музыке слышатся самые тончайшие изменения, происходящие в его душе. И это свое состояние он передает всему ансамблю».

Вспоминаю маленькую, затертую и пожелтевшую от времени фотографию — мальчишка в солдатской форме самозабвенно играет на балалайке. Это Мулявин. В то время его отличали упрямство и желание научиться играть на всех инструментах. В оркестр Белорусского военного округа он пришел, по словам музыкантов, законченным «джазменом», но зеленым аранжировщиком. Здесь, в военном ансамбле, он познакомился с будущим костяком «Песняров» — Леонидом Тышко, Владиславом Мисевичем, Валерием Яшкиным и Александром Демешко. Армия помогла им узнать друг друга поближе, помогла сделать вывод: они не случайные встречные, а единомышленники.

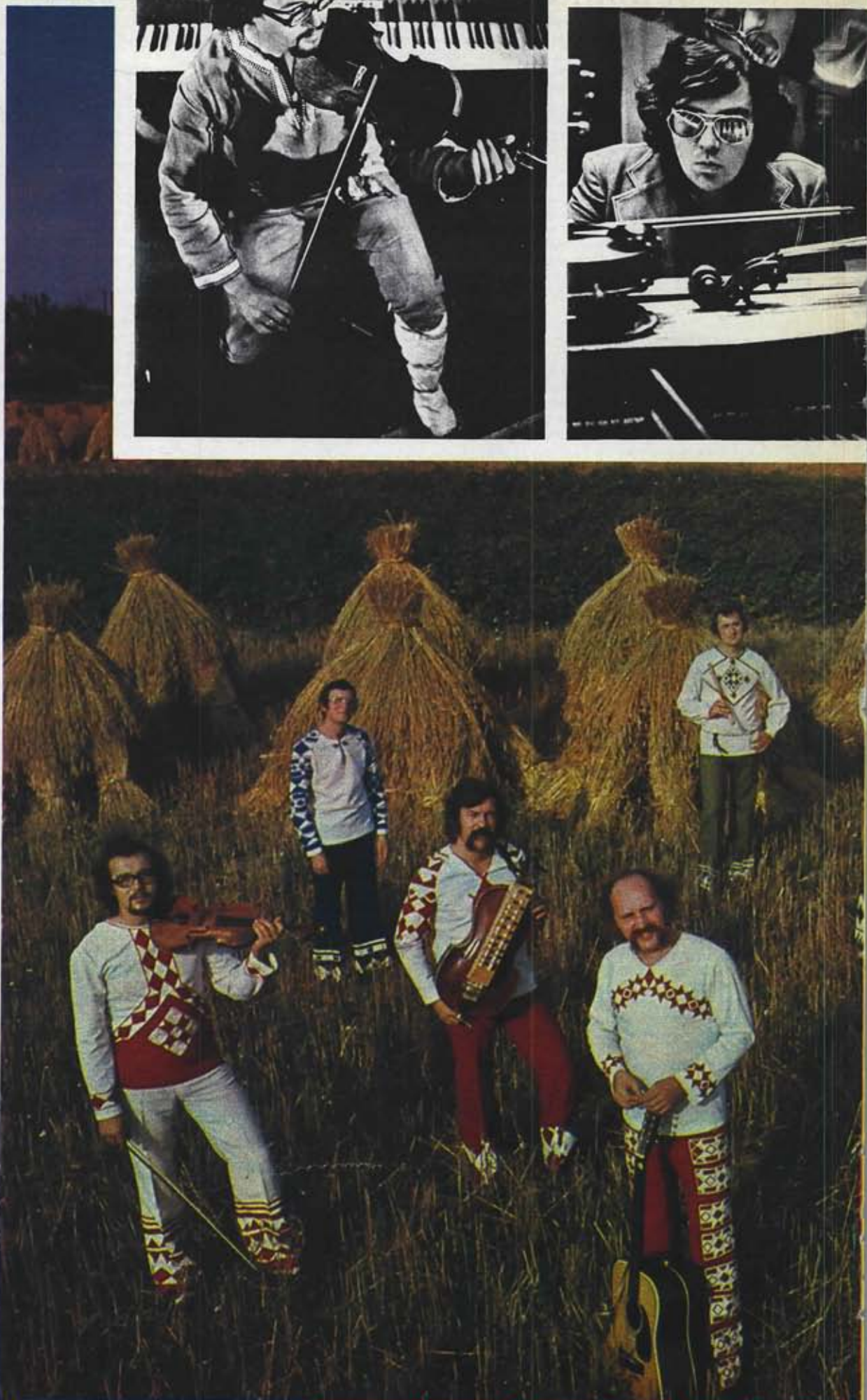
Сегодня Валерий Яшкин вспоминает: — Решили сколотить ансамбль и понеслись со своей идеей в филармонию. У нас ничего не было — ни ставок, ни крыши над головой...

Они ночевали чуть ли не на вокзале, на обед заказывали по шесть гарниров и играли, играли...

Был в ансамбле хороший трубач. Однажды проснулись утром, а его нет. Только записка: «Ребята, я вас люблю, но жить так больше не могу, простите».

В то время я слушал их впервые в студенческом клубе. Ансамбль назывался «Лявоны». На сцену вышли весельчаки и балагуры, державшиеся, однако, степенно. Тогда о них писали: «Кафтаны и усы украшали «Лявонов», делая их похожими на деревенских голосистых молодцов, а Мулявина — на «дядьку» этого песенного братства».

В одной из газет в те дни появилась статья «Быть или не быть «Лявонам»?». Да, вопрос ставился именно так. Тогда неясно было, «выживут» ли вообще на сцене вокально-инструментальные коллективы, а тем более эстрадный фольклорный ансамбль.

МОЛОДЫЕ
МАСТЕРА
ИСКУССТВ

ПЕСНЯ

Михаил КАТЮШЕНКО. Фото Сергея ПЕТРУХИНА

ДЛЯ НАС

«Лявоны» — их было всего шесть человек, — как могли, сражались за право на существование. На Всесоюзный конкурс артистов эстрады они поехали уже как «Песняры». До этого конкурсы артистов эстрады не проводились ровно двенадцать лет, и поэтому внимание к его участникам было самым пристальным.

Мулявин вспоминает:

— Смотрю на счастливые лица ребят и сам до конца не понимаю, что произошло. Неужели и в самом деле успех?

Член жюри конкурса Ирма Петровна Яунзем писала: «Этот ансамбль остался в памяти как яркая творческая индивидуальность. «Песняры» — коллектив необычный во всех отношениях. Одновременно и современный и народный...»

Мой давний приятель Александр Демешко, ударник ансамбля (его называют «мотором» «Песняров»), рассказывает:

— Мы еще друг друга поздравляем, а Володя Мулявин спрашивает: «А дальше что делать будем?» Надо было выбирать окончательно и бесповоротно, по какому пути идти. И мы выбрали.

Они хорошо знали народную музыку — Тышко по профессии был домристом, Яшкин — баянистом, Демешко закончил музыкальное училище по классу цимбал, Мисевич прекрасно играл на кларнете, а сам Мулявин — на балалайке.

Они хотели, чтобы их ансамбль стал пропагандистом песенного искусства народа. Главным же принципом «Песняров» стал поиск современного прочтения народной песни.

Говорю Мулявину:

— За эти годы ансамбль здорово изменился, зазвучал по-новому...

— Первое время, если помнишь, у нас не было солистов. Потом пришли Борткевич, Кашепаров... Сперва обходились без рояля, но необходимо было расширить палитру звучания. И пошло... Но мы и теперь все до единого поем, а певцы наши прекрасно играют.

Демешко, страстный футбольный болельщик (после дневного концерта, перед началом вечернего, он не отдыхает, а мчится на стадион), говорит:

— Мы как футбольная команда, в которой все игроки — в нападении...

Попасть в ансамбль сложно. Требования предъявляются строгие — необходимо быть влюбленным в музыку, иметь талант и быть своим в чисто человеческом смысле. Кстати, публика воспринимает появление каждого нового участника настроенно. В Киеве Мулявину показали Юру Денисова. Он пригласил его на прослушивание в Минск. Потом Денисов долгое время проходил испытательный срок, а Мулявину звонили, писали: «Зачем вы взяли Денисова, он лишний в ансамбле...»

Сегодня Денисов — полноправный член «Песняров», у него редкие вокальные данные, он прекрасный скрипач. И звонки прекратились — Мулявин доказал зрителю, что ввел в ансамбль настоящего музыканта.

Мы ехали в машине по ночному шоссе. После аварии (в те дни в Минске все спрашивали: «Что с Мулявиным?») он стал водить машину особенно осторожно и за рулем был непробиваемо молчалив.

ВСЛУШИВАЯСЬ В НАРОДНУЮ МУЗЫКУ...

Остановились на развилке. Он распахнул дверь. В машину ворвался осенний ветер.

— Да, пришел успех. Рецензии в газетах и журналах, аншлаги по всему Союзу — в Москве, Ленинграде; Хабаровске... Обездили все социалистические страны, выступали во Франции, в ФРГ, в Швейцарии. И снова проблемы. Мучительные, требующие немедленного ответа: что делать дальше?

Они не шли на компромиссы, не «прокручивали» бесконечно вещи, которым заранее был обеспечен успех. Мулявин пошел по пути постепенного, но постоянного обновления репертуара. Даже во время гастролей не прекращались репетиции. Мулявин понимал: ансамблю стало тесно в рамках песни — запев, припев. Он создает не просто песни, а песенные композиции — «Балладу о Викторе Хара», «Балладу о четырех заложниках», «Балладу о комсомольском билете». Всем хорошо знакомую «Темную ночь» он тоже развернул в балладу, и лирическая песня превратилась в полный трагизма разговор о войне. В этих новых для ансамбля работах «Песняры» оставались верны себе. Они по-прежнему отдавали предпочтение сильному, «открытому» звуку, чистому и отточенному. Их голоса сливались в стройном созвучии, то бархатном, почти невесомом, то мощном и праздничном. Но Мулявин мечтал уже о другом — как композитор, как руководитель ансамбля, как певец и музыкант. «Песняры» шли к «Доле».

Валерий Яшкин говорит мне между выходами на сцену:

— Любой жанр не может, не имеет права топтаться на месте. Эстрадный жанр тоже, жанр эстрадной песни — тем более. Заметь: зрителю наскучила статика, исполнители, замершие у микрофонов с гитарами в руках, не вызывают былого восхищения. Многие ансамбли зашли в тупик, одни из них, вчера еще популярные, стали распадаться, другие забыли об аншлагах, третьи снисвелировались и стали похожи на десятки других...

Яшкина, одного из самых первых соратников Мулявина, всегда притягивала режиссура. И, как это ни трудно для него было, он ушел из ансамбля на Высшие режиссерские курсы. Два года был оторван от ребят, два года не переставая думал об ансамбле и уже с режиссерской «колокольни» осмысливал сделанное. Именно в Москве, занимаясь в аспирантуре ГИТИСа, он перечитал раннюю лирику песняра земли белорусской Янки Купалы и мысленно выстроил спектакль. В работе над либретто «Доли» ему помогло то, что он великолепно знал каждого исполнителя. Идей поделился с Мулявиным. В августе прошлого года раздался звонок: «Валера, приезжай». И на завтра Яшкин, расставшись с аспирантурой, вернулся к «Песнярам».

Некоторые называют сегодня «Долю» оперой, некоторые — спектаклем. Начинают говорить даже о театре «Песняров». Мулявин не соглашается:

— Это слишком громкие слова. «Доля» — это народная притча в семи картинах. Мы и раньше обращались к слову Купалы, но на этот раз хотелось сделать так, чтобы его поэзия зажила в совершенно ином, быть может, даже в неожиданном эстетическом качестве.

Я помню репетиции «Доли» — с одиннадцати вечера до пяти-шести утра. Площадки не было, и приходилось, не прерывая гастроль, репетировать по ночам. Часто «Песняры» уходили с репетиций измученные, опустошенные, порой разуверившись в оправданности риска. Было нелегко преодолеть «сопротивление материала», с которым ансамблю пришлось иметь дело на этот раз. Не у всех хватало сценической культуры. Но работа продолжалась — как никогда напряженная, изматывающая.

Мулявин рассказывает:

— Мы, и выступая за рубежом, репетируем так же, как дома.

Приезжаем из гастролей по Венгрии. Знакомые спрашивают: как тебе Будапешт, понравился? А я его и не видел: концертный зал — номер отеля — концертный зал...

Итак, «Доля». О фольклорных истоках притчи говорит уже сам перечень действующих лиц: Весна — Л. Борткевич, Лето — Ч. Поплавский, Осень — Ю. Денисов, Зима — В. Мисевич, Голод — В. Яшкин, Холод — В. Николаев.

Главные же действующие лица: Мужик, он же Пастушок, — А. Кашепаров, Жена, она же мать, — дебютировавшая в ансамбле Л. Юсупова. И, наконец, Купала — в исполнении В. Мулявина — автор и комментатор всего происходящего на сцене, чье прямое обращение к зрительному залу помогает наладить духовную связь между Вчера и Сегодня.

Действие открывается своеобразным прологом, в котором Купала приглашает зрителей в прош-

лое, чтобы рассказать, «як тут горасна и цяжка жыю наш бедны люд».

Уже увертюра обещает нам знакомство с музыкой современной, отмеченной достижениями искусства сегодняшнего и в то же время идущей от народных песенных традиций. Композитор Мулявин нигде впрямую не цитирует музыкальный фольклор, но симпатии его музы не оставляют сомнений — народный мелос, услышанный чутким к современным ритмам художником.

Пролог окончен, на сцене появляется Мать, которая поет «Колыбельную» ребенку. Над ним, спящим, слетаются духи: Горе, Голод, Холод — спутники мужицкой жизни. Они саркастически обещают спящему Пастушку все «богатства земные». Характер сцены хорошо передает музыка, в которой трогательная проникновенность «Колыбельной» сменяется гротесковыми интонациями шабаша духов, где перевес явно на стороне Горя, Голода и Холода, отесняющих Счастье.

Вторая картина представляет нам подросткового Пастушка, рассказывающего навестившей его Матери про свое нелегкое житье-бытье в людях. А затем следует сцена крестьянской свадьбы, пожалуй, лучшая в спектакле: и по музыкальным характеристикам и по изобретательности постановки... Но свадьба окончена. К Пастушку, превратившемуся в Мужика, обращается Весна, приглашая его в поле. Но у Мужика даже «зерня к севи няма». Пробует подбодрить Мужика пришедшее Лето. Но нет покоя и веселья на сердце пахаря и его жены, которые жалуются на «жыццё беспрасветнае». Купала не соглашается с ними. «Знайце, лиха ператрэцца, и маланка долей блисне!» — говорит поэт.

Приход Осени снова застает Мужика в отчаянии, а с Зимой, символом тягот и невзгод крестьянской жизни, у него и вовсе не остается сил бороться. Поднимается буря. Мужик умирает.

«Што ж ты спиш, беларускі мужык, глянь, устали усе, як свет божы вялик!» — звучат строки Купалы. Эпилог притчи переносит зрителя в наши дни. Только получив волю, о которой говорил песняр, Мужик нашел свою Долю, свое Счастье.

Я смотрю спектакль (в процессе работы он претерпел значительные изменения) и снова вспоминаю запавшую в память ночную репетицию в филармонии. Мулявин говорил мне в ту ночь:

— Ребята устают, порой выглядят растерянными, мне тоже бывает страшно: вытнем ли?

Сегодня можно сказать — вытнули! И большая заслуга в этом постановщика спектакля В. Яшкина, балетмейстера Л. Дудченко, художника Л. Бартлова, мастеров света В. Осипова и Г. Шнейдермана, чье творческое содружество позволило создать по-настоящему яркое, театральное зрелище. Декорации, световые и цветочные эффекты, сопровождающие все действие, стали полноправными партнерами слова и музыки в спектакле.

Прошу Яшкина:

— Расскажи о ребятах...

— Он трет лоб:

— Думаешь, это просто сделать, когда знаешь их как самого себя или даже лучше?.. Шура Демешко только с виду добродушный увальень и балагур. Его оптимизму можно позавидовать, а иногда он так метко подденет... Владислав Мисевич слегка ироничен, Леня Тышко выглядит замкнутым, неприступным, но на самом деле он, как никто другой, поймет тебя в трудную минуту, у Толи Гилевича и Чеслава Поплавского похожие характеры — их из себя ничем не выведешь. Володя Николаев склонен к гротеску, намешке (не случайно он нередко выступает как мастер пантомимы). О солистах — Лене Борткевиче и Толе Кашепарове — речь особая. Они почти в одно время, правда, по-разному, пришли в ансамбль, и без них я не мыслю сегодня «Песняров». Борткевич — лирический герой. Образная сфера Кашепарова — острая характеристика. Оба преданны музыке, могут работать до изнеможения... Мулявин? Я не встречал таких работоспособных людей, как он. Без этого своего качества он не добился бы столь многого, как композитор, певец, музыкант, как руководитель коллектива, наконец...

Перед Мулявиным большущая стопка писем. Письма разные. «Товарищ Мулявин, никак не могу достать билеты на ваш концерт. От этих билетов зависит моя судьба. Высылаю вам конверт с обратным адресом — положите туда два приглашения, мне и невесте». «Уважаемый Владимир Андреевич, я давно собирался написать вам это письмо... Давайте с вами встретимся...»

Мулявин улыбается:

— Но есть письма и серьезные. Вот одно из них: «Что после «Доли»?»

— И я хотел задать тот же вопрос.

— «Доля» — трамплин к большой, еще более серьезной работе. Да, снова единый сюжет, единый музыкально-драматический замысел...

ЖОНКУРС ЧИТАТЕЛЕЛЬСКИХ ПИСЕМ

ВПЕРЕДИ — НОВЫЕ ПЛАНЫ

Живет в нашем городе Миассе Валентина Проворотова и трудится на заводе «Электроаппарат». Девчонкой она жила в городе Каменске-Уральском Свердловской области. Любимое кино, книги, веселые прогулки. Допозднато просиживала за книгами, но не за обыкновенными школьными учебниками или увлекательными романами, а за книгами по химии. Лабораторные работы по химии были для нее чуть ли не праздником. Ей нравилось производить различные химические реакции, наблюдать, как из двух и более веществ рождается совершенно новое по своим качествам вещество. Все это и определило выбор профессии. Валентина решила поступить в Уральский политехнический институт на химико-технологический факультет. Большой конкурс и трудные экзамены не сломили ее. Успешно выдержав испытания, она была зачислена на первый курс. После окончания Свердловского института в 1972 году Валентина получила направление на работу в Миасс, на завод «Электроаппарат». Ей хотелось быстрее получить самостоятельную работу, испытать себя на практике. Но технологи заводу пока не требовались. И в это же время была острая нужда в пресовщиках. Ей предложили временно поработать на прессе.

Сейчас Валентина Проворотова три года работает технологом в литейно-прессовом цехе. Она активная комсомолка. Была членом бюро ВЛКСМ.

Она предложила установку для пневмогалтовки, внедрила в производство приспособление для автоматической подачи меди на коллектор микродвигателя и многое другое. Внедрение этого предложения позволит экономить до трех тонн меди в год.

В. ИВАНЧЕНКО,
работник миасской автобазы № 14

ПУСК

Если бы было мне по силам, то для своего письма я бы избрал форму трактата о значении слов. Есть слова знаменательные для всего народа, такие, как «победа», «партийный съезд», «совершенное». Каким глубоким содержанием можно наполнить каждое из них! Как значительны слова, сколько граней жизни определяют они в нашей работе, деятельности, мечтах!

Для меня, инженера, самым незабываемым и значительным всегда было слово «пуск».

Это краткое техническое слово, неприглядное, сухое, как треск, всегда волновало меня, вызывало самые светлые воспоминания, и мне хотелось бы написать трактат о нем. Я помню до сих пор свой первый пуск. Это было во время моей службы на Северном флоте. На одном из островов всегда стоял дежурный катерок, на котором мне как специалисту-электрику по установкам гарнизонного водоснабжения приходилось совершать рейсы.

На этот раз я особенно торопился.

Должен был состояться пуск электростанции. Вдруг обнаружат какую-нибудь неполадку и устранят без меня.

Я был молод, тщеславен, самолюбив. Я, только я должен был решить судьбу пуска в срок. Теперь это кажется самонадеянным, смальным, а тогда...

Представьте, мне удалось-таки обнаружить неполадку. Я был счастлив и горд. Ведь теперь я мог рассказать любимой девушке о своем первом, таком значительном пуске.

Много пусков в моей жизни, и я хочу рассказать теперь об одном, может быть, о самом главном для меня.

Не в первый раз мне приходилось почув-

ствовать, что значит ответственность, как она пригибает плечи, но не гнетет и не старит, а бодрит, как весенний полевой воздух.

Такая ответственность, если есть у вас мужество и выдержка, может только красить человека.

Когда я излагал парторгу Роману Ивановичу Гришину свои мысли о причинах срыва прежних пусков заводской ТЭЦ, то понимал, на какой шаг я решился.

— Что творится на планерках главного подрядчика? — говорил я Роману Ивановичу. — Кажется, не коллеги сидят там, а дипломаты, только и ищут причину свалить свою вину на другого.

В стадии пуска нужно быть кому-то диктатором... ну, разумеется, в лучшем смысле, пойми меня правильно. — Роман Иванович крутил ус, улыбался.

— Кто же должен быть этим диктатором?

— Если думать так, что все деревья тебе не по плечу, — не свалишь и куста... Мне кажется, я смогу сделать это дело.

— Но нет такой должности — начальник пуска.

— Надо учредить.

— Ну, что ж, благословить тебя, что ли?

— Благослови, отец.

Свою деятельность в качестве начальника пуска я решил начать с небольшой передышки.

В самом деле, кругом такая красота — сеймовские луга, дубовые рощи, омуты, раздольные пахучие поля; сосновые перелески, а мы, деловые люди, ничего этого не видим, не замечаем, не реагируем на зовы самой матушки природы, и не стыдно ли нам? В ближайшее воскресенье собрались пускachi и отправились на лодках на сеймовские острова, вокруг которых росла осока, цвели лилии, плескалась чистой водой бирюзовая волна.

Главный турбинист наладки Майснер Тадеуш, шеф электриков Рюмшин Григорий Петрович, начальник пуска, работники завода, монтажники высаживали «десант», только встречал их не губительный огонь противника, а мягкий, влажный, свежий ветерок.

Но я чувствовал, что эта прогулка не в силах отвлечь людей от забот завтрашнего дня, от разговоров о пуске, о стройке.

Неужели нельзя разорвать этот заколдованный круг? И тут пришла в голову спасительная мысль... Я вспомнил, что ниже по течению видел когда-то море цветущей сирени.

Проплыли мимо пышных ракитовых роц, увидели бесконечные волны сирени. Они казались нереальными: покуда охватывал глаз, все плескалось в сиреневой цветочной пене, доносился легкий запах цветов.

Вскоре всё утонуло в этом аромате, смешанном с запахами летнего дождя, примятой пыли, луговых трав. Сиреневые кусты образовывали рощи, они как бы взяли деревню в свое окружение и затопили все крыши своими цветами.

Друзья молчали.

— Вот действительно чудо, — сказал Тадеуш, — ничего подобного я никогда не видел.

Подождали поближе. Сирень в вечернем освещении казалась фантазией замечательного художника.

Кто-то хотел сломать веточку, но Рюмшин предупредил:

— Здесь не ломают сирень — не принято.

Друзья молчали, говорить не хотелось, оставили заботы о строительстве, об организации, о технических спорах, теперь все это заменила сирень.

И вот наступил первый праздник строителей Львовского сахарозавода — пуск ТЭЦ. Казалось, все шло по графику, но в день пуска опять прорвало прокладку главного паропровода и вышел из строя электродвигатель дымососа.

Но час пуска наступил.

Стрелки манометров паровых котлов остановились у красной черты.

И вот первый оборот... Медленно повернулся вал, потом все быстрее и быстрее. Пускали не торопясь, давая возможность всем частям турбины хорошо прогреться. И вот, наконец, вздрогнули стрелки на приборах генератора.

Наступило самое напряженное и торжественное — отключается электропитание от маломощной ЛЭП, и ТЭЦ переходит на свою энергию. Глаза у всех блестят. Хочется кричать «ура». Кто-то обнимает рядом стоящего, кто-то ползет в карман за платочком. Я,

Рюмшин, Роман Иванович, Тадеуш, инженеры, рабочие стояли перед агрегатом, как дети перед новогодней елкой, удивляясь тому, что именно ты сделал все это. А рядом на століке турбиниста кто-то поставил огромный букет сирени.

— Разрешили наломать для такого случая, — сказал Рюмшин.

Турбина, набрав обороты, гудела ровно и, казалось, радовалась торжеству людей.

Н. РОЗНАТОВСКИЙ, электрик Курского завода передвижных агрегатов

БЛАГОДАРЕН СВОИМ ДРУЗЬЯМ

В 1973 году я пришел на машиностроительный завод имени Рябикова В. М. и стал работать водителем мотороллера в цехе № 42. Встретили меня там, как доброго знакомого: все объяснили, показали, — а контролер Надежда Федина особенно подробно рассказала мне насчет бракованных деталей.

Проработал я там год, и решили мы с другом завербоваться на стройку в Читу. Но, увы, душа моя там долго не выдержала: я очень скучал по заводу. Вскоре я приехал домой, в Тулу, и очень обрадовался, что меня опять приняли на завод, в свой цех, где я и сейчас работаю.

Не подумайте, что я претендую на премию журнала, просто мне хочется сказать спасибо людям, которые помогли мне разобраться в работе, понять самого себя, встать на ноги. Ведь в девятнадцать лет сделать это самому, в одиночку трудно. Сейчас я работаю и учусь в вечерней школе, которую, кстати сказать, хотел бросить из-за нехватки времени, но благодаря комсомру Оле Трутневой не бросил и сейчас заканчиваю 10-й класс. Даже успеваю заниматься велоспортом!

Александр ГОРДЕЕВ,
Тула

ЗАПИСКИ О ДРУГЕ

Трудно писать о друге детства, с которым ты мальчишкой вместе бегал по пыльным улицам, с которым у тебя были и ночные рыбалки, и игры в «войну», и ссоры, и даже драки. С которым ты не виделся восемь лет и вот встретился: а он уже бригадир первой в нашем районе комсомольско-молодежной бригады. Куда проще описать человека или его дело в каком-либо остановившемся мгновении. Но мой друг детства Колька Быстрягин, а теперь уже Николай Васильевич Быстрягин, никогда не останавливает мгновение. Он весь будто в стремительном полете. Николай Васильевич... а ведь ему всего 26 лет. Но иначе его называть бывает как-то неудобно.

И вот почему. До прошлого года его биография была самой обыкновенной. Родился он на Дальнем Востоке, в Комсомольске-на-Амуре, очень гордится этим. Еще до войны его отец по комсомольской путевке приехал строить город. Отсюда ушел воевать. После войны опять вернулся в Комсомольск, был в трудные послевоенные годы на самых горячих стройках, сначала бригадиром, потом прорабом. Здесь же познакомился со своей будущей женой Зиной.

Вскоре семья Быстрягиных переехала на родину отца, в кубанскую станцию Старовельскую, и здесь начинался характер Николая.

Работал Николай в комплексной бригаде 4-го участка ПМК-125. В процессе работы выучился на каменщика. Дисциплина в бригаде нельзя сказать, что была плохой, но и хорошего мало. Люди выходили на работу не спеша, начинали ее с перекрута, подолгу расквашивались. Нет бетона, кирпича или досок, спокойно сядут где-нибудь и будут ждать хоть до вечера. Посылает, например, мастер бригаду на один участок, а в середине дня перебрашивает на другой, а люди и не спорят, не возмущаются такой бесхозяйственностью. А ведь порой подобные «переходы» забирают 2—3 часа рабочего времени. Да и вылипки случались довольно часто.

Николай понимал, что создать молодежную бригаду в ПМК будет трудно. Его ПМК не блещет ни показателями, ни воспитательной

работой. Да притом у них на участке всего три человека.

— А ты из других участков возьми, — посоветовала жена Таня.

...На следующее утро Николай пришел в комитет комсомола ПМК. И с ходу сказал секретарю:

— Дай список всех комсомольцев. Будем молодежную бригаду организовывать.

— Молодчина, — обрадовался секретарь. — Действуй, а мы поддержим!

Подобрал 17 человек. Утром встретились у вагончика. Поздоровавшись, Николай сказал:

— Значит, будем работать вместе. Кто хочет быть плотником?

Удивились хлопцы, они настроились слушать длинную речь, а тут... Но две или три руки все-таки поднялись над головами.

— Кто каменщиком? Бетонщиком?..

Раздался голоса:

— Кто-то ты быстро начал, бригадир! Мы не потянем!

Николай словно ожидал этих слов.

— Потянем! — крикнул он. — А у кого опыта и знаний маловато, тот пусть возьмет это. — И он вытащил из вагончика пачку книг. — Можете читать во время работы!

Глянули ребята, а это и справочник бетонщика, и пособие по каменным работам, и другие книги по строительству. Удивились: чтобы книги читать во время работы?! Потекли рабочие будни. Через год комсомольско-молодежная бригада, руководимая Николаем Быстрягиным, заняла в социалистическом соревновании второе место среди бригад ПМК-125. В бригаде уже не 17, а 50 человек. К успеху бригада шла оригинальными методами, а Николай Васильевич Быстрягин стал знаменитым человеком в районе.

Однажды я сказал Николаю:

— Слушай, Коля, ты так быстро и легко завоевал уважение, что я просто завидую тебе!

Он усмехнулся:

— Нет, совсем не легко. Надо уметь мыслить. Вообще в любом деле нужно работать головой, а с людьми особенно. Надо руководствоваться не только инструкциями и формулярами, а своими мозгами. Работает у нас сейчас Юра Калитин. Это теперь он один из лучших каменщиков в бригаде. А был каким? Любил отлынивать от работы, всегда старался попасть туда, где полегче и почище, и был вдобавок, как бы точнее сказать... профессор болтовни. Скажешь ему, бывало: «Юра, ты почему так наплевательски относишься к работе?» — а у него уже и ответ заготовлен: «А зачем я буду стараться? Ведь этот дом, что мы строим, лет через сорок ломать будут». Ну, что ему на это скажешь? Хотел даже отчислить его из бригады, да как-то поехали мы все в Новороссийск, сходили на встречу ветеранов войны, покупались в море, позагорали. Потом решили сходить в музей. И Юра был с нами. Поверишь ли, с тех пор стал отлично работать!

— От посещения музея? — недоверчиво спросил я.

— Вот именно. На следующий день он словно преобразился. Я тоже сначала удивлялся, а потом понял, что его поразили продукты труда наших предков. Он как бы понял величие и вечность человеческого труда. Все, что ты делаешь, будет вечным.

— Но послушай, Коля, а ведь на самом деле этот дом через полвека сломают!

— Ну и что. Но в нем будут жить люди, которые построят другой дом. Происходит эстафета вечности.

Совсем недавно узнал, что с Николаем случилось большое несчастье. Крыли они в цехе крышу рубероидом, краном подняли бак со смолой, смола вспыхнула, крановщик растерялся и неудачно поставил бак, который

Редакция журнала «Смена» получила большое количество читательских откликов на «Конкурс интересного письма». Часть из них мы опубликовали в №№ 21—24.

Редакция решила присудить премию — годовую подписку на наш журнал — следующим читателям: З. АБДУЛЛИНОЙ из Башкирской АССР, З. АЛЕКСЕЕВОЙ из Куртамышы, В. ВАСИЛЬЕВУ из Чебоксар, А. ВОРОТНИКОВУ из Тюменской области, А. ГОРДЕЕВУ из Тулы, И. ДЕДКОВУ из Брянской области, Л. ДУБОВСКОМУ из Минской области, В. ИВАНЧЕНКО из Миасса, Д. ИГЕМБЕРДИЕВУ из Фрунзе, К. КОЖЕВНИКОВОЙ из Ждановки, В. НОВИКОВУ из Краснодар, А. ГЛЮЩУ из Ворошиловградской области, Н. РОЗНАТОВСКОМУ из Курска, Н. СТУДНИКОВОЙ из Архангельской области, В. СЕРОВУ из Горького, А. ТЕРЯЕВУ из Армянской ССР, Н. СОИНУ из Ленска, В. ЧУРЮМОВУ из Молдавской ССР, С. ШАНГИНУ из Томской области.

Редакция благодарит всех читателей за активное участие в конкурсе. Конкурс на самое интересное письмо продолжается в 1977 году.

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ!

тут же перевернулся. Огонь распространился по всей крыше. Николай вместе со всеми принимал участие в тушении пожара и случайно ступил на обгоревшие леса. Они рухнули...

Николая в тот же день отвезли в Краснодар в больницу. Завтра я поеду навестить его.

В. НОВИКОВ, Краснодар

МАЛЬЧИШЕЧЬИМИ ГЛАЗАМИ

С детства я люблю наши тихие деревеньки. Что-то особое, притягательное есть в их облике. Они прячутся среди березовых перелесков за лиловой дымкой прятных лугов, за шоколадным отливом вспаханных полей. Деревенщины-работяги, деревенщины-певуны, хранительницы легенд, сказок и былей, прародители героев, музыкантов, поэтов. Еле заметные выходящие тропки и неторопливые песчаные дороги приведут вас в эти заветные места, где, как и прежде, колосится золотая рожь за околицей. Добрым материнским взором встретят вас на отшибе старые груши, с ветвей которых вы сбивали когда-то лакомые сочные плоды. И приземистые избы глянут на вас светлыми и мудрыми окнами.

Осенок — колыбель лесная моя. Сколько таких деревушек в моем краю! Здесь для меня начался мир, сначала переполненный ярким солнцем, а затем объятый черной тучей войны. Здесь я познавал истинную любовь, дружбу и веру в людей. Не стало моего отца, и его заменил в эту трудную годину дядя Николай, по-отечески согрел меня. Я всегда буду благодарен ему за хлеб, заботу и ласку.

Незабвенные друзья моего детства... Одних забрала война, другие, чудом уцелевшие, разлетелись, как птицы, по белу свету. Забудут ли они свой Осенок, где звонкие корабельные сосны провожали их по утрам в школу, в соседнюю деревню Каменичи? И эти вековые дубравы в изумрудных шапках, в которых жили удивительные птицы удоды с пестрым оперением и острыми хохолками на макушке. И сумрачные еловые чащи, где обитали серые разбойники-волки. И душистые полянки, усыпанные алой, словно рубины, земляничкой, и березовые опушки с целыми семьями грибов. Все здесь было открытием. И было страшное: война. Зарева пожарами, орудийная канонада, вражеских самолетов над нашими деревеньками...

На защиту Родины встали наши отцы. Я видел этих мужественных, красивых людей в полушубках, опоясанных патронными лентами, с автоматами на груди, с красными ленточками на шапках. Народные мстители. Все те, кто мог держать оружие в руках, вступали в их ряды. Долгие суровые годы сражений, испытаний и бед... Я встретил наших солдат-освободителей под Осиповичами, у деревеньки Комарин. Запыленные, усталые лица, выливающие от солонного пота и жаркого солнца гимнастерки. Толпы порогорелцев, беженцев встречали их со слезами радости.

В глухом ельнике прорастали хрупкие голубые подснежники. И первые их букетики мы возложили на безымянные холмики у дороги на Бобруйск — могилы павших за наше освобождение советских солдат. По обе стороны шоссе, на обочине, на откосах, застыли искореженные, измятые, обгоревшие вражеские орудия, машины, танки. Мы, мальчишки, смотрели на эту картину совсем повзрослому. Так будет с любым врагом, посмевшим ступить на нашу землю. В деревеньках, за борами мы росли на героических примерах наших отцов.

Л. ДУБОВСКИЙ,
г. Марьина Горка,
Минская обл.

Далекое-близкое

А. Н. КРЕНИЦЫН.
ФОТО НАЧАЛА 60-Х ГОДОВ XIX В.
Публикуется впервые.

Э то был совершенно необычный для царского кабинета случай. Пушкин представил императору первую часть своей «Истории Пугачева», завернутую в исписанный лист бумаги! Собственно, не исписанный, а с несколькими короткими пометками. Поэт не придал им значения, зато гневу Николая I не было границ. «Что такое?» — размашисто и зло написал он рядом. На листе бумаги были написаны имена приезжавших навещать поэта братьев Александра и Петра Креницыных.

«История Пугачева», переименованная по личному указанию Николая I в «Историю Пугачевского бунта», была написана Пушкиным в 1833 году. А

Нина МОЛЕВА,
кандидат искусствоведческих наук

ЗАБЫТОЕ ИМЯ ПОЭТА

через четыре года, десятого февраля, Пушкина не стало. И одним из первых в квартиру на Мойке приходит проститься с убитым поэтом Александр Креницын. Спустя несколько дней он провожает в последний путь тело поэта, которое по распоряжению царя тайком, глубокой ночью, без последних почестей и провожатых спешно вывозят из Петербурга на Псковщину, для погребения в Святогорском монастыре.

Из огромного количества литературных откликов на гибель Пушкина одни были опубликованы, другие остались в рукописях и забылись. Судьбу последних разделили стихи, в свое время волновавшие читателей едва ли не так же сильно, как великолепные лермонтовские строки. Однако цензура сочла эти стихи чрезвычайно опасными — именно поэтому они оставались ненапечатанными. Даже спустя почти 30 лет, в 1865 году, журнал «Отечественные записки» не смог добиться разрешения опубликовать их полностью: слишком прямым, точным и беспощадным представлялось заключенное в них обвинение. Автором этих стихов на смерть Пушкина был Александр Креницын.

За строками его стихов стояло многое: надежды декабристов, их несбывшиеся мечты о будущем России. Креницын хорошо понимал смысл происшедшего: не светская ссора и пустая дуэль, а политическое убийство того, кто был давней и опасной помехой николаевскому режиму. Друга декабристов, Александра Креницына внешняя сторона событий не могла обмануть. И едва ли не впервые в поэтических строках, посвященных пушкинской гибели, поэт открыто и прямо говорит о том, к чему стремились передовые общественные и культурные деятели России, которых представлял и с которыми был связан Пушкин.

Креницын сравнивает Пушкина с Мицкевичем, а в 30-х годах прошлого века это значило признать, что творчество художника пронизано самым высоким революционным накалом, духом вдохновенной и самоотверженной борьбы с гнетом русского царизма. Но строки стихотворения Креницына говорили еще и о другом. Креницын достаточно хорошо и подробно знал обстоятельства жизни Пушкина. И под «временщиком» и под «владыкой» он подразумевал конкретных людей, за столкновениями с ними стояли конкретные события, пережитые поэтом.

Слова, которыми Креницын клеймит Дантеса, всюду повторяются современниками, становятся крылатыми, хотя редко кто задумывается над именем автора. Творческая судьба Креницына вообще складывается на редкость неудачно для поэта.

Подобно Пушкину, Креницын поступает учиться в Царскосельский лицей, но в 1812 году, движимый патристическими чувствами, переходит в Пажеский корпус — учебное заведение, готовившее офицеров. Здесь он начинает писать стихи. Они пользуются успехом, расходятся по рукам. Увлечение поэзией сближает Креницына с будущим поэтом Евгением Баратынским; эта дружба проходит через всю жизнь Александра. В архиве В. А. Жуковского сохранилось переписанное рукой декабриста В. К. Кюхельбекера «Послание к Креницыну» Баратынского, популярное среди поэтов пушкинского круга.

Баратынский за свое свободомыслие и проникнутое им стихи пополнился исключением из Пажеского корпуса. Рядовым солдатом он едет в глушь Финляндии. Креницына ждала та же судьба. Его широко разошедшиеся стихи «Панский бульвар», остроумно и зло высмеивающие высокопоставленных лиц, принесли молодому стихотворцу множество неприятностей. Начальство воспользовалось первым же предлогом, чтобы свести счеты со слишком вольнодумным и независимым юношей. Креницын был исключен из корпуса, разжалован в солдаты и отправлен в отдаленный армейский полк.

Но то, что должно было сломить молодого поэта, на деле оказалось для него немалой удачей. Ротный командир, не чуждый литературных увлечений, декабристы братья Муравьевы, встреченные здесь Креницыным, помогают ему добиться новых успехов в поэзии. Своеобразное дарование молодого поэта привлекает внимание А. А. Бестужева. Но до публикации произведений Креницына чаще всего дело так и не доходит: каждый раз на пути оказывается цензура. Репутация крамольного литератора все более прочно укрепляется за Креницыным, а почти каждое новое стихотворение ее подтверждает.

Глубоко переживший поражение декабристов, отозвавшийся на него новыми стихами, совершенно недопустимыми, с точки зрения цензуры, Креницын при первой же возможности вырывается из армии и в 1828 году поселяется в крохотном сельце

Мишневе, неподалеку от Великих Лук. С этого времени Креницын больше не делает попыток печатать свои произведения. Поэт читает их только друзьям. Среди них Пушкин, Гоголь, Вяземский. Бестужев (письма Бестужева после гибели писателя публикует Креницын).

«Мишневский затворник», как не без горечи называл себя поэт, очень редко выезжает в столицу. Именно к этому времени и относятся его встречи с Пушкиным.

Годы уединения внутренние не меняют Креницына. Он остается верным своим принципам и идеям. Он провожает в последний путь обожаемого им Пушкина. Тремя годами позже едет в Париж, чтобы присутствовать при встрече переправляемого туда праха Наполеона. И это снова своеобразный жест политического протеста. Потому что в представлении Креницына, как и многих людей его поколения, Наполеон в условиях возрождения французской монархии Бурбонов как бы превращался в консула республики и, во всяком случае, врага русского царизма.

По возвращении из Парижа Креницын прожил еще четверть века, не расставаясь с любимым Мишневом. Здесь он и скончался в 1865 году, оставшись безвестным как поэт: железная рука цензуры сделала свое дело, — но неизменно дорогим для всех, кто был связан с литераторами пушкинского круга и декабристами.

Будучи глубоко образованным человеком своего времени, Александр Креницын составил богатейшую библиотеку, интереснейшее собрание портретов — предмет восторга современников. Однако все это исчезло, к великому сожалению. Впрочем, не исчезло, правильное, еще не разыскано исследователями.

Недавно автору публикации удалось обнаружить в одном из частных собраний два портрета. На обороте одного из них, принадлежащего кисти талантливого живописца XVIII века Кирилы Головачевского, стояло: «Креницын Савва Иванович, похороненный в селе Мишино Московской губернии», на другом — «Портрет друга моего Андрея Васильевича Васильева писал живописец Мина Колокольников. Сей знак памяти сохраняет у себя Савва Креницын. 1760 год». Савва Креницын — дед поэта, в доме которого на Псковщине постоянно бывали и родители Пушкина, и сам Пушкин. В одном из писем отца Пушкина есть строки: «Стены гостеприимного Тригорского огласились песней Земфиры из «Цыган» Сашки: «Старый муж, грозный муж...»!! Песню поют и у Осиповой и у Креницыных, а музыку сочинил сам Вениамин Петрович (Ганнибал)».

Портреты еще раз напомнили о «мишневском затворнике», чье творчество, без сомнения, достойно внимания и историков литературы, и любителей поэзии.

На смерть поэта

*Нет! Не до песен мне, сестра,
Когда поэт, кумир народный,
Еще под лаврами вчерашней,
Увы, сегодня труп холодный!*

*Могу ль я слезы удержать,
Певца Полтавы вспоминая?..
И как не плакать, не рыдать,
Когда рыдает Русь святая?*

*О! сколько сладостных надежд,
И дум заветных, и видений,
На радость сильных и невежд,
Ты в гроб унес, могучий гений!*

*Во мраке ссылки был он тверд,
На лоне счастья — благороден,
С временщиком и смел и горд,
С владыкой честен и свободен...*

*Рабы! Его святую тень
Не возмущайте укоризной:
Он вам готовил светлый день,
Он жил свободой и Отчиной...*

*Высоких мыслей властелин,
Мицкевичу в полете равен,
И как поэт и гражданин
Он был равно велик и славен...*

*Так, Пушкин! Именем твоим
Гордиться вечно русский будет!
Кого ж теперь мы слепо чтим,
Потомство скоро позабудет.*

*И кто ж убийца твой? Пришлец,
Барона пажик развращенный,
Порока жалкий первенец,
Француз продажный и презренный!*

*Да будет проклят он, француз,
Да будет проклят миг кровавый,
Который нас лишил и муз,
И лучшей радости, и славы!*

*И нет его! В могиле он!
Уж нет народного кумира,
Поэта непробуден сон,
Замолкла пламенная лира.*

10 февраля 1837

К врагам

*Враги ничтожные моей правдивой музы!
Мой гений оковать не в силах ваши узы;
Бичом я буду злых, доколе злые есть;
Правдивым быть велит, коль не рассудок,—
честь!*

*Пусть гнусные льстецы вам похвалы сплетают;
Пусть в смиренности святым уподобляют,
Пусть гимны вам поют! Но я, я не таков!
Косой взгляд мудрого страшнее мне врагов;
При виде подлнца не сохраняю молчанье,
Лесть — в краску приведу, распутство —
в содроганье!*

*Долг благородных душ — порок изобличать.
Личину честности с бесчестного срывать;
Виновен ли я в том, что злым кажусь невежде?
Что добродетель чту, не кланяясь одежде;
Я прославлять с пелен одно добро привык;
Что сердце чувствует, не скроет то язык!
Гоните же меня! Гоните клеветами,
Глушцы! Я тем горжусь, что ненавижу вами!*

1817

К Лиле

*Лила! Лила! Что сравнится,
Несравненная! С тобой?
Чье перо, чья кисть решится
Начертать мне образ твой?*

*Я узрел тебя — смутился,
Пламень страсти ощутил;
Я узнал тебя — пленился;
С той минуты полюбил!*

*Все в тебе очарованье:
Звук пленительных речей,
Юной груди трепетанье,
Сладость томная очей!*

*На одре ли я недуга,
Веселюсь ли, в думе ль я,
Ты со мной, Харит подруга,
Я с тобой, краса моя!*

*Мне тоска твоя — страданье!
Верх наград — умильный взор!
Пищей мне — твоё дыханье!
Наслажденьем — разговор!*

*Жизнь тобою я вкушаю,
Забываю мир с тобой;
Но, увы! когда узнаю
Сокровенный жребий свой?*

*Милый друг! Любовь священна!
Сердце мне открой свое;
Ты ж мой бог, моя Вселенная,
Ты мне жизнь и бытие.*

1819

Тоска

*Всегда тоске моей послушный,
Я разлюбил людей и свет;
И ко всему уж равнодушный,
Я как невольник малодушный,
Не знаю радостей, ни бед;*

*Краса полуночной природы,
И яркое сиянье дня,
И резвых Граций хоромы,
И голос сладостный свободы
Не восхищают уж меня!*

*Я чувство отравил тоскою,
Мне в душу вкралась пустота;
Глаза закрылись страшной мглой,
Лишь вся видна передо мною
Презренной жизни нагота!*

1826

ЖЕЛТЫЙ ДРАКОН ДЗЯО

РОМАН

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Интрига

1

Одjarый седовласый китаец с холеным лицом и жестким взглядом выбрался из глубокого кресла, обитого черным плюшем, и молча прошелся по темно-зеленому ворсистому ковру. Двое собеседников подобострастно следили за каждым его движением.

Мебель из сандалового дерева — два кресла с тисненными лилиями на спинках, такого же цвета диван, журнальный столик, небольшой шкафчик и торшер, — все убранство комнаты свидетельствовало о тонком и оригинальном вкусе хозяина.

Продолговатый резной столик на изогнутых ножках был инкрустирован перламутром. Такой же рисунок и искусная резьба украшали подставку торшера с зеленым, под цвет ковра, абажуром и застекленный шкаф. На стенах висели две картины, позолоченная, украшенная драгоценными камнями иранская сабля, маска какого-то полубога-получеловека. Одна из картин, выполненная тушью, изображала сцену ожидания приема в императорском дворце. На другой лаком были нарисованы два свернувшихся дракона.

Дневной свет едва пробивался сквозь плотную зеленую ткань на окнах, и это делало комнату похожей на склеп.

Хозяин роскошного особняка, в котором находилась эта комната, расхаживающий сейчас в лиловом халате по ковру, был крупным бизнесменом, почтенным отцом небольшого семейства, человеком, уважаемым в обществе.

Однако немногим было известно, что этот шестидесятилетний старик является главой «Анг Сун Тонг» — наиболее могущественной сингапурской «триады». Как и остальные вожди тайного общества, он имел свой титул и именовался Желтым Драконом.

Один из его собеседников занимал третий по значимости пост в организации. Его звание звучало громоздко и выспренне: Белый Бумажный Веер. В уставе «Анг Сун Тонг» под названием «Каноны» говорилось, что Белый Бумажный Веер призван «блести единство великого братства и заботиться о том, чтобы прочную твердь, на которой покоится священный союз Неба, Земли и Человека, не подтачивали черви nepочтительности и непокорности».

Проще говоря, Белый Бумажный Веер был идеологом «Анг Сун Тонг». Его роль, как порой говорил Желтый Дракон в узком кругу вождей, сводилась к тому, чтобы научить рядовых членов «триады» — «монахов» — больше молчать и меньше думать.

«Когда человек думает, — часто любил повторять Желтый Дракон, — это превращается у него в дурную привычку, от которой его потом трудно отучить. А молчать легко. Тем более, когда сознаешь, что молчание — это не столько золото, сколько жизнь».

Теми, кто не усваивал несложные положения «Канонов», занимался другой сидевший в комнате человек. Он имел сан Красного Жезла. Полсотни убийц, которых он держал в подчинении, по приказу своего босса немедленно и безжалостно расправлялись со всеми, кто проявлял малейшее недовольство, кто не умел держать язык за зубами или стремился занять место старшего по рангу.

Сам Красный Жезл, впрочем, давно метил на пост Белого Бумажного Веера. Этот пост давал больше полномочий и соответственно больше прибыли. Белый Бумажный Веер имел более обширные и выгодные районы для рэкеты. Красный Жезл ненавидел «старшего брата» и ждал случая, чтобы убрать его с дороги.

С Белым Бумажным Веером, Красным Жезлом и другими главарями «триады» Желтый Дракон виделся редко. Обычно они встречались лишь во время ритуалов, проводившихся раз в два месяца. Другие

встречи были исключением. Связь поддерживалась через человека, стоявшего на низшей ступени иерархической лестницы вождей, — Соломенную Сандалию.

Но сегодня и Белый Бумажный Веер и Красный Жезл уже во второй раз за последние три недели находились в «зеленой гостиной» Желтого Дракона.

— Право, экселенц, — оправдывающимся тоном проговорил Красный Жезл, — я ума не приложу, как мы могли просмотреть начало работ на Блаканг-Мати.

— Это беспредметный разговор, — поморщившись, произнес Желтый Дракон. — К тому же вашей вины здесь нет, Красный Жезл.

Он возвратился в кресло и стал пристально рассматривать свой золотой перстень с таким же, как и на лаковой картине, узором в виде свернувшихся драконов.

Речь Желтого Дракона была лаконичной. Он говорил всегда тихо, медленно, словно произносить слова ему стоило больших усилий. Он имел обыкновение разговаривать с собеседниками таким тоном, что те вдруг начинали чувствовать себя в чем-то виноватыми.

Красный Жезл прекрасно знал, что он ни при чем. О том, что на острове появились рабочие, Желтому Дракону должен был сообщить Тонкий Бамбук. Вместе со своими многочисленными осведомителями Тонкий Бамбук был глазами и ушами организации. Видя, что глава «триады» раздражен и раздражен сильно, Красный Жезл решил попытаться аккуратно переложить часть недовольства Желтого Дракона на своего «младшего брата». Но по тому, как Желтый Дракон его оборвал и сделал ударение на слове «здесь», Красный Жезл понял, что предстоит не слишком приятный разговор.

— Если экселенц позволит... — неуверенно начал он.

— Я слушаю.

— «Джи Хо» больше не будет мешать нам ни здесь, ни в Таиланде. Операция закончена. Со вчерашнего дня «Джи Хо» больше не существует. Их люди будут работать теперь на нас и...

— Сейчас меня это не интересует, — сухо произнес Желтый Дракон.

Его тонкие бледные пальцы скользнули в стоящую на столике коробку из черного дерева с изысканным золотым орнаментом и извлекли оттуда сигарету. Красный Жезл торопливо достал из кармана зажигалку, чуть помедлил, давая улечься запаху газа, и услужливо поднес ее Желтому Дракону. Затем он вопросительно уставился на главу «Анг Сун Тонг».

— Экселенц желает узнать подробности акции на Блаканг-Мати, — вмешался Белый Бумажный Веер.

Красный Жезл не помнил случая, чтобы Желтый Дракон когда-нибудь интересовался деталями операций. О результатах ему сообщалось через Соломенную Сандалию, и этого всегда оказывалось достаточно. Так было и на этот раз. И вот спустя неделю Желтый Дракон почему-то решил вернуться к событиям той ночи. Это было явным проявлением недоверия к Красному Жезлу. И, судя по всему, без вмешательства Белого Бумажного Веера тут не обошлось. Красный Жезл одарил «старшего брата» не слишком дружественным взглядом.

— Я полагал, экселенц, что Соломенная Сандалия...

Он осекся, наткнувшись на немигающий взгляд бесцветных глаз Желтого Дракона, молча поклонился и начал рассказывать обстоятельно, не упуская ни малейшей подробности.

— Вы уверены, что полиция ничего не заметила? — спросил Желтый Дракон, когда Красный Жезл закончил.

— Снотворное сработало безотказно, экселенц.

— А этот ваш... сержант?

— Ко Ин, экселенц?

— Да.

— Он надежный человек.

— Не сомневаюсь, — усмехнулся Желтый Дракон.

— Вы имеете в виду, что у «Си-Ай-Ю» могут возникнуть какие-то подозрения?

— Я ничего не имею в виду. Вы знаете мой принцип: лучше отрубить палец, чтобы сохранить руку.

— Он вне подозрений, экселенц. Я вас уверяю. Ко Ин — один из моих лучших людей.

— И все же лишняя проверка не помешает.

— Слушаюсь, экселенц.

Желтый Дракон медленно поднял левую руку и потер пальцами висок. Белый Бумажный Веер и Красный Жезл молча ловили каждое его движение.

— Труп Лима не выведет «Си-Ай-Ю» на «Тумасик»? — снова обратился глава «Анг Сун Тонг» к Красному Жезлу.

— Исключено, экселенц. В Бангкоке у него не было «хвоста».

— Билет?

— Я все вытряхнул у него еще на судне, экселенц.

— Вы видели билет?

Красный Жезл вдруг отчетливо вспомнил, что в бумажнике Лима билета не оказалось. Но тогда это не имело никакого значения. Участь Лима была решена. В ожидании выкупа, который он обещал за свою жизнь и который все равно не спас его, Лима отвезли на Блаканг-Мати. А остров на протяжении последних двадцати лет надежно хранил свои тайны.

«Черт побрал бы этот гольф-клуб, этих рабочих и этот остров! — выругался про себя Красный Жезл. — Наверное, билет где-нибудь затерялся...»

— Я уничтожил его, экселенц, — ответил он, стараясь придать своему голосу как можно больше уверенности.

— Так вы даете полную гарантию, что все было чисто, младший брат? — с ехидной вежливостью осведомился Белый Бумажный Веер.

— У старшего брата появились какие-то сомнения в отношении меня или моих людей? — с такой же подчеркнутой любезностью отозвался Красный Жезл, предчувствуя, однако, недоброе.

Губы Белого Бумажного Веера искривились в едва уловимой усмешке.

— Ну что вы, младший брат. Я даже убеждал экселенца в том, что эпизод с Сунгаем нужно считать чистой случайностью.

Так вот почему раздражен Желтый Дракон! В первую минуту Красный Жезл почувствовал, как он наполняется бессильной яростью. Белый Бумажный Веер умел наносить удары из-за угла. Но ярость тотчас же сменилась почти животным страхом. Неприятный, колющий холодок сбегал по спине. Он метнул короткий взгляд в сторону Желтого Дракона. Тот сидел не шелохнувшись — точь-в-точь нефритовая статуэтка из знаменитой коллекции братьев О*. И эта неподвижность не просто пугала. Она внушала ужас. Так замирает кобра, увидев перед собой жертву.

Сунгай, механик с «Тумасика», улизнул с судна еще до шторма, вероятно, сразу же после того, как Красный Жезл со своими людьми подчалил на моторных сампанах к судну и поднялся на борт. Исчезновение индонезийца было замечено слишком поздно. Правда, Красный Жезл не придавал этому значения, потому что считал: механику не преодолеть сто миль, да к тому же еще и в шторм. Он не стал ничего говорить Желтому Дракону, чтобы лишний раз не раздражать его.

«Неужели проклятому индонезийцу все-таки удалось выплыть? — мелькнуло в голове Красного Жезла, но он постарался тут же себя успокоить: — Нет, невозможно. Но как эта злобная крыса вынохала, что Сунгай бросился в море?»

— Мои люди совершенно случайно узнали о том, что Сунгай появился в доках, — словно угадав мысли Красного Жезла, произнес Белый Бумажный Веер.

— Почему вы не сказали мне, что Сунгай жив? — Тон Желтого Дракона не предвещал ничего хорошего.

— Экселенц, я был уверен в обратном.

— Вы знали о том, что он исчез с судна?

— Экселенц, — Красный Жезл облизал пересохшие от волнения губы, — надвигался сильный шторм... к тому же сто миль... я считал не заслуживающим вашего внимания...

— Вы знали о его исчезновении?

— Да, экселенц, — выдавил из себя Красный Жезл.

— Я очень недоволен вами, — тихо произнес Жел-

* Частный музей нефритовых скульптур эпохи династии Сун и Цин (X—XVII вв.), известный под названием «Хаус ов джайд» (дом нефрита — англ.).

тый Дракон, легонько постукивая по ладони взятым со стола игрушечным самурайским мечом.

Красный Жезл почувствовал такую слабость в ногах, что, прикажи ему Желтый Дракон встать, он не смог бы этого сделать. Красный Жезл хорошо знал, что означает эта игрушка в руках главы «триады». Если тот давал понять собеседнику, что разговор окончен, и не клал меч на место, участь уходящего была решена: через потайное отверстие в стене за руками Желтого Дракона обязательно следил кто-нибудь из его личной охраны. Правда, Желтый Дракон никогда не брал меч во время бесед с другими вождами «Анг Сун Тонг». Суд над ними, согласно «Канонам», вершился лишь во время ритуала. Но сейчас это было слабым утешением для Красного Жезла.

— Экселенц,— прохрипел он, проглотив вставший поперек горла комок,— Сунгай будет найден в ближайшее время.

— Я даю вам три дня.

— Да, экселенц. Благодарю вас, экселенц. Я...

— Люди Белого Бумажного Веера взяли под наблюдение доки,— сказал Желтый Дракон.— Но им трудно выполнять чужие обязанности. Потрудитесь освободить их от этого.

— Да, экселенц.

Игрушечный меч лег на свое прежнее место. Красный Жезл смотрел на него как завороченный.

— Я рассчитываю, что в будущем мы будем застрахованы от подобных неожиданностей, не так ли, Красный Жезл?— услышал он откуда-то издали голос Желтого Дракона.

— Вы можете быть в этом уверены, экселенц.

— Благодарю за обнадеживающий ответ.

Желтый Дракон перевел свой пронизывающий взгляд на Белого Бумажного Веера.

— Теперь по поводу девчонки. Вы виделись с Филиппинцем?

— Да, экселенц,— поспешно ответил тот.— Филиппинец предлагает за нее двадцать тысяч долларов.

— Сингапурских?

— Американских, экселенц.

— Она ему так понравилась? Что ж, девчонка будет неплохим украшением для его заведения. Сумма плевая, но больше мы из него вряд ли выудим. Пусть забирает.

— Слушаю, экселенц.

— Когда вы должны с ним встретиться?

— Послезавтра, экселенц.

— Завтра девчонка должна быть у меня...— Желтый Дракон взглянул на небольшой настольный календарь со своими пометками, —...после обеда. Вечером ее можно будет забрать.

Белый Бумажный Веер понимающе улыбнулся:

— Будет исполнено, экселенц. У вас прекрасный вкус. Эта...

— В ближайшее время вам предстоит серьезное дело,— снова обращаясь к Красному Жезлу, сказал Желтый Дракон,— подробно вы будете информированы через Соломенную Сандалию. Поэтому «товар», отобранный у Лима, нужно передать Белому Бумажному Вееру. Когда и где— решите сами. И чем скорее, тем лучше.

— Да, экселенц.

Желтый Дракон откинул голову на спинку кресла и прикрыл глаза. Ауденция была окончена. Белый Бумажный Веер и Красный Жезл поднялись и застыли в угодливом поклоне, предназначавшемся скорее не главе «Анг Сун Тонг», а друг другу и потайному отверстию в стене. Затем они бесшумно вышли из комнаты.

2

На пересечении Нассим и Танглин роуд, рядом с белоснежным фамильным особняком братьев О, шло представление китайской уличной оперы— вайянг.

Вокруг деревянной, наспех сколоченной сцены толпились зрители. Уличные торговцы с тележками проворно шныряли в толпе, наперебой предлагая сахарный тростник, охлажденное кокосовое молоко, кока-колу и миринду.

В темноте наступившего вечера ярко освещенная сцена казалась огромной прямоугольной дырой на огромном черном холсте. В верхней части сцены одно за другим были натянуты несколько узких, с выцветшей зеленой бахромой красных полотнищ, исписанных черными и желтыми иероглифами. По бокам и в глубине висели большие панно из палье-маше с рисунками в красно-желто-зеленых тонах. Не очень искусная рука доморощенного художника набросала вперемешку фрагменты из жизни древних китайских императоров, изображения богов, драконов, иероглифы, витиеватые узоры.

На фоне этой аляповато-примитивной декорации несколько артистов разыгрывали сцену из какого-то средневекового китайского произведения. Лица артистов были так обильно покрыты белым, красным, желтым гримом, что его характерный резкий запах витал над толпой. Каждый цвет по многовековой

традиции уличной оперы означал определенную черту характера.

Действие сопровождалось заунывной музыкой небольшого оркестра и гулкими ударами барабана, отделявшими один акт от другого.

Представление подходило к концу. На сцене появился высокий мужчина— вероятно, главное действующее лицо постановки,— и остальные артисты уважительно склонили перед ним головы. Мужчина был одет в узорчатый пурпурный халат с огромными рукавами. На голове возвышалась золотистая корона, в руках он держал меч. Все лицо актера было в румянах— символ смелости, честности и верности. Широкие у краев и сужающиеся к переносице наклеенные брови также имели прямое отношение к символике: они подчеркивали положительный характер героя, многие его добродетели. Негустая, но длинная— до пояса— борода свидетельствовала не столько о его преклонных годах, сколько о мудрости.

Мужчина сделал несколько больших шагов по подмосткам, остановился, взмахнул мечом и, обращаясь к стоящим на сцене, громовым голосом начал:

— С тех пор, как герои Ляньшаньбо изъявили свою покорность Сунской династии, разбили на севере войска Ляо и пошли на юг, им пришлось выполнять нелегкий труд!.. Теперь я хочу вернуться домой одетым в парчу, мечтаю дать титул жене и передать его сыновьям. Но что ожидает меня дома? Мой повелитель, который все отнимет у меня. Урожай, деньги, жену.

Артист повернулся к зрителям и, глядя вверх их голов в темноту, продекламировал:

Над ровною водною гладью покой,

Прозрачна речная вода.

Но хлеб ваш посеян не вашей рукой,

Вы в жатву не знали труда.

Мы вас благородным могли бы счесть,

Когда б перестали вы в праздности есть

Хлеб, собранный без труда.

Раздалась барабанная дробь. Зрители бешено аплодировали. Спектакль кончился.

Главный герой раскланялся и удалился в каморку, которая в приличных театрах называется артистической. Он снял брови, бороду, корону, начал расстегивать халат. В каморку вошел один из артистов.

— Там пришел какой-то человек. Говорит, что он из литературно-драматического общества.

Мужчина удивленно выпятил нижнюю губу.

— И что ему нужно?

— Он хочет видеть тебя.

— Пусть войдет.

Актёр исчез в проеме дверей, и через несколько секунд в помещении появился китаец лет тридцати— тридцати двух в безукоризненно сшитом голубом костюме, накрахмаленной сорочке и цветастом галстуке.

— Я попадаю на второе выступление этой труппы,— сказал он, поздоровавшись,— и не могу не выразить восхищения вашей игрой...

Сидящий молча наклонил голову в знак благодарности.

— Меня зовут Гун,— продолжал гость.— Я представляю литературно-драматическое общество и от его имени хочу сделать вам, как руководителю труппы, выгодное предложение.

— Я слушаю вас.

— Простите, я не знаю вашего имени...

— Фонг.

— Быть может, господин Фонг, мы перенесем нашу беседу в более подходящее место? Какую кухню вы предпочитаете? Европейскую? Китайскую? Японскую?

— Гм, я не очень уверен, что смогу...

— О, нет. Прошу вас, не отказывайтесь. За столом легче говорить. К тому же я считаю своим долгом отблагодарить вас за доставленное мне удовольствие. Вы выбираете ресторан— я заказываю ужин.

— Хорошо,— согласился хозяин каморки после некоторого колебания.— В таком случае я предпочел бы «Син Леон».

— Если не ошибаюсь, это на Макферсон роуд, с красной аркой над входом?

— Да.

— У вас прекрасный вкус. Я не бывал в этом ресторане, но слышал от знакомых самые лестные отзывы о нем. Говорят, там изумительная кантонская кухня. Итак, мы встречаемся?..

— Через сорок пять минут.

— Отлично. Я вас жду в «Син Леоне».

Оставшись один, мужчина повернулся к зеркалу и стал снимать с лица грим. Потом он тихо свистнул. В дверях вырос актер, который говорил ему о приходе Гуна.

— Ты слушал наш разговор?

— Да, Красный Жезл.

— Не нравится он мне. Позвони Тану, скажи, что этот парень сейчас придет заказывать ужин и что я там буду без четверти девять. Ты поедешь со мной.

— Хорошо.

Через десять минут Красный Жезл вышел на улицу. Темно-серая «тойота», стоявшая на противоположной стороне у тротуара, дала задний ход. Дверца машины открылась, и Красный Жезл развалился на сиденье, с удовольствием вытянув ноги.

— Ты дозвонился до Тана?— спросил он своего спутника, сидящего за рулем.

— Да,— ответил тот.— Тан сказал, что это очень кстати. У него есть какие-то новости.

Красный Жезл откинул голову на спинку сиденья и прикрыл глаза. «Тойота» плавно катилась по вечернему городу. Сквозь опущенные веки Красный Жезл чувствовал, как по обеим сторонам меняется реклама. Настроение было скверное. Он никак не мог прийти в себя после вчерашнего разговора у Желтого Дракона. Этот паршивый шакал Белый Бумажный Веер не упускает случая сунуть свой мерзкий нос в чужие дела. Что-то, а стравливать людей он умеет. И делает это виртуозно. Это он добился казни Хранителя Алтаря три года назад, внушив Желтому Дракону, что тот мечтает встать во главе «Анг Сун Тонг». Хитер как змея! Отказался занять место казенного, хотя ранг Хранителя Алтаря гораздо выше. Он, видите ли, «недостойно вознести столь высоко и предпочитает отдавать скромные силы укреплению великого братства на своем месте». Нет, Красного Жезла не проведешь. Он-то знает, что нужно Белому Бумажному Вееру. Ему нужно знать, что делается в кланах, чтобы держать всех в руках и при случае скакнуть на самый верх. Потому он и цепляется за свое место, что на нем легче покупать чужих людей. Ну ничего, когда-нибудь и он сплотится. Представится возможность, и Красный Жезл поможет ему.

«За каким чертом я согласился на сегодняшний ужин?— в сердцах подумал Красный Жезл.— Литературное общество вряд ли меня заинтересует, а выяснять, что этот Гун не имеет к нему никакого отношения, я мог бы и у себя».

Интуиция подсказывала, что от Гуна нужно ждать каких-то неприятностей. Уж слишком наигранным было его восхищение спектаклем и совсем непонятным предложение отужинать вместе. Что общего могут иметь какое-то литературное общество и уличная опера? Впрочем, не имеет значения, с какой целью этот кретин захотел встретиться с ним, Красным Жезлом. Если он сделает какое-то выгодное предложение, можно будет подумать. А если?.. Красный Жезл выругал себя за дурацкие мысли. Что-то он в последнее время стал слишком нервным. Нет, он недосягаем для Белого Бумажного Веера. Впрочем, после того, как тот пронюхал о Сунгае, от него можно ждать всего, что угодно.

Машина свернула налево. Красный Жезл лениво открыл глаза и посмотрел на часы. До встречи с Гуном оставалось еще двадцать пять минут. Мысли о Белом Бумажном Веере сильно подогрели его, и теперь требовалась разрядка.

— Притормози здесь,— сказал он, когда машина порвалась с отелем «Тионг Хоа».

«Тойота» с ходу ловко нырнула в узкий коридор из разноцветных легковушек и замерла у входа. К ней тут же подскочил, чтобы открыть дверь, здоровенный швейцар-индус в черном балахоне по широкотали, усыпанном медными бляшками, в блестящих черных сапогах и медном шлеме. В своем одеянии он напоминал нечто среднее между тевтонским рыцарем и пожарником. Красный Жезл равнодушно скользнул по нему взглядом— редкий отель в городе не имел экстравантно одетого швейцара— и вышел из машины. Он швырнул через плечо двадцатидесятирублевую монету, которую пожарник-рыцарь подхватил на лету, и направился к входу. Высокие стеклянные двери бесшумно раздвинулись, пропуская Красного Жезла, и снова сомкнулись.

Он повернул направо и вошел в один из небольших, но дорогих магазинчиков, расположенных по периметру просторного, наполненного ярким светом бесчисленных ламп холла.

Посетителей внутри не было. Дверь задела висевший у самого потолка колокольчик. Он легко звякнул, и из-за витрины с ворохом цветастых платьев поспешно выкатился толстенный хозяин-китаец. Его сощуренные маслянистые глазки и два ряда выставленных для обозрения неровных желтоватых зубов должны были означать одновременно и приветливую улыбку и страстную любовь к потенциальному покупателю. Еще не видя вошедшего, он уже открыл рот, чтобы самым любезным тоном справиться о здоровье посетителя, на которое ему, впрочем, было наплевать, но, глотнув порцию воздуха, лишь шлепнул жирными губами.

Маска радушия мгновенно соскользнула с лица хозяина магазина. Теперь его физиономия выражала растерянность. Он попытался за витрину, а Красный Жезл с каменным лицом неторопливо двигался за ним. Почувствовав спиной стену, торговец вздрогнул и сделал движение назад, словно хотел в нее втиснуться, потом стал медленно поднимать руки для

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

защиты. Красный Жезл сделал еще несколько шагов, резко взмахнул рукой и ребром ладони ударил его по переносице. Торговец вскрикнул и схватился обеими руками за лицо. Сквозь его пальцы потекла тонкая струйка крови.

Из задней комнаты показалось испуганное лицо пожилой полной китаянки. Увидев, что происходит в салоне, она с неожиданной резвостью подскочила к входной двери, перевернула на ней табличку, означавшую, что магазин закрыт, и так же проворно юркнула обратно. Красный Жезл даже не посмотрел в ее сторону.

— Ты забыл, в какой день должен отдавать деньги моим людям? — негромко осведомился он у хозяина.

— Вчера я не... — начал толстяк, не отнимая рук от лица.

Он не договорил. Красный Жезл сделал короткое движение ногой. Носок его ботинка на мгновение прилип к коленке торговца.

— О-о-ы, — взвыл тот и рухнул на пол.

Красный Жезл молча повернулся и направился к выходу. У дверей он задержался и, не глядя на вальявшегося на полу охающего китаяца, отчеканил:

— Еще одно мое появление здесь обойдется тебе очень дорого.

3

Кондиционеры мягко жужжали и заполняли помещение прохладой, особенно приятной после уличной жары. Красный Жезл мельком оглядел зал: Тан усадил Гуна там, где нужно. Тот развалился за столиком у эстрады и приветливо махал Красному Жезлу рукой.

— Надеюсь, вас не очень утомило выступление? — вежливо осведомился молодой человек, когда Красный Жезл сел рядом.

— Нет, — небрежно бросил он. — Я привык.

Два официанта с подносами уже летели к их столу.

— Прошу вас, господин. — Один из них, услужливо изогнувшись, подал Красному Жезлу тарелку с целлофановым пакетиком, в котором была герметически запечатана махровая салфетка.

Красный Жезл взял пакет и с размаху стукнул им по ладони левой руки. Раздался хлопок. Он вынул влажную, почти горячую салфетку, благоухающую жасмином, вытер лицо, руки и небрежно уронил ее обратно на тарелку.

— К сожалению, я забыл поинтересоваться вашими привязанностями в еде, — улыбаясь, произнес Гун, — и заказал на свой вкус несколько кантонских блюд.

— Здесь их готовят великолепно, — безразличным тоном отозвался Красный Жезл.

— Вы ничего не имеете против маодай*? Или...

— На ваше усмотрение, — нетерпеливо перебил его Красный Жезл. — Я, откровенно говоря, не большой любитель крепких напитков.

— Пожалуйста, маодай и вино, которое у вас здесь считается лучшим, — обратился Гун к официанту.

Тот согнулся пополам и в таком положении удалился. Молодой человек повернулся к Красному Жезлу.

— Позвольте еще раз выразить вам признательность за доставленное мне удовольствие.

Красный Жезл молча наклонил голову.

— В «Речных заводах»** сто двадцать глав. Надеюсь, вы не все включили в ваше сегодняшнее выступление, — пошутил Гун. — К сожалению, я опоздал к началу спектакля.

— Нет, — усмехнулся Красный Жезл, — это было бы слишком скучно. — Он внимательно посмотрел на собеседника. — А вы неплохо знаете классику.

— Я окончил Наньянский университет, — не без гордости сообщил тот, — отделение древней и средневековой литературы.

— Значит, я ошибся, — подумал Красный Жезл. — Это просто восторженный и самовлюбленный идиот из литературного общества. Да, что-то у меня нервы разболтались. Интересно, какого черта ему нужно? Хочет пригласить меня выступить у них? Но не могу же я быть одновременно членом двух обществ!

* Китайская рисовая водка.

** Роман китайского средневекового писателя Ши Най-аня о восстании крестьян в XII веке.

Последняя мысль развеселила Красного Жезла, и он даже пожалел, что не может поделиться ею с собеседником.

— Не считите меня невежливым, господин Фунг, — снова заговорил Гун, — но... нужна ли эта слезливость в конце? Тем более что последние три фразы в финале и стихотворение не имеют никакого отношения к «Речным заводам». Стихи ведь из «Ши цзина», если мне не изменяет память.

— Какая разница — «Ши цзин», «Речные заводы»? — поморщился Красный Жезл. — Что нужно глупой, сентиментальной толпе? Поглазеть на пестрые тряпки, в которых ходили их предки. Послушать ляг мечей. А несколько всхлипов под занавес приводят ее в совершеннейший экстаз. Вы же сами видели, как они бесились от восторга!

Гун ничего не ответил. Они съели по небольшому кусочку черепахи. Подошедший официант наполнил бокалы.

— Судя по вашей реплике о разгроме войск Ляо, — сказал Гун, пригубив маодай, — вы придерживаетесь того мнения, что рассказ о походе на Ляо входил в первоначальный вариант романа?

Красный Жезл мысленно послал собеседника ко всем чертям. Не хватало еще тут развести целую дискуссию о том, как писались «Речные заводы». В конце концов какое ему дело до средневековых свар? И почему он должен выслушивать всю эту глупую и нудную болтовню?

— А вы полагаете, что это не так? — ответил вопросом на вопрос Красный Жезл, пытаясь скрыть свою неосведомленность.

Его раздражал этот разговор. Прыткому выпускнику Наньянского университета явно хотелось блеснуть своими познаниями. «Что это? — снова насторожился Красный Жезл. — Пустая кичливость хвастуна с образованием? Или увертюра к какому-то серьезному разговору, который не имеет никакого отношения к литературе?»

* Древнейший памятник китайского народного песенного творчества.

Красный Жезл прекрасно разбирался в тонкостях светских бесед своих сородичей. Когда встречались интеллигентные противники, они не торопились выяснять отношения с ходу, а начинали издали. Но при этом всегда старались навязать друг другу такую тему разговора, в которой чувствовали себя сильнее собеседника. Это походило на психологическую атаку — смутить противника, вселить в него неуверенность, доказать собственное превосходство. А потом неожиданно перейти к главному и, не давая ему опомниться, нанести решающий удар. Такой прием называется «вынудить человека потерять свое лицо». Недаром у них на родине считается, что «потерявший лицо» не в силах долго сопротивляться.

— Я слышал, что эта история была включена в роман при его переиздании... небрежно заметил Гун. — Впрочем, это не столь важно. Мало ли примеров, когда кто-то что-то добавлял в литературные произведения? Или, наоборот, что-то изымал из них в свою пользу. Кстати говоря, сейчас ведь тоже многие частенько присваивают себе то, что им не принадлежит. И это касается не только литературы...

Как показалось Красному Жезлу, Гун сделал ударение на последней фразе, явно выделяя ее. «Даже если я ошибся, — решил про себя Красный Жезл, — ты поплачешься за свою неучтивость. Тебе не повезло — сегодня у меня плохое настроение».

— Вы, кажется, хотели сделать мне какое-то предложение? — несколько раздраженным тоном напомнил он молодому человеку вопреки традиционным китайским правилам приличия, требующим, чтобы собеседник первым заговорил о своем деле.

Губы Гуна чуть дрогнули в усмешке. Он не спеша положил палочками себе в рот очередной кусочек черепахи и отпил маленький глоток маодая.

— О, прошу прощения. Забыл о самом главном! Болтаю всякую чепуху. Предложение действительно заманчивое. Насколько я догадываюсь, вы не прочь выгодно пристроить некие любопытные бумаги, изъятые вами на «Тумасике» у некоего Лим Бан Лима...

Молодой человек произнес все это таким спокойным тоном, словно предлагал собеседнику выступить на сцене литературно-драматического общества, и снова принялся за черепаху.

Красный Жезл, взявшийся было за бокал с вином, положил руку на стол. Гун не понравился ему с первого взгляда, и интуиция его не подвела. Парень чрезвычайно опасен, и его нужно будет убрать. Хотя бы потому, что он знает о нападении на «Тумасик». Но что еще хуже, ему известно о документах. До сих пор Красный Жезл считал, что это только его тайна. Никто не видел, как он случайно вскрыл двойное дно в атташе-кейсе Лима и обнаружил там бумаги, за которые — Красный Жезл сразу это понял — можно будет отхватить кругленькую сумму. Это были совершенно секретные инструкции по подготовке недавнего переворота в Таиланде, составленные не без участия ЦРУ. Красный Жезл не очень интересовался политикой. Но, вспомнив о скандалах последних трех лет, которые разразились в связи с обнаружившейся причастностью ЦРУ к переворотам в различных странах, смекнул, что кое-кто хорошо заплатит за бумаги, чтобы избежать очередного шума.

Он утаил документы от Желтого Дракона, считая, что тот вполне обойдется и героинном, отобранным у Лима. Героин в конце концов добыча общая. Лима высладили в Таиланде люди Тонкого Бамбука, которые давно уже занимались этими недоносками из «Джи Хо», осмелившимся встать поперек пути «Анг Сун Тонг». Он, Красный Жезл, провел против «Джи Хо» операцию, а Белый Бумажный Веер будет сбывать «товар». Правда, есть еще несколько прихлебателей вроде нового Хранителя Алтаря, который тоже получит свою долю. При таком дележе Красному Жезлу, дай бог, достанется тысяч двести пятьдесят от трех миллионов, которые будут стоить десять килограммов героина на Западе. А если учесть, что ему нужно еще платить своим людям, то остается совсем немного. Но тут уже ничего не поделаешь. Сколько Желтый Дракон даст, столько и будет. С ним не поспоришь.

А уж на документы Красный Жезл имеет полное право и не обязан делиться даже с главой «Анг Сун Тонг». Про документы никто не знал. Значит, они принадлежат Красному Жезлу и больше никому.

Он поднял глаза на Гуна. Осведомленность молодого человека ошеломила Красного Жезла. Кто он? На кого работает? Как узнал о нападении на «Тумасик» и о документах? Агент «См-Ай-Ю»? Сомнительно. Если кто-то из участников нападения на «Тумасик» влип и заговорил, то они не стали бы устраивать эту комедию, а просто арестовали бы Красного Жезла. А если у них нет улик и они просто блефуют? Тогда у них ничего не получится. «А если это человек Белого Бумажного Веера? — кольнула мысль. — Ведь ему ничего не стоит купить кого-нибудь из моих людей. Значит, конец? Беседа в зеленой гостиной, ухмыляющаяся рожа этой злобной крысы, игрушечный меч в руках Желтого Дракона...» Красный Жезл похолодел.

Желтый Дракон не прощает обмана. Но ведь никто не мог знать о документах. Никто! В какой же никто не было!

Красный Жезл лихорадочно соображал, как себя вести. Прежде всего нужно попытаться выяснить, кто послал Гуна.

Гун, видимо, угадал, что происходит в душе собеседника.

— Я не из полиции, — с подчеркнутой дружелюбностью сказал он. — Посудите сами, господин Фонг: будь я детективом и имей против вас улики, мы разговаривали бы уже в другом месте. А если у меня их нет, то наша беседа с глазу на глаз не даст мне никаких преимуществ. Магнитофона у меня нет — можете проверить. А свидетелем я быть не могу. Ни один прокурор не даст санкции на ваш арест. Нет, контакты с полицией мне нужны так же, как и вам.

«Что я раскис? — обругал себя Красный Жезл. — Этот ублюдок совершенно прав. Да и Белый Бумажный Веер не стал бы затевать эту канитель. Он сразу побежал бы к Желтому Дракону. Тогда кто же этот Гун? И почему он ведет себя так нахально?»

— Вы меня с кем-то путаете, — на всякий случай сказал Красный Жезл и поднялся из-за стола.

— Надеюсь вас увидеть минут через пять. — Гун говорил по-прежнему учтиво. — Вам наверняка будет интересно продолжить нашу беседу.

И он принялся за суп из акулиных плавников.

Красный Жезл вышел из зала. В холле уже стоял хозяин ресторана. Красный Жезл отвел его в сторону.

— Тан, нужно проверить, нет ли поблизости подозрительных людей.

— На улице все спокойно, Красный Жезл. Мои люди заметили бы. Но я прикажу им посмотреть внимательно.

— Я сейчас вернусь в зал. После ужина возьмете этого кретина и привезете ко мне.

— Понял.

4

Когда Красный Жезл вернулся к столику, Гун уже почти расправился с супом.

— Ну как? — поинтересовался он, не прекращая своего занятия. — Я был прав?

«Может быть, он действительно хочет купить бумаги? — подумал Красный Жезл. — Но даже если это так, его все равно придется убрать. Мне нужны менее информированные покупатели. Только нужно будет заставить его сказать, кому еще известно про документы».

Не отвечая на вопрос Гуна, он опустился на стул, отпил немного вина, неторопливыми движениями достал сигарету, закурил. В дверях промелькнул Тан и сделал знак, что все в порядке.

— Мы встретимся в другой раз, — сказал Красный Жезл. — Сейчас у меня нет ни времени, ни желания вести серьезные разговоры.

— Вы так любезно согласились отужинать со мной, господин Фонг, — ироничски заметил Гун. — И не держите своего слова. Ай-я-яй! Боюсь, что в следующий раз уже у меня может не оказаться ни времени, ни желания...

Красный Жезл сжал кулаки: за последние десять лет никто не осмеливался так разговаривать с ним. Гун еще пожалует о своем вызывающем тоне. Ох, как пожалует.

— Хорошо. Если ты будешь краток, — произнес Красный Жезл, переходя на «ты», — я выслушаю тебя.

— Именно для того, чтобы вы меня выслушали, — ответил Гун, словно не замечая этого «ты», — я и предложил вам встретиться в более подходящем месте, чем тот сарай, в котором вы выступали. Я опасался, что не успею заинтересовать вас до того, как в моей спине окажется нож.

— Ты полагаешь, что здесь можешь себя чувствовать в большей безопасности?

— О, я догадался, что «Син Леон» находится в сфере вашего влияния, — усмехнулся Гун. — И все же здесь у меня больше шансов изложить мое предложение до конца.

— Ближе к делу, — оборвал молодого человека Красный Жезл.

— Хорошо. Итак, вы располагаете некими интересными бумагами, и мои шефы хотели бы их получить.

— Твои шефы? Кто они?

Гун засмеялся.

— Я же не задаю вам подобного вопроса?

— Послушай! — в бешенстве прошептал Красный Жезл, перегибаясь через столик к своему собеседнику. — Скажите, что ждет тебя после ужина?

— Зачем? Я и сам знаю, — продолжая смеяться, ответил Гун. — Изумительная девочка из «Негары»... Так мы о чем? Да! Мои шефы поручили мне договориться с вами о сроках.

Красный Жезл поблел от гнева.

— И сколько же намерены заплатить твои шефы?

— За что? — Гун изобразил на лице крайнее изумление.

— За до-ку-мен-ты, — с расстановкой произнес Красный Жезл, почти физически ощущая, как терпение покидает его.

— Видите ли, в чем дело. — Молодой человек отпил глоток маодая. — Это наши бумаги. Так почему же мы должны за них платить? Другое дело — небольшое вознаграждение.

Теперь засмеялся Красный Жезл. Засмеялся недобро. Значит, он ошибся, сказав Желтому Дракону, что с «Джи Хо» покончено? Несколько недоносков еще осталось, и они осмелились явиться к самому Красному Жезлу! Что ж, дружки Лима пожалуют о своей наглости.

— Одно из двух: либо ты сумасшедший, либо пытаешься сделать идиота из меня, — сказал он Гуну. — Но в любом случае это последний ужин в твоей жизни.

— Жаль, — сказал Гун.

— Не сомневаюсь, — язвительно отозвался Красный Жезл.

— Нет-нет, я не о том. Вы просто меня не поняли. Мне жаль ваших родных. Кажется, у вас есть мать и дочь. У них могут быть крупные неприятности. Так что предложение, как я уже сказал, весьма заманчивое. Вы возвращаете документы, мы — ваших родственников. Идет?

— Ах, вон оно что! Ты пытаешься меня шантажировать!

Его мать действительно была жива, но она находилась в Таиланде вместе с дочерью Красного Жезла. Лет шестнадцать назад он работал артистом в Шанхае. Тогда он еще не был Красным Жезлом. Его звали просто Фонг. В конце пятидесятых годов он решил бежать из Китая, но беременность жены заставила его отложить побег. Во время родов жена умерла, а Фонг, оставив новорожденную дочь на руках своей матери, перебрался сначала в Гонконг, а затем в Сингапур. Позже, когда он уже стал членом «Анг Сун Тонг», он смог забрать из Китая мать с дочерью, но привезти их в Сингапур не решился: если бы хоть один человек в «триаде» узнал, что Фонг — выходец из красного Китая, это могло закончиться для него печально. Поэтому Красный Жезл поселил их в Таиланде, регулярно отправлял туда деньги, но сам приезжать не решался.

Наклонившись к собеседнику, Красный Жезл негромко произнес:

— До моих родственников тебе не дотянуться. Руки коротки! А не далее как сегодня они у тебя станут еще короче.

И он захохотал, довольный своей шуткой.

Гун с невозмутимым видом достал из кармана небольшой зеленоватый конверт и молча положил на стол. Красный Жезл разом смолк: на конверте стоял почтовый штампель Бангкока.

Он бросил полный ненависти взгляд на Гуна и взял письмо. Внутри лежал небольшой листок дешевой бумаги, исписанный корявыми иероглифами, и фотография девушки, удивительно похожей на Красного Жезла. «Джи Хо» вряд ли способен на такие вещи, — мелькнуло в голове, — тогда на кого же работает Гун?»

Он еще раз взглянул на фото и отложил его. Потом начал читать письмо. Мать писала о незначительных вещах, благодарила за деньги. В конце письма она умоляла его согласиться на все, что скажет ему человек, который передаст письмо, иначе ее убьют вместе с внучкой.

За шестнадцать лет мать с дочерью утратили для Красного Жезла свою реальность. Порой он вспоминал прежнюю жизнь, но себя в ней не видел. Все, что было когда-то, происходило словно с другим человеком. Но девушка на фото была так похожа на Красного Жезла, что в его душе шевельнулось какое-то чувство, непонятное ему самому. То ли тоска по родным краям, оставленным бог знает когда, то ли боязнь остаться в старости одному в стране, к которой он так и не привык.

От Гуна не ускользнули сомнения собеседника, и он перешел в атаку.

— Мои шефы, а точнее, ваши родственники, надеются на положительный ответ, — с нарочитой мягкостью произнес молодой человек. — В частности, ваша мать продолжает хранить надежду, хотя и слабую, на встречу с сыном. Зачем же заставлять страдать близкого вам человека? И потом подумайте о моих шефах. Они уже достаточно переволновались, когда этот наглец Лим Бан Лим ухитрился заполучить столь важные бумаги. Он был уверен, что выручит за них кругленькую сумму. Кстати, человек, который продал бумаги Лиму, очень жалел о содеянном... когда был жив. Лим был уже почти у нас в руках, но тут вмешались вы... Скажу откровенно: эти документы нам очень бы хотелось уничтожить. Впрочем, вы же видели их и сами все прекрасно понимаете. Короче говоря, давайте попытаемся расстаться друзьями.

Гун поднял свой бокал, как бы приглашая собеседника закрепить сделку.

Продолжение следует.

ДЕКАБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ДИПЛОМИРОВАННЫЕ БЕЗРАБОТНЫЕ

...Шофер такси читает Вергилия в оригинале. Курьер умеет оперировать со сложными химическими формулами. Официантка — специалист по творчеству Сервантеса...

Для французского читателя в этом нет ничего особенного. Речь идет вовсе не о гениальных самоучках, в свободное от работы время успешно штурмующих высоты человеческого знания. Все эти люди — дипломированные выпускники высших учебных заведений Франции. Шофер, курьер и официантка еще могут почитать себя «счастливыми»: ведь они нашли работу. К другим фортуна не столь благосклонна. Так, например, доктор химии Колетта Б. подавала заявление о приеме на работу... 1200 раз! На 600 своих просьб она не получила ответа, а на 600 других ответ был отрицательным. Причины своих неудач Колетта Б. объясняет так: «Все это связано с тем,

что я женщина и вдобавок имею слишком высокую квалификацию».

Потребность в квалифицированных специалистах в последнее время значительно уменьшилась. Как правило, дипломированные специалисты не могут рассчитывать на должности, соответствующие их профессиональному уровню, ибо на каждую вакансию приходится иногда до восьми кандидатов.

В этом году высшие учебные заведения Франции выпустили 70 тысяч специалистов, и большинство из них заглядывает в свое будущее с опаской: желанный диплом не гарантирует им в обществе устойчивого положения. О девальвации образования в стране красноречиво говорит тот факт, что среди огромной массы безработных в возрасте 25 лет каждый второй является обладателем диплома.

«ПУЭН», ФРАНЦИЯ

ГОРОД ВРАСТАЕТ В ЗЕМЛЮ

Столица Мексики медленно опускается, и это не является результатом деятельности тектонических сил. Виновник — человек. «Только человека можем мы винить за нынешние трудности нашего города, но я надеюсь, что человеческая мысль и находчивость защитят будущее столицы», — говорит Педро Моктесума, заместитель министра по развитию городов Мексики.

Мехико — один из наиболее молодых городов на латиноамериканском континенте. Первые его дома были построены ацтеками в XIV веке, и появились они «в невозможном месте», как сами строители называли ненадежные глинистые холмы среди болот и озер. Однако ацтекам удалось наладить сотрудничество со здешней неблагоприятной к человеку природой. Искусно используя неровности рельефа, они строили защитные дамбы, стены и прокладывали каналы, защищавшие их дома от воды, постоянно изменяющей свой уровень.

Испанцы-завоеватели истребили культуру ацтеков и нарушили мирное соглашение между человеком и природой. Они вырубали деревья на склонах окружающих город холмов, нарушив тем самым естественный водный баланс. Триста лет продолжалось осушение большой, красивой долины Анагуак. На отвоеванных территориях ставились жилые здания. Рядом рыли колодцы, чтобы всегда иметь под рукой чистую воду. В результате всех этих вмешательств в дела природы глинистая почва, лишенная необходимой влаги, начала неравномерно оседать. Сейчас центр Мехико расположен на шесть метров ниже, чем в 1900 году. Кольца старинных колодцев, некогда углубленные в землю, вырастают, как толстые трубы.

Одной из попыток спасти город стало смелое предложение инженера-строителя Мануэля Гонсалеса Флореса, который запатентовал для условий Мехико так называемые сваи с переменной нагрузкой. Эти огромные бетонные столбы являются фундаментом всех вновь возводимых в городе зданий. По мере движения грунта эти столбы с помощью системы блоков изменяют давление на основание, причем каждый столб регулируется отдельно. Подведенные под уже существующие здания, столбы Гонсалеса позволяют исправлять их положение. Так, например, 18-этажное административное здание, в котором, как сказал Гонсалес, «с письменных столов уже начали скатываться карандаши», было выправлено за шесть месяцев, причем ни одному из работающих там людей не пришлось прерывать работу ни на один день.

«ДООКОЛА СВЯТА», ПОЛЬША

«ЛИК», БОЛГАРИЯ

СПОР ПОД ПЛАФОНОМ

Один из музеев Западного Берлина с гордостью демонстрирует посетителям художественный плафон, автором которого является крупный итальянский художник XVIII века Себастьяно Риччи. Гордость эта понятна: эксперты-искусствоведы относят это произведение к мировым шедеврам. Однако этой гордости не разделяют посещающие музей итальянцы. Они требуют, чтобы плафон был возвращен на свое законное место — в Палаццо Мочениго в Венеции.

Плафон из Палаццо Мочениго некогда понравился Гитлеру, когда тот по приглашению Муссолини посетил Италию. Уже тогда, за несколько лет до начала второй мировой войны, бесноватый фюрер изыскивал всевозможные ходы, чтобы заполучить драгоценный плафон. Во время войны плафон перевезли в Рим,

чтобы спасти его там от воздушных налетов. Гитлер продолжал давить на Муссолини, и тот уступил: он вызвал владельца плафона графа Робиланда и приказал ему продать плафон. Все переговоры о деловой стороне вопроса вел зять Муссолини министр иностранных дел граф Чиано, и в результате плафон был отправлен в Германию, а итальянская сторона получила символическую денежную компенсацию.

«Венецианский плафон является одним из самых ценных памятников итальянской культуры, находящихся за рубежом нашей страны», — говорит доктор Рудольф Сивьеро, упол-

номоченный итальянского правительства по возвращению произведений искусства, вывезенных из Италии во время второй мировой войны. Доктор Сивьеро считает возвращение плафона своей первоочередной задачей. Но выполнить эту задачу нелегко, ибо власти Западного Берлина защищаются законностью сделки, совершенной в свое время Гитлером и Муссолини.

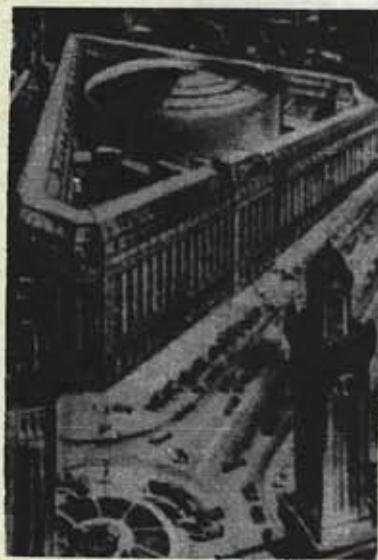
Дискуссия касается вещей, которые среди порядочных людей предметом такой дискуссии являться не должны. Судьба венецианского плафона показывает, говорит доктор Сивьеро, что необходимо развернуть кампанию, направленную на полное возвращение всех произведений искусства, украденных в других странах гитлеровцами.

«ТЕМПО», ИТАЛИЯ

КАК ХРАНИТЬ ШЕДЕВРЫ ИСКУССТВА

Большинство парижан и не подозревают о существовании внушительной «крепости» в одном из феешенебельных кварталов французской столицы. Увидеть ее можно только с высоты Эйфелевой башни. Посетители допускаются в нее только по специальному разрешению, добиться которого, впрочем, очень трудно. Этот своеобразный бункер находится за красивым фасадом треугольного здания и окружен рвом, через который перекинут один-

единственный подъемный мост. Это — самое большое в Европе хранилище ценных произведений искусства, принадлежащих частным лицам. Непрерывно увеличивающееся в последнее время число краж шедевров искусства вынудило их собственников прибегнуть к помощи находчивых предпринимателей, предусмотрительно построивших хранилище еще 52 года назад.

ДЛЯ МОЛОДОГО поколения

Новый пятилетний план Румынии на 1976—1980 годы предусматривает рост расходов на образование на 60 процентов. За цифрами со многими нулями стоят новые школьные здания, лаборатории, мастерские, интернаты и многое другое. А что касается детских учреждений, то их за эту пятилетку будет построено в два с половиной раза больше, чем в прошлую. К 1980 году 83 процента всех детей в возрасте от трех до пяти лет будут посещать детские дошкольные учреждения.

Главная цель румынской программы школьного образования—пере-

ход к обязательному десятилетнему обучению. Для этого, естественно, нужны новые школы, и их количество будет увеличено на 20 процентов. Число мест в школах-интернатах возрастет на 56 процентов. В новых проектах школьных зданий предусматриваются хорошо оборудованные мастерские, поскольку политехническому обучению в Румынии, как и в других странах социалистического лагеря, уделяется самое пристальное внимание.

«ФЛАКЭРА», РУМЫНИЯ

БЕСШУМНЫЙ КОНФЛИКТ

Уже долгое время суровый конфликт осложняет отношения между США и Канадой, но публика о нем не особенно информирована, поскольку он не выходит на первые полосы газет и обходится без человеческих жертв. Да и само этот конфликт происходит в эфире и потому внешне выглядит недостаточно эффектно.

Дело в том, что многие канадцы, живущие вблизи от американской границы, принимают на телевизоры не только передачи своих станций, но и станций США. Этот момент учли американские фирмы, продающие товары и в Канаде, и в своих рекламных телевизионных объявлениях начали помещать информацию, нацеленную прежде всего на потенциальных покупателей у своих северных соседей. Под влиянием этой рекламы многие канадцы начинают искать рекламируемые американские товары, пренебрегая отечественными. Терпящие убыток канадские фирмы реагируют на это по старинному торговому правилу: если врага нельзя победить,

его надо полюбить. И дают рекламу канадских товаров через американские телецентры, полагая, что таким окольным путем легче добраться до канадского покупателя и его кармана. Но канадские телецентры встают против этого—ведь они теряют доходы от рекламы, которая для тамошнего телевидения является основным источником существования. Канадское правительство укоряет местные фирмы в отсутствии патриотизма и грозит финансовыми репрессиями. Уже внесен проект закона, по которому все канадские фирмы, отказывающиеся давать рекламные объявления через американское телевидение, будут иметь весьма значительную скидку с налогов.

Конфликт в эфире продолжается. Его истоки лежат в борьбе за души телезрителей и связанные с этим немалые доходы от принороченных прибылей рекламных объявлений, которые не желают признавать государственных границ.

«НИН», ЮГОСЛАВИЯ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЕТСКОЙ ВАННОЧКИ

Городской суд Вуппертала вынес решение, в соответствии с которым отцы города должны выплатить мюнхенскому коллекционеру Лотару Ширмеру 180 тысяч марок в качестве компенсации за ущерб, причиненный произведению искусства. Этим произведением искусства является обычная эмалированная ванночка, в которой купают грудных детей. Впрочем, обычная ли? Ведь в этой ванночке в нежном возрасте совершал омовения художник-авангардист Йозеф Бейи. В свое время Бейи, на скорую руку изобразив на стенках этой ванночки некий орнамент, продал ее Ширмеру. А Ширмер, в свою очередь, одолжил это «произведение искусства» музею «Фон дер Хайт». Работники музея включили ванну в число экспонатов передвижной выставки, которая должна была объехать несколько городов. Во время размещения

выставки в замке Морсбройх ванну по ошибке снесли в подвал и оставили там в куче всякого хлама.

Ширмер безуспешно искал свое сокровище, а когда ванночка была наконец найдена, он впал в глубокое уныние: шедевр лишился своих замечательных узоров, и от прежнего великолепия уцелела лишь табличка с надписью: «В этой ванночке в раннем детстве купали художника Йозефа Бейи». По совету своего адвоката ценитель искусства подал в суд на городские власти Вуппертала, оценив ущерб в 40 тысяч марок. Но, к его радостному удивлению, эксперты-искусствоведы, вызванные судом, посчитали, что эта сумма мала: ведь стоимость произведений искусства постоянно растет. И предложили увеличить эту сумму до 180 тысяч марок.

«МАДЬЯР ИФЬЮШАГ», ВЕНГРИЯ

СХВАТКА С АНАКОНДОЙ

Охотник за животными, поставляющий живую «продукцию» в зоопарки многих стран мира, повернулся к фоторепортеру и сказал: «В этой игре один неверный шаг может стоить жизни».

Несколько минут спустя шестиметровая анаконда, появившаяся неведь откуда, внезапно атаковала сорокадевятiletнего Щаликиса, только что произнесшего свою тираду. Случилось это в топях Амазонки, на бразильско-колумбийской границе, куда Щаликис отправился вместе с двумя своими помощниками и фоторепортером из ФРГ Шубертом, который приехал для съемок трудной и опасной работы охотника за животными. И вот когда маленькая группа пробиралась через топкие болота, гигантская змея неожиданно броском свалила Щаликиса. Нес-

колько толстых колец обвивали тело охотника—анаконда тащила жертву в воду. Инстинктивно Щаликис схватил змею за голову, однако анаконда сжимала свои кольца все сильнее, одно из них перехватило горло охотника, но, задыхаясь, уже расставаясь с жизнью, он успел позвать товарищей на помощь. Пока те промчались тридцать ярдов, отделявших их от змеи, анаконда почти полностью утащила человека в болото. И все-таки спустя две минуты схватка была выиграна людьми: даже гигантская змея не в силах противостоять трем тренированным охотникам. И Щаликис стал обладателем редкого экземпляра громадной анаконды.

Фоторепортер тем временем делал кадр за кадром.

«УИКЭНД», АНГЛИЯ

ТОЛЬКО ДЛЯ БОГАТЫХ

Это весьма странное учебное заведение. Здесь не ученики зависят от преподавателей, а, наоборот, преподаватели стараются произвести на учащихся самое выгодное впечатление. Происходит это потому, что за 50-дневное обучение от каждого слушателя поступает на счет школы 2500 долларов, и директор скорее предпочтет лишиться не пришедшего ко двору учителя, чем приносящего весьма солидный доход ученика. Каждый лектор стремится смиксовать расположение своих подопечных еще и потому, что за партами сидят будущие наследники крупнейших состояний Италии.

Слушатели школ, как правило, уже окончили какое-нибудь учебное заведение, и здесь их обучают только одному—как удержаться на гребне своего социального положения, используя достижения современной психологии. Поэтому-то все преподаватели этой школы, открытой некото-

рое время назад в Милане, и являются дипломированными психологами.

Банкротство—это слово, которое вызывает панический страх у всех слушателей миланской школы и их папочек-толстосумов. Именно по этой причине школа не жалуется на недостаток учеников, которые старательно штудируют наставления основателя и директора школы доктора Дель Маре.

Предприимчивый бизнесмен от психологии уже готовится открыть в будущем три филиала за границей—в Женеве, Париже и Лондоне. Впрочем, он не знает (или, как он несколько туманно выражается, «пока еще не знает»), с какими практическим результатом покидают школу ее питомцы, но не скрывает, что «школа приносит для ее устройствелей весьма солидный доход».

«МЛАДИ СВЕТ», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Обзор зарубежной печати. Материалы печатаются в изложении

ПРЕМИИ «СМЕНЫ» ЗА 1976 ГОД ПРИСУЖДЕНЫ:

- Георгию БАЖЕНОВУ — за статью «Альтернатива» (№ 21)
- Михаилу БУЛКАТЫ — за рассказ «Такая долгая война» (№ 22)
- Андрею ДЕМЕНТЬЕВУ и Евгению МАРТЫНОВУ — за песни «Лебединая верность», «Аленушка» (№№ 8, 22)
- Геннадью ЛЫСЕНКО — за стихи (№ 1)
- Василию МИШИНУ — за фотоочерки (№№ 9, 11, 19)
- Юрию НАГИБИНУ — за очерки «Лесков», «Пожарный Постевой», «Исцеление сердца» (№№ 5, 9, 21)
- Алексею НИКОЛАЕВУ — за очерки «Лазоревый отблеск былого», «Приют спокойствия, трудов и вдохновения», «Ответное слово», «Свет золотого плеса» (№№ 9, 11, 16, 19)
- Леониду ТИШКОВУ — за юмористические рисунки (№№ 1, 3, 5, 7, 11—21)
- Леониду ФРОЛОВУ — за рассказ «Девки приехали» (№№ 18—19)
- Александрю ЯКУШЕВУ — за очерк «Я — спартаковец» (№ 7)

Георгий БАЖЕНОВ   Михаил БУЛКАТЫ   Андрей ДЕМЕНТЬЕВ   Евгений МАРТЫНОВ   Геннадий ЛЫСЕНКО   Василий МИШИН   Юрий НАГИБИН   Алексей НИКОЛАЕВ   Леонид ТИШКОВ   Леонид ФРОЛОВ   Александр ЯКУШЕВ

ПОБЕДИТЕЛЯМ XVIII ОЛИМПИАДЫ — НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ!

Определены результаты XVIII шахматной олимпиады, которую «Смена» проводила в 1975 и 1976 годах. На это массовое заочное соревнование редакция было получено более 23 тысяч писем от читателей из разных районов Советского Союза и из зарубежных стран. По итогам олимпиады в целом и ее классификационных турниров 5540 человек повысили или впервые получили спортивные разряды по шахматам.

Победителями XVIII олимпиады стали участники, набравшие по 88 баллов из 100 возможных и разделившие первое—шестое места. Вот их имена: Иван Жабинский, инженер-теплоэнергетик (Болгария, г. София), Петр Крылов, сотрудник Министерства машиностроения для животноводства и кормопроизводства СССР (г. Москва), Людмила Любимцева — швея фабрики бельевого трикотажа (г. Череповец), Владимир Марман, гимназист (Чехословакия, г. Жилин), Збигнев Милевич, преподаватель станкоинструментального техникума (г. Витебск), и Алексей Тришин, секретарь районного комитета ВЛКСМ (Брянская область, г. Карачев).

Редакция горячо поздравляет лауреатов олимпиады, награждает их специальными дипломами и фотоснимками гротескистов Ноны Гаприндашвили и Анатолия Карлова с автографами чемпионов мира.

В закончившихся соревнованиях также отличились: Алия Бай-

Иван ЖАБИНСКИЙ

Петр КРЫЛОВ

Людмила ЛЮБИМЦЕВА

Владимир МАРМАН

Збигнев МИЛЕВИЧ

Алексей ТРИШИН

кенжина, студентка музыкального училища (г. Караганда), Зайтун Гареев, начальник участка завода колес КамАЗа (Татарская АССР, пос. Новый Зай), Леонид Долгих, электрослесарь химического комбината имени 50-летия СССР (Тульская область, г. Щекино), Стефан Кортунов, инженер-проектировщик (Болгария, г. София), и Норвидас Малжинкас, прораб передаточной механизированной колонны (Литовская ССР, г. Лодзидия), набрали по 86 баллов; Иван Захаров, рихтовщик Волж-

ского автозавода (г. Тольятти), Ауес Казгериев, учитель истории средней школы (Кабардино-Балкарская АССР, Урванский район, село Аргудан), Валерий Кулаков, проректор университета (г. Иркутск), Семен Проценко, заместитель начальника добычного участка шахты имени Ю. А. Гагарина (Донецкая область), Демьян Тузиков, шофер станции скорой медицинской помощи (г. Ворошиловград), Андрей Шишканов, офицер Военно-Морского Флота, и Владимир Юрченко, машинист

электровоза (Ровенская область, г. Здолбунов), — по 84 балла; Александр Билан, мастер-взрывник шахты «Эстония» (г. Кохтла-Ярве), Федор Варганов, пенсионер (Румыния, г. Констанца), Сервер Велиев, учитель средней школы (Бухарская область, Навоинский район, совхоз «Нарпай»), Наталья Куликова, младший научный сотрудник Института охраны труда ВЦСПС (г. Свердловск), Анатолий Морозов, плотник треста «Амурремстрой» (Амурская область, село Ивановка), Галина Серебрякова, медицинская сестра (г. Владивосток), Геннадий Хакимов, рабочий завода «Баррикады» (г. Волгоград), и Василий Чертоляс, электромонтажник (Алтайский край, Хабарский район, село Мартовка), — по 83 балла.

Указанные товарищи, а также группа наиболее активных организаторов классификационных турниров премируются дипломами и шахматной литературой.

«Смена» благодарит своих читателей, вышедших на старт этой олимпиады, и участников ее шахматных турниров. Приглашаем всех желающих включиться в очередную, XIX сменовскую шахматную олимпиаду, которую мы будем проводить в новом, 1977 году.

Вот как выглядят краткие ответы на позиции, которые входили в задания закончившейся олимпиады:

Первый тур—1. Кс4 С:c4 2. Фf5X; 1. ... Лh5+ 2. Кр:h5 Фh3+ 3. Крg5 h6+ 4. Крf4 g5+ 5. Кре5 Фе6X (см. диаграмму).

Второй тур—1. Лh6 Кр:h8 2. Фf8X; 1. ...Л:d4+ 2. cd Kd6+ 3. ed f5X.

Третий тур—1. Фe6 Кр:d2 2. Фh6X; 1. Лb5+ Крc4 2. Л:b3 d3 3. Л:d3 Кр:d3 4. Kd4+Кр:e3 5. Cf5 Кр:d4 6. С:e6±.

Четвертый тур—1. Сс1 С:c1 2. b6 Cf4 3. g3 С:g3 4. f4 С:f4 5. Крf3 Ch2 6. Кре4±; 1. ... Лf5 2. С:f5 Фg2+ 3. Кр:g2 Л:g3X.

Пятый тур—1. Фb8 Кс2 2. Лd4+ Кр:d4 3. Ф:d6X; 1. ... Кd2 2. Кр:d2 К:d3+ 3. Кре2 К:e5! 4. de d4±.

Шестой тур—1. Лe7+Кс7+ 2. Л:c7+Крb8 3. Лe7 Лb1+ 4. Крc5 Лс1+ 5. Крb6=; 1. Ке8 Кd7 2. Л:d7+ F:d7 3. Ф:f6+ Крe8 4. Ф:h8+Крe7 5. Фg7+ Крe8 6. Ф:d7+ Кр:d7 7. а6±.

Седьмой тур—1. Лa3 Лf1+ 2. Крg2 Лd1 3. К:a4 Крb4 4. Лa2 Крb3 5. Кс3 Лd4 6. Лa3+Крb4 7. Лa4+Кр:c3 8. Сg7±; 1. ...К:d4 2. К:d4 cd 3. С:d7 de 4. Ca4 ef+ 5. Кр:f2 Ф:h2 6. Сс2 Фh4+ 7. Крg1 Лa8 8. Фе2 Кg4 9. Cf4 g5±.

Восьмой тур—1. Ле2 Крh7 2. Крf7 Лh1 3. Ле6 Лg1 4. f4 b2 5. Лg6 b1Ф 6. Л:g7+Крh8 7. Лg6 Лh1 8. Лg8+Крh7 9. g6+Крh6 10. Лh8X; 1. ... Ке4+ 2. Крg2 Кf6 3. Лh8 К:d7 4. Лh7+Крd6 5. К:d7 e2 6. Крf2 Ке4+ 7. Кр:e2 Кg5 8. Лg7 Ке6 9. Лf7 Кg5=.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 4/ХІ 1976 г. А 01011. Подписано к печати 19/ХІ 1976 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1200000 экз. Изд. № 2843. Заказ № 3025. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва. А-47. ГСП. улица «Правды». 24.

ОПЕРА, 28 ЧАСТЕЙ

Завтра в путь кому-то

Слова Николая ГРИБАЧЕВА
Музыка Александры ПАХМУТОВОЙ

*Что-то мы, ребята, приуныли,
Не пора ли песню запевать.
Журавли в дорогу протрубили,
Белу свету края не видеть.*

Припев:
Тик-так, тик-так —
Падают минуты.
Тик-так, тик-так,
Завтра в путь кому-то.
В неизвестный путь,
Свежий ветер в грудь,
Не забудь любимую,
Друга не забудь.

*Люди не по платью узнаются,
С хвостуном не путай храбреца.
Трусы отступают и сдаются,
Смелые проходят до конца.*

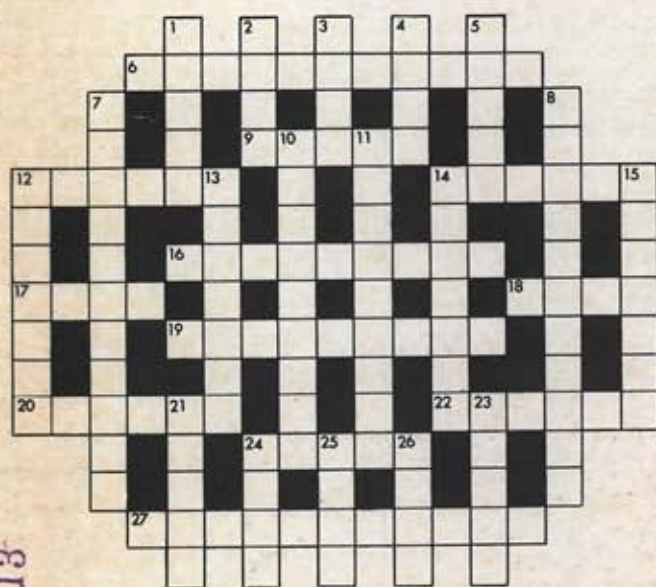
Припев.
Счастье не достанешь из кармана,
Мы свое отыщем и возьмем
На бескрайних трассах океана,
На земле, под снегом и дождем.

Припев.
Пусть еще мы мало совершили,
Все пути открыты молодым.
Мы в наследство землю получили,
А на звезды сами полетим.

Припев.

КРОССВОРД

Составил Д. СТЕПЧЕНКО,
г. Москва

По горизонтали:

6. Переложение музыкального произведения для другого инструмента, другого состава исполнителей. 9. Популярный итальянский тенор. 12. Спортивное состязание по определенному маршруту. 14. Плод южного дерева. 16. Балерина, лауреат Ленинской премии. 17. Духовой медный инструмент. 18. Французский композитор, дирижер. 19. Железнодорожный служащий. 20. Животное семейства оленей. 22. Краситель для текстильных изделий. 24. Совершенство, высшая цель стремлений. 27. Композитор, один из первых авторов советских революционных песен.

По вертикали:

1. Персонаж оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин». 2. Разборка ветхих построек. 3. Бескрылая птица. 4. Молдавский и румынский народный танец. 5. Небольшой городской сад. 7. Природные дарования, склонности. 8. Цирковой артист-фокусник. 10. Игра-задача. 11. Установленное действие церемониала, торжества. 12. Рабочий-строитель. 13. Помещение для выставки и хранения произведений изобразительного искусства. 14. Рубеж. 15. Стихотворная форма. 21. Венгерский композитор, автор оперетт. 23. Старинная золотая монета. 24. Приток Оки. 25. Порт в Швеции. 26. Пушной зверь.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 23

По горизонтали:

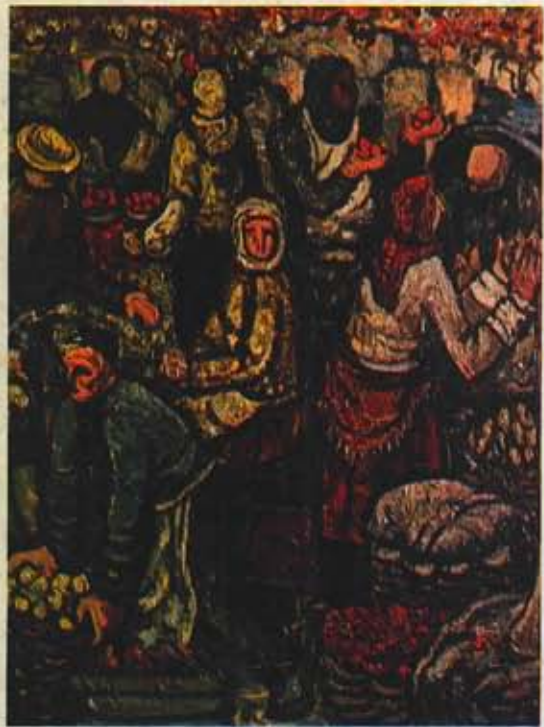
3. Товар. 6. Баскунчак. 9. Павлов. 10. Унисон. 13. Почта. 14. Силос. 15. Буфет. 20. Маковский. 21. Грибоедов. 22. Сорокопут. 24. Сепаратор. 28. Конус. 29. Резец. 30. Орлов. 33. «Челкаш». 34. Токарь. 35. Волгоград. 36. Орган.

По вертикали:

1. Полковник. 2. Карнаузов. 4. Сабля. 5. Париж. 7. Палтус. 8. Колумб. 11. Коловорот. 12. Генератор. 16. Габон. 17. Синус. 18. Артек. 19. Посол. 23. Огурец. 25. «Аврора». 26. Вершигора. 27. Гектограф. 31. Укроп. 32. Склад.

За ускользающим мгновением

БАЗАР.

Южный базар в осеннюю его пору всегда был, что называется, традиционной темой для закавказских художников. И молодой грузинский живописец Анзор Чагелишвили отдает этим сюжетам должную дань. Он пишет их много и по-разному, всякий раз ставя перед собой новые композиционные и колористические задачи. Одна из таких работ перед вами.

Художник сознательно берет тему фрагментарно, но строит, компоует этот фрагмент с таким расчетом, чтобы зритель почувствовал весь базар в его движении, ритмах, многоголосии. Можно представить себе эту сцену, так сказать, в натуре: глаза разбегаются от пестрого, много-

МЯСНИКИ.

СЕЛЬСКИЙ РЫНОК.

ПОРТРЕТ МАТЕРИ.

ДЕРЕВНЯ АХАЛКАЛАНИ.

красочного обилия. Но весь этот яркий, беспорядочный маскарад цвета художник как бы пропускает сквозь призму своего восприятия: он успокаивает пестроту красок, сообщая холсту колорит старинной меди с легкой сизовато-зеленой патиной. Поэтому картина воспринимается цельно и законченно, в едином музыкальном ключе.

Есть еще одна традиционная тема, которая постоянно привлекает внимание молодого художника,— тема неповторимой красоты кавказской природы. Анзор Чагелишвили любит горы. Всякий раз живописец словно заново открывает их для себя. Дело даже не в том, что в зависимости от освещения и времени года горы каждое мгновение меняют внешний облик—они меняют характер. Он так же трудно уловим, как характер человека, и художник стремится остановить на холсте это ускользающее мгновение. Когда же это удастся, один миг бытия природы, преобразенный воображением и кистью живописца, становится реальностью искусства и обретает новую, самостоятельную и долгую жизнь.

СТАРЫЙ ГОРОД.

Алексей НИКОЛАЕВ